

Содержание

Сын Люцифера. *День 72-й*
Экстрасенс
7

Сын Люцифера. *День 23-й*
ПираМММида
25

Сын Люцифера. *День 66-й*
Рай
205

На перепутье жизненных дорог
Был миг один, когда ослаб мой дух и изнемог
От тягот и невзгод.
И вот
Тогда явился демон мне
В сверкающем огне.

Он ясен был и светел, как заря.
И душу взором мне пронзил и молвил:
«Нет, не зря
Ты жил и мыслил, и творил!
Не зря!
Но даже реки и моря
Планеты нашей бедной всей
Пожара не зальют в душе твоей
И не затушат адских тех углей,
Что, тлея, жгут тебя сейчас, все злее и сильнее.
Но знаешь, презирать людей
Труда не стоит. Впрочем, и любить,
Как Он советует, не стоит тоже... Ну да, так и быть.
Мне жаль тебя, и я хочу помочь.
Внемли же мне: когда настанет ночь...»

...

На перепутье жизненных дорог
Был миг один, когда ослаб мой дух и изнемог...

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 72-й

И настал семьдесят второй день.
И сказал Люцифер:
— Человек сам совершает ошибки и сам потом за
них платит. Но цену назначает судьба.

ЭКСТРАСЕНС

«...prima est haes ultio quod se ludice nemo nocens absolvitur».
(«Первое наказание для виновного заключается в том,
что он не может оправдаться перед собственным судом» — лат.)

Ювенал

1.

Гм... Любопытно...

Кучумов снова бегло пробежал глазами статью.

«Представляя себя двойником человека...» Гм... Чушь, конечно, но любопытно. Желтая пресса, блин. Чего только не понапишут! «Как стать экстрасенсом...» Причем, пишут так, как будто... как будто... — он в затруднении пощелкал пальцами. — Как будто сам по себе факт существования этих самых экстрасенсов сомнений не вызывает. Все, мол, это знают. Вопрос лишь в том, как одним из них стать. А между тем... — Кучумов окончательно запутался в своих умопостроениях и досадливо мотнул головой. — А, черт!.. Думать еще об этом бреде!.. Печатают всякую лажу для лохов! А те хавают.

Но я-то ведь тоже прочитал! — тут же уличил он сам себя и против воли улыбнулся. — Причем с интересом. Тоже схавал, можно сказать. Значит, получается, и я лох!

Он снова усмехнулся, небрежно отодвинул в сторону плохо напечатанную, дешевенькую газетку и раскрыл ноутбук.

Ладно, поработаем немного. Для разнообразия. Дел на завтра полно, а я дурью маюсь. Чепуху всякую читаю...

* * *

Увидев, что сигнал светофора сменился на желтый, Кучумов остановился. Стоявшая же рядом с ним девушка, напротив, неожиданно резко рванулась с места и попыталась пересечь проезжую часть прямо перед самым носом тронувшегося уже с места потока машин.

Она успела пробежать примерно половину дороги, и в это время лениво и безучастно следивший за ней до этого Кучумов вдруг представил зачем-то себя на ее месте. Точнее, представил себя ею.

Он и сам не мог потом понять, зачем? Зачем он это тогда сделал?! Вероятно, статья та проклятая вспомнилась. Про экстрасенсов. Подсознание злую шутку сыграло.

Он ясно, подробно, во всех деталях, как и рекомендовалось в статье, представил себя на месте этой бегущей девушки. Или этой девушкой?.. Как уж там правильно?..

Что вот это он-она бежит,.. бежит,.. машины уже двинулись,.. но пока еще медленно... успеваю... Ощущение было необычайно яркое. Он как будто и правда стал вдруг той девушкой!

И в это самое мгновение в сознании Кучумова задним планом всплыла внезапно купринская Олеся. Хорошенькая полесская ведьмочка. Как она тоже учила главного героя, что надо, мол, слиться с человеком, представить себя им, — а потом раз!.. делаешь резкое движение вперед! — и человек падает. И Кучумов, даже не сознавая толком, что он творит и, главное, зачем!? немедленно именно так и поступил. Сделал резкое движение всем телом вперед. Словно ему хотелось проверить на практике этот книжный совет, выяснить, действительно ли с ним происходит сейчас нечто необычайное, или все это только плод его разыгравшегося не в меру воображения? Упадет девушка или не упадет? Впрочем, все происходило настолько быстро и стремительно, что в тот самый момент он фактически даже не отдавал себе отчета

в своих поступках и действовал, по сути, на уровне инстинктов. По наитию. Раз!.. Упадет — не упадет!? Это уж потом, на досуге, он все эти события тщательно обдумывал и подробно анализировал. А тогда просто сделал — и все. Это же так интересно!

Раз!

Девушка упала.

Крики ужаса,.. жуткий скрип тормозов,.. глухой удар...
Кровь и неподвижно лежащее на асфальте тело.

Совершенно потрясенный Кучумов стоял, оцепенев, и не верил собственным глазам. Он же этого не хотел! Не хотел!! Он просто играл. Шутил! Проверял, какой из него экстрасенс. Этого быть не может!

И тем не менее, это было. Только что по его вине погиб человек. Молоденькая совсем девушка, почти подросток. Фактически, он ее просто убил.

* * *

Кучумов вернулся домой, его трясло. Первым делом он бросился искать ту проклятую газетенку с той чертовой статейкой.

Блядь!.. Куда я ее дел!?!.. Так... Здесь... Может?.. Тоже нет ни хуя!! Пиздец, нет! Выкинул.

Кучумов рухнул в кресло, закрыл глаза и стал лихорадочно заново прокручивать в голове подробности всего, только что с ним происшедшего. Собственно, не сами события, а свои личные, внутренние ощущения, испытываемые им в тот момент. Он пытался понять, что же это все-таки было? Неужели и правда это он?.. Да нет, чушь! Бред!! Не может этого быть! Сказки все это! Начитался всякой дряни, вот и навоображал себе бог знает что!

Так!.. Так... — Кучумов сосредоточился, восстанавливая все в памяти. — Я стою на переходе, — он сразу же словно опять воочию перенесся туда, настолько ярки и свежи еще были вос-

поминания, — рядом эта девушка... Она перебегает дорогу... Я... Да! Вот!! Вот он, этот самый момент, когда все случилось! Когда я слился с ней, стал ею, представил себе, будто это я, а не она сейчас перебегает дорогу. И потом!..

Кучумов открыл глаза и в смертной тоске уставился в потолок. Сомнений не было. Это он виноват в гибели девушки. Он и никто другой! Что-то с ним тогда такое произошло, что он обрел вдруг способность чудеса творить. Вот он и сотворил! Чудо. Воспользовался, можно сказать, внезапно открывшимся у него даром. Толкнул человека под машину.

Кучумов опять закрыл глаза и мучительно застонал. Так плохо ему еще не было никогда в жизни. Не просто плохо. Ужасно!

Я убийца! — безнадежно подумал он. — И никуда от этого теперь не деться! Эта девушка — на моей совести. Она же еще почти совсем ребенок была!.. Господи, Господи! Прости меня! Прости!! Я не знал, что делал!

* * *

Прошел месяц. Жизнь Кучумова за этот месяц круто изменилась. Теперь это был, по сути, совершенно другой человек. Нет, внешне все осталось почти по-прежнему. Работа — дом. Разве что с друзьями он практически перестал общаться. Равно как и с сослуживцами. Рассеянным стал каким-то, что ли... Все время теперь молчал, словно постоянно о чем-то думал.

Но это все были лишь чисто внешние признаки, видимые, так сказать, невооруженным взглядом. Самая верхушка айсберга.

Гораздо более серьезным было то, что творилось у Кучумова в душе. Под водой.

За этот месяц он словно повзрослел на сто лет. Постарел. Чувствовать себя убийцей, пусть даже невольным, оказалось непросто. Очень даже непросто.

Этот страшный груз Кучумов носил теперь в душе постоянно. Таскал за собой повсюду. Как каторжанин пушечное ядро. Что бы он ни делал, чем бы ни занимался, он всегда об этом помнил. На работе, дома, на отдыхе. Везде. Всегда! Не забывал ни на минуту!

Самым ужасным была полная неопределенность. Полнейшая! Он это все-таки сделал или не он? Кучумову, наверное, легче было бы, если бы он наконец в этом убедился. Что да, он!

Но убедиться-то как раз и не удавалось.

Первое впечатление со временем сгладилось и исчезло, а все последующие попытки что-то доказать или опровергнуть...

С тех пор он проделал бесчисленное множество аналогичных опытов: с друзьями, знакомыми, соседями, коллегами по работе, просто случайными прохожими — и ни разу больше ничего подобного у него не получалось. Абсолютно! Даже намеков. Все было глухо, как в танке.

И тем не менее какой-то червячок сомнения у него в душе все же оставался. Копошился там. И грыз его и грыз. Точил и точил.

Дело в том, что он помнил прекрасно то свое внутреннее состояние. Тогда... в тот единственный злосчастный раз, когда все у него так замечательно получилось. Оно было каким-то совсем особым, это состояние. Необычным. Не таким, как всегда. Им тогда словно вдохновение какое-то вдруг внезапно овладело. Подъем! Творческий экстаз. Как будто он стал на мгновение гениальным художником или поэтом.

А сейчас, во время всех этих бесчисленных последующих экспериментов, ничего подобного не было. Ничего, даже отдаленно похожего на то восхитительное состояние необычайного душевного подъема, он больше ни разу не испытывал. Вот то-то и оно!.. Может, в этом-то и было все дело? Поэтому-то больше ничего у него и не выходило?..

Он создал гениальное произведение и теперь не может его повторить. Ну и что? Что это меняет? При чем здесь повторы?

Все равно, получается, он гений, как ни крути. То бишь, экстрасенс, черт бы все побрал!! Первое-то произведение все равно ведь именно он создал! Девушку угробил. Он, и никто другой. Он — его автор. Он — убийца!

* * *

Прошло еще полгода. Боль Кучумова притупилась. Не исчезла совсем, но в значительной степени притупилась. Он сумел загнать ее в самые дебри подсознания. Дар его больше никак не проявлялся, и он почти убедил себя, что все это ему тогда просто-напросто привиделось. Померещилось. Начитался всякой... хуйни!! — вот и навывдумывал себе невесть чего. Экстрасенс!.. Хренов.

Убедить-то убедил, да... не совсем. В глубине души Кучумов знал прекрасно, что это не так. Иногда, в минуты отчаяния, он вспоминал во всех подробностях тот... треклятый день!!! и тогда ему становилось совсем невмоготу. Тогда он шел в ближайший магазин, покупал водку и быстро напивался в одиночестве до чертиков. До потери сознания. Пока не отключался прямо за столом.

Помогало, но плохо. И не всегда, к тому же. Иногда наутро еще хуже становилось, и тогда приходилось новую дозу принимать. Новую порцию лекарства.

Его страшная тайна подтачивала его изнутри. Пожирала, как раковая опухоль. Он сделался за эти полгода угрюмым и раздражительным. Желчным. Окружающие от него теперь попросту шарахались. Скоро вокруг Кучумова образовался самый настоящий вакуум, и он остался совсем один.

2.

Кучумов дернулся как от удара. Его будто обожгло что-то. Он поискал глазами и тут же обнаружил источник боли. Это была относительно молодая еще, красивая, холеная дама как раз

в этот самый момент садящаяся в роскошный лимузин с шофером на той стороне улицы. Высокий спортивный парень, по виду типичный охранник, предупредительно распахивал перед ней дверцу. Еще один такой же маячил сзади.

— Женщина, женщина!.. — не раздумывая, громко, на всю улицу, закричал Кучумов и отчаянно замахал руками, чтобы привлечь к себе внимание. — Да-да, Вы! — еще громче закричал он и, как болванчик, часто-часто закивал головой, увидев, что та, к кому он обращается, удивленно на него воззрилась. —

Подождите секундочку!

Ловко лавируя между машинами, он быстро пересек улицу и приблизился к неподвижно застывшей на месте в своем величественном изумлении даме. Торопливо показал пустые руки шагнувшему было ему навстречу охраннику и, задыхаясь и с трудом переводя дыхание, сбивчиво проговорил:

— Извините!... Всего на два слова!..

* * *

— Нет, я Вам десятый раз уже объясняю: я не имею к похитителям Вашей дочери ни малейшего отношения! — терпеливо повторил Кучумов подозрительно глядевшему на него мужчине. — Еще раз говорю, я просто шел по улице, почувствовал исходившую от Вашей жены боль и подошел к ней. Это было чисто инстинктивно. А про то, что у вас дочь похитили, только от Вас, сейчас вот узнал. А тогда, на улице, я лишь боль почувствовал. Волну боли. Я чувствую иногда эти вещи, я.. — Кучумов помедлил и с отвращением закончил, — экстрасенс.

— Так чего Вы от нас все-таки хотите? — еще более недоверчиво поинтересовался мужчина. — Денег за помощь? Сколько?

— Да не надо мне никаких денег! — раздраженно уже бросил Кучумов. — Ничего я от вас не хочу! Я хочу лишь помочь —

и все. Совершенно бескорыстно. Попробовать помочь, — после небольшой заминки суеверно поправился он. — Дайте мне хоть какую-нибудь вещь Вашей дочери, любую: пуговицу, носовой платок... — что угодно! Фотографию можно... Вот и все! Это все, что мне от Вас сейчас нужно.

В комнате повисло напряженное молчание. Мужчина по-прежнему не сводил с Кучумова внимательных и настороженных глаз.

— Я вам не верю, — наконец медленно, почти лениво, нараспев произнес он. — Не верю я ни в каких экстрасенсов! «Шел случайно по улице!.. почувствовал волну боли!..» Чушь!! Сказки для дурачков. Постановка конкретная! Развод лохов.

Я лично так полагаю, что вы просто из их компании. Тех уродов, что мою дочь похитили. И теперь просто какую-то новую игру затеваете. Чтобы денег из меня побольше вытянуть.

Но только этот номер у вас не прокатит!.. — тонкие губы мужчины растянулись в подобие улыбки, глаза угрожающе сузились. — Тут вы, ребятки, фраернулись!

Сейчас мои пацаны побеседуют с тобой, козел, по душам, и ты нам все расскажешь. Что и как. Уши тебе к табуретке гвоздями прибьют, паяльник в жопу засунут — очень, знаете ли, способствует!.. Откровенности.

— Ну, хорошо, а если Вы все-таки ошибаетесь, что тогда? — Кучумов тоже попытался улыбнуться, хотя губы его не слушались. Ему было по-настоящему страшно.

Во что я ввязался!? — подумал вдруг он. — В разборку банд? Этот, папаша, сам, судя по всему, такой же.

Но отступить было уже поздно. Теперь надо было идти до конца.

— Вдруг я и правда могу помочь? Верите Вы или не верите, но попытаться-то можно! Тем более, что я ведь от Вас ничего не прошу. Никаких денег.

— Ну, помочь-то ты в случае чего и с пробитыми ушами сможешь,.. — задумчиво процедил мужчина, все также оценивающе и цепко разглядывая Кучумова. Но в голосе его послышались колебания. — Ладно, черт с тобой! — наконец, судя по всему, решил он. — На похитителя ты, конечно, не похож. Вид у тебя полного мудака. Лох голимый. Ботаник. Дам я тебе ее фотку! Но смотри!..

— Послушайте! — Кучумов неожиданно ощутил, что он больше не боится. Приступ слабости прошел. — Я ведь Вам помочь пришел! Помочь!! Совершенно бескорыстно и ничего не требуя взамен. Что Вы себя так ведете? Не по-людски. Вы вообще человек?

* * *

Кучумов сел за стол, положил перед собой фотографии девочки и попытался настроиться. Он и сам не знал, что это означает, и что у него из этого получится. И получится ли вообще что-нибудь. То чувство, которое он испытал утром, при встрече с матерью несчастного ребенка, сейчас уже бесследно исчезло, и появится ли оно опять, было неизвестно. Но Кучумов почему-то был уверен в душе, что появится. Не может не появиться! Не зря же снова в нем это дар пробудился. Именно теперь.

Впервые с того самого, рокового раза. Впервые за... сколько там месяцев?.. За полгода?.. Больше! Н-да... Ну-с... Гм... Симпатичный ребенок... Впрочем, все дети симпатичные. Сколько же ей лет?.. Лет 8, наверное... А может, 9... А может... А может, а может... Вот! Есть!! Все!!!

Кучумов вдруг ощутил, что между ним и девочкой установилась мгновенно какая-то внутренняя связь. Он чувствовал, что она испытывала сейчас. Ее растерянность, панику, страх... Она была очень испугана сейчас, эта девочка. Очень-очень.

Смертельно. Ей хотелось домой, к родителям, к маме и папе. Окружающие взрослые — грубые, неразговорчивые, незнакомые мужчины — внушали ей ужас. Она боялась их до дрожи.

И еще Кучумов понял, что сможет ее найти!! Он ощущал направление, в котором надо двигаться. Вот туда... Да-да, она там!

Кучумов возбужденно вскочил с кресла и принялся лихорадочно одеваться.

Отцу надо позвонить! — вспомнил вдруг он и на секунду остановился. — Как договорились. Если что-то почувствую.

Кучумов прислушался к своим внутренним ощущениям.

Нет!! Некогда! Надо спешить! Ехать немедленно! Самому. Связь может в любой момент оборваться. А в присутствии посторонних — тем более. Одному надо ехать! Прямо сейчас. Засеку место, а потом уже отцу сообщу, — решил он. — Пусть делает, что хочет.

Он уже выскакивал из квартиры, захлопывая за собой дверь, тыча ключом в замок и в спешке никак в него не попадая.

Кучумов пулей вылетел из подъезда, подбежал к своей машине и распахнул дверцу.

Через минуту он уже мчался к выезду из города.

* * *

За окном замелькали деревья. Кучумов гнал по пустому шоссе под 140. Он торопился. Его словно подстегивало, подталкивало что-то: быстрее! быстрее! быстрее! пока еще есть связь! дорога каждая минута! В том, что он движется в правильном направлении Кучумов не сомневался ни секунды. Близость девочки ощущалась им все острее. Но это пока. Пока есть связь. Если же связь оборвется... Короче, следовало торопиться. Быстрее!.. Быстрее!!..

Кучумов на полной скорости проскочил какой-то очередной незаметный поворот с главной дороги и резко затормозил.

Э-э, нет!.. Нам сюда!

Асфальт,.. асфальт,.. гравий... Блядь! ямы какие-то! а-а, черт!.. Что за дорога!? куда я еду?.. Ну вот, получше, вроде... Ага!.. Что это у нас такое?.. Пожалуй, лучше здесь и остановиться.

Кучумов заглушил мотор, вылез из машины и осмотрелся. Дальше начинался дачный поселок. Девочка была где-то совсем рядом. Кучумов это ясно чувствовал. Так ясно, словно он находился с ней в одной комнате.

Ну, и чего теперь? — Кучумов в нерешительности окинул взглядом стоявшие невдалеке дома. — На этом и остановимся? Или будем все же конкретный дом искать?

Он вынул из кармана мобильник и взглянул на экран. Пусто! «Вне зоны действия сети». Это окончательно решило его сомнения.

Ладно, глупо так уезжать, — подбодрил он себя. — В двух шагах от цели. Ну, гуляю я по поселку, ну, и что? К тому же вид у меня полного мудака, как этот папа ее сказал. Никто меня не заподозрит.

Он осторожно пошел мимо домов.

Нет,.. нет,.. не этот,.. не этот... но уже совсем близко!.. не этот... Да где же, черт?!.. А-а-а!.. Вот он. Да, точно. Здесь! В этом доме.

Кучумова просто захлестнула волна отчаяния и страха, как тогда, на улице. Источник был слишком близко, буквально за стеной.

Где же они ее держат? — мелькнуло у него в голове. — В подвале, что ли? А если она закричит? Вряд ли тут такая уж звукоизоляция. Значит, наверняка в подвале. Сволочи!

Ему вдруг вспомнилась та, первая девушка. Погибшая по его вине. Распростертое на асфальте окровавленное тело. Все эти месяцы он гнал от себя эту кошмарную картину, но сейчас она всплыла в памяти необыкновенно ярко.

Я спасу эту девочку! Чего бы мне это ни стоило! — поклялся себе Кучумов. — И тем самым искуплю тот свой грех. Жизнь за жизнь!

Собственно, эта сокровенная мыслишка и была истинным двигателем всех его героических поступков с самого начала, просто он не решался никак ее озвучить и сам себе в этом признаться. Что не так уж бескорыстно он на самом-то деле и действует. Прехи замаливает. Сделку с судьбой заключает. Баш на баш! Девочку на девочку.

«Не надо мне никаких денег!» Ах, как благородно, скажите, пожалуйста! Рыцарь, прямо. Без страха и укропа. Баярд. Ладно, впрочем.

Но что все-таки за подлое существо человек! — цинично усмехнулся про себя Кучумов. — Существует ли оно вообще, подлинное бескорыстие? Если копнуть поглубже — обязательно что-нибудь, да выкопаешь. Какую-нибудь дрянь.

Да и что это вообще значит: «бескорыстно»?.. Просто так? Тогда зачем ты вообще это делаешь? Если у тебя нет никаких стимулов?

Всегда есть какая-нибудь корысть!.. Всегда-а!.. Какая-нибудь, да тайная выгода! Гнильца-с... Если не материальная, так, значит, моральная. Что еще хуже. Потому что с материальной-то хоть все ясно, а с моральной человек еще и лицемерить непременно начинает. И паладином на белом коне себя выставлять. Уверенный, что его никто уличить никогда не сможет. Ткнуть носом, что он такой же точно, как и все. Такая же эгоистичная и себялюбивая мразь.

«Не надо мне ничего» — это значит: «надо все!!»

Ах, прах тебя побери!

* * *

Ладно, — Кучумов в последний раз посмотрел на дом, на соседние дома, убедился, что он хорошо запомнил место и сможет его теперь всегда при необходимости отыскать, и повернулся, чтобы уйти, — больше мне здесь делать нечего. Это не кино,

и я не Стивен Сигал. Надо идти папашке звонить. Пока меня здесь не застучали и действительно уши к табуретке гвоздями не прибили. Вместе с яйцами.

Он сделал уже несколько шагов и вдруг замер на месте как вкопанный. Он почувствовал внезапно, что в доме никого нет! Никого, кроме девочки! Никаких бандитов. Он мог в этом поклясться! Он это явственно ощущал!

Вероятно в эту критическую минуту, когда нервы его были напряжены до предела, а все чувства обострены, его новые паранормальные способности тоже резко обострились. Впрочем, особо над всем этим Кучумов сейчас не раздумывал. Отчего да почему. Ему было не до того. Главное, что дом был пуст! И он знал это совершенно точно. Вот что было сейчас единственно важным! Все остальное было несущественно.

Кучумов заметался. Он совершенно не представлял себе, что ему теперь делать. С одной стороны, он понимал прекрасно, что такой невероятной удачи упускать нельзя, но, с другой стороны... С другой стороны, он был, в сущности, обычный законопослушный гражданин, рядовой обыватель. («Лох голимый!» — припомнилось вдруг ему, и он криво усмехнулся.) Как это: лезть в чужой дом!? Это же преступление! За это и в тюрьму сесть можно!

Кучумов облизал пересохшие губы, еще раз огляделся по сторонам и на негнущихся ногах подошел к двери. Глаза заливал пот. Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит сейчас из груди.

Он постучал в дверь. Сначала негромко, робко совсем, потом сильнее, потом, осмелев, уже в полную силу. Ни звука! Кучумов постучал уже ногой, не церемонясь и громко крича:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?!

Тишина! В доме, похоже, и правда никого не было.

Дальше Кучумов действовал как во сне. Не думая и не колеблясь. На автомате.

Он быстро сбежал с крыльца, приблизился к окну, снял, торопясь, с ноги ботинок, размахнулся и изо всех сил ударил им по стеклу. Звон раздался такой, что, казалось, сейчас сюда сбежится вся округа.

Однако ничего не произошло. Никто не появился. Все вокруг как повымерло. Похоже, соседние дома были необитаемы.

Кучумов прислушивался еще мгновенье, потом начал, спеша, выбивать ботинком торчащие отовсюду из рамы осколки, чтобы не порезаться, когда полезет в дом. Времени это заняло у него совсем немного.

Люк, ведущий в подвал, он обнаружил почти сразу. Да он и не мог его не обнаружить. Никакого труда это ему не составило. Девочка сияла для него, как маленькое солнце, как мощный тысячеваттный прожектор. Она притягивала его, словно магнит.

Замка на люке, слава богу, не было. Только засов. Кучумов откинул дверцу и заглянул вовнутрь. Внутри было темно.

— Даша! — громко позвал он. — Не бойся! Я пришел тебе помочь. Меня прислал твой папа.

* * *

Кучумов включил зажигание. Руки дрожали. Его вообще трясло всего, как в лихорадке, хотя он и старался этого не показывать, чтобы еще больше не испугать сидящую рядом и без того насмерть перепуганную Дашу. Ребенок, судя по всему, до сих пор еще находился в каком-то шоке. Да и немудрено! Провести неделю в этом темном, сыром подzemелье! Тут и не каждый взрослый выдержит.

Кучумова передернуло. Ну, и сволочи! Нелюди.

Мотор еще не прогрелся, и машина резко дернулась с места и потом некоторое время шла рывками. Кучумов от волнения никак не мог сориентироваться и сообразить, правиль-

но ли он едет. Впрочем, дорога тут была одна, и заблудиться было невозможно.

Гравий,.. гравий... Ага! вот они, эти ямы, значит, все правильно, сейчас асфальт начнется... Ну, точно! вот он, родимый, — все правильно, сейчас на трассу выскочим. А там уже!.. Господи, пронеси! Неужели получилось?..

Кучумов посмотрел направо,.. налево,.. притормозил, пропуская какой-то грузовик, и аккуратно вырулил на главную дорогу. Плавно притопил педаль газа, и машина, быстро набирая скорость, рванулась вперед.

Все! — Кучумов облегченно откинулся на спинку кресла и покосился на съезжившуюся на соседнем сиденье девочку. — Спасены!

Он уже хотел было улыбнуться Даше и сказать ей что-нибудь одобрительное, как вдруг улыбка замерла у него на губах. Он заметил краем глаза, как сидящие в ехавшей навстречу бээмвэшке четыре крепких короткостриженных парня в изумлении вытаращились на него и на Дашу, а поглядев в зеркало заднего вида, увидел, как бээмвуха резко затормозила и начала торопливо разворачиваться.

Пиздец! — похолодев, понял он и почувствовал, что сердце у него обрывается и проваливается куда-то в ледяную пустоту. — Ну, я и дурак! Нужно было спрятать ее. Хотя бы на заднее сиденье посадить.

Шансов уйти от мощного бумера не было никаких. Кучумов это прекрасно понимал.

Все дальнейшее словно слилось для него в одно единое длинное мгновенье.

Дикий скрежет тормозов, он выскакивает из своей старенькой «девятки», обегает ее, распахивает правую дверь, хватает ничего не понимающую и визжащую от ужаса девочку и грубо вышвыривает ее из машины:

— Беги отсюда!! Быстро!!!

Вскакивает снова в машину, разворачивается почти на месте, круто вывернув руль, и мчится, вдавливая до упора в пол педаль газа, все быстрее и быстрее, навстречу стремительно приближающийся, сверкающей на солнце иномарке.

Только лоб в лоб!! — успевает еще подумать Кучумов, прежде чем через секунду все тонет для него в чудовищном грохоте и грозном реве пламени.

* * *

— Папа, а тот дядя умер? — уже лежа в постели, спросила чистенькая, умытая и причесанная Даша, вопросительно и серьезно глядя снизу вверх на своего отца.

— Да, — помолчав, ответит тот. — Так получилось. Спи, Дашенька! Ты устала, тебе надо сейчас поспать. Спи.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- И что будет дальше с той девочкой?

И ответил, усмехнувшись, Люцифер Своему Сыну:

- Ничего. Она вырастет, выйдет замуж, нарожает детей и забудет всю эту историю.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 23-й

И настал двадцать третий день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Написано: «В начале было Слово. Все через Него
начало быть. В Нем была жизнь».
Что это значит?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Я покажу Тебе это.

ПираМММида

«...и при уме его и коварство будет
иметь успех в руке его, и сердцем своим
он превознесется, и среди мира погубит
многих, и против Владыки владык
восстанет, но будет сокрушен — не рукою».

Книга пророка Даниила

«И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий,
то веди этому камню сделаться хлебом».

*Евангелие от Луки.
Первое искушение Христа*

1.

— Бред какой-то! — адвокат поднял голову и посмотрел на Паутова, как на полного идиота. — И кто будет эти Ваши бумажки покупать?!

— Послушайте! — с холодным бешенством прошипел тот. — Меня абсолютно не интересует Ваше мнение. Абсолютно! Меня интересует лишь: законна ли эта схема? Все!! А уж будут покупать или не будут — это не Ваше дело! Это Вас совершенно не касается. Вы мне только скажите: схема законна? Я уже битый час пытаюсь от Вас этого добиться!

— Ну, не зна-аю... — адвокат опять окинул задумчивым взглядом лежащие перед ним на столе бумаги. — Так... вроде... Так Вы говорите?.. — снова вопросительно взглянул он на Паутова.

— Еще раз повторяю, — терпеливо, в который уже раз начал свои объяснения Паутов, мысленно проклиная бестолковость своего собеседника и ругая его на чем свет стоит. — Я объявляю свои подписи произведениями искусств и начинаю торговать ими — продавать и покупать — по следующей схеме.

Сегодня продаю, например, по 10 рублей, покупаю по 9.90. Завтра: продаю по 10.10, покупаю по 10. Послезавтра: продаю по 10.20, покупаю по 10.10. И так далее.

С таким расчетом, чтобы цены за месяц выросли примерно в 2 раза.

Короче, торгую по принципу: сегодня всегда дороже, чем вчера.

Ну, чего здесь непонятного!?!? — не в силах больше сдерживаться, заорал он. — Извините,.. — тут же, опустив глаза и испытывая огромную неловкость, пробормотал Паутов. (Черт! Нервы!..) — Но я Вам это уже ну, раз пятый объясняю, ну, ей-богу!..

— А цены откуда берутся? — все так же спокойно и как ни в чем не бывало переспросил адвокат.

— Да я их сам назначаю! Просто объявляю — и все!

— Как это Вы можете «назначать цены»?! — удивленно вскинул брови адвокат. — Цены рынок назначает. Это бы и все так «назначали» и деньги лопатой гребли! — собеседник Паутова весело засмеялся, чрезвычайно, судя по всему, довольный собственным остроумием.

Паутов на секунду закрыл глаза. Ну, деби-ил!.. Ну, что за идиот!.. К другому, разве, пойти? Хотя этот — бывший следователь, сказали... Как раз по таким делам...

— Александр Владимирович! — тщательно подбирая слова, снова начал он. — Давайте я все-таки еще раз все с самого начала расскажу, а Вы мне потом просто скажите: законно это или нет? Без всяких комментариев о возможной целесообразности или нецелесообразности данного проекта. Равно как и о его, с Вашей точки зрения, эффективности. Хорошо?

— Хорошо, — перестав смеяться и помолчав немного, согласился сидящий напротив солидного вида мужчина. Паутову показалось, что он несколько обиделся.

«Обиделся»? И я ему еще должен деньги платить «за консультацию»? Да это он мне заплатить должен! Сколько я с ним сегодня здоровья потерял!.. Нервов одних... И все только ради того, чтобы заставить наконец этого мудака сказать: да-нет! Вообще пиздец! Вместо этого уже час слушаю какие-то непонятные остро-ты, комментарии и бесконечные разглагольствования на тему: «отчего да почему?»! «Да зачем?..» Да затем!! Надо мне так! Надо!!

— Итак, Александр Владимирович! Давайте все еще раз и с самого начала.

Я торгую своими подписями, объявив их произведениями искусства. Ну, как художник торгует картинами. Разницы ведь тут принципиальной нет — подписи или картины. Просто нечто уникальное. Авторская работа.

Я их и продаю, и покупаю. Покупаю, соответственно, чуть дешевле, чем продаю. Цены назначаю я сам, и они все время растут. Темпами — примерно на 100% в месяц. В два раза. Цены я даже публикую на две недели вперед, чтобы люди в курсе были. Правда, с оговоркой: «предполагаемые цены». То есть это просто мое мнение, что они такие будут. Мой прогноз. А уж будут ли!.. Дело темное. Может, будут, а может — и нет. Я, по крайней мере, не гарантирую и не обещаю. Только надеюсь.

Я вообще, кстати, ничего не обещаю и не гарантирую! Ни что цены будут расти, ни что я буду все время эти подписи выкупать. Пока — растут, пока — выкупаю! А уж дальше — посмотрим. По ситуации.

И более того, я прямо об этом объявляю! Что, граждане дорогие, имейте в виду! Цены могут в любой момент упасть!.. Я могу с любой момент отказаться эти подписи выкупать!.. Вообще все, что угодно, может в любой момент случиться! Так

что — смотрите сами. Хотите — покупайте, хотите — нет. Дело хозяйское. Чтоб в случае, если деньги потеряете — никаких вопросов ко мне не было.

Но пока цены — растут! И все до сих пор зарабатывали по 100% в месяц! Легко. А уж дальше... Но пока — растут!! — Паутов сделал паузу и посмотрел в упор на адвоката. — Это — законно?

— Да бред это все полный! — взорвался тот. — Чушь!!

— Это — законно? — снова холодно повторил Паутов свой вопрос.

— Да, — ответил, помолчав, адвокат и пожал плечами. — Это законно.

* * *

Паутов не шел, а буквально несся, мчался по улице, кипя от ярости. Возмущение прямо-таки переполняло его.

«Кто будет эти бумажки покупать?»!.. Да все будут! Причем тут бумажка или не бумажка? Фактически это просто объект спекуляции, вот и все. А уж, что именно — значения не имеет! Картина, машина или моя подпись. Вещи для спекуляции покупают не из-за их товарно-потребительской ценности, не для того, чтобы ими пользоваться по назначению, а просто, потому что ими можно спекулировать. Продать потом подороже. С выгодой. Что цены на них растут!

А уж картина это Рафаэля или моя закорючка — значения не имеет! Разницы никакой. Закорючка даже лучше, так как цена растет быстрее. Причем практически гарантированно. Жестко! Прогнозируемо и предсказуемо. Не зависимо ни от чего. Ни от капризов рынка, ни от спроса, ни от предложения. Поскольку тут чистая математика. Просто схема так работает.

Причем противостоять, противиться этой схеме невозможно! Это абсолютное оружие. Как в одном из рассказов Шекли. Без-

донный рот, который жадно пожирает все. И живое и мертвое. Погубивший в итоге марсианскую цивилизацию. Не знаю уж, правда, с какого Марса эта схема в мою голову залетела... Но суть та же. Гигантская воронка, затягивающая деньги. Все деньги. Все!

Ты не хочешь покупать эти «никчемные бумажки»? Ну, не покупай! Твой дурак — сосед купил месяц назад и уже удвоил свои деньги — купил себе машину, шубу жене.. — а ты ходи по-прежнему и гордись, какой ты умный. Бедный, но — умный!

Это же правда все!! Не обман! Деньги действительно платятся! Действительно можешь в любой момент пойти и продать. По более высокой цене. Хоть сегодня, хоть завтра. Хоть через месяц. Пожалуйста! Это же не развод какой-нибудь голимый, что ты мне сегодня деньги, а я тебе через месяц... О-го-го!.. Не сосчитаешь! (А через месяц естественно, — ...) Это все — реально.

Так что — как можно «не покупать»? Как может быть ситуация, что людям даром дают деньги, а они их не берут? Это нонсенс. Парадокс! Если у тебя такая ситуация возникла, значит, ты просто мудака. Что-то не так делаешь. Только и всего. Именно с этой точки зрения на нее, на эту ситуацию, и смотри. Пытайся понять, в чем твоя ошибка? Что не так? Рекламы, может, мало или еще чего? Людям, может, плохо объяснил, в чем тут суть? Ну, короче, конкретно смотреть надо. По ситуации.

Но, главное, помни твердо! Виновата не схема, а ты сам. Проблема не в ней, а в тебе. Вот с этой позиции и разбирайся и анализируй. Ищи, в чем тут дело? Думай!

Паутов слегка успокоился и несколько замедлил шаг. — Куда это я лечу? — с легким недоумением подумал он. — Нервы, блядь, не в пизду! Тормоза не те. Доконал меня все же этот адвокатишка проклятый. Ни дна ему, ни покрывки! Достал, блядь! Глупостью своей беспросветной. «Кто покупать будет?»!.. Да все будут!! Ладно, ладно! а то по второму разу сейчас опять пойду. Гонять. По кругу. Все, все! Хватит! Хватит. О деле

лучше подумать. О деле. Как открываться и где? С чего начать? С рекламой что делать? Бабок-то!.. Кот наплакал. Напряженка с бабками! На рекламу точно не хватит. Есть у меня, правда одна идейка... ну, посмотрим.

Но мысли его, против воли, снова и снова возвращались к самой схеме.

И, главное, законно ведь все! Это и так ясно было, с самого начала, можно было даже к этому мудаку-адвокату не ходить. Так уж... на всякий пожарный... Для очистки совести. А вдруг какой-нибудь нюансик тут все же есть!.. Который я сейчас не учел. Просмотрел. И к которому власти потом и приебуться. Когда закрыть попытаются. А что попытаются — можно не сомневаться! Это и к гадалке не ходи. Не то, что к адвокату. Вопрос времени. Так что лучше с самого начала быть к этому готовым, именно на это ориентироваться и заранее, по возможности, подготовиться.

Хотя, конечно, чего тут «готовиться»?!.. Готовься, не готовься... Ну, во всяком случае, я им жизнь облегчать не собираюсь. Пусть им будет потруднее! Формально у меня все чисто. Комар носа не подточит. С точки зрения закона все тип-топ. Полный ажур! Нет тут никаких нюансов и нюансиков! Нет и быть не может! Все настолько просто, что и дураку полному это ясно.

Покупка-продажа! Какие ко мне претензии?.. Почему цены растут? — Да потому что спрос растет! Чего тут непонятного? Если бы не рос — разве стал бы я цены повышать? Себе во вред? В убыток? — Покупают почему? — Ну, это уж, знаете!.. Не ко мне вопрос! Надо, наверное, — вот и покупают. Да и вообще!.. хотят — и покупают! Вам-то что? Имеют право. — Пирамида, говорите?.. А что это вообще такое? Вы сами-то знаете?.. Следующим за счет предыдущих?.. Так это тогда любой банк под это определение прекраснейшим образом подпадает! Любая финансовая структура. Попробуйте оттуда все

деньги сразу забрать!.. «Нету»? А где же они?.. Ах, «вложены»? Ну, «выложите» и расплатитесь! Пусть даже и без процентов... Все равно не можете?.. Вот то-то и оно!

Да... Вообще-то забавно, конечно, все это... Можно было бы, конечно, и акциями так торговать, раскрутиться проще было бы — акции,.. привычное что-то,.. все знают... Но, с другой стороны, — сразу под Закон о ценных бумагах подпадешь. Чего-нибудь, да нарушишь обязательно! Или скажут, что нарушил. У нас же все это...

В общем, подписи лучше. Проще! А чем проще в этих делах — тем и лучше. Тем сложнее приебаться. В конце-то концов все равно, конечно, найдут, к чему. Например, почему подпись синей пастой сделана? А не черной? Или, еще лучше, фиолетовой. Фиолетовыми. Чернилами... Тушью!! И гусиным пером. Как по нашей Конституции положено.

Но это, когда еще будет!.. Пока въедут, пока сориентируются... Пока поймут, что к чему... Государственная машина же неповоротливая. Как бронтозавр. Пока еще от хвоста до головы нервный сигнал дойдет!.. Время, короче будет. Будет-будет! Форс. Гандикап. Я играю белыми! Главное только его с толком использовать. Это время. Преимущество первого хода. Сыграем, короче! Поехали! «Кто за меня?! Мы выиграем с вами!» Хоп! Начали!!

2.

Всю следующую неделю Паутов крутился, как белка в колесе. Он нашел помещение, поставил там компьютер и посадил найденную через биржу труда девочку. Обычную операционистку. Можно было, в сущности, и без компьютера на первых порах обойтись, да и самому вместо девочки посидеть бы не грех — деньги сэкономить, но... Директор фирмы, и вдруг сам сидит, деньги принимает... Фи!.. Несolidно.

На хуй нужна, в общем, такая «экономия». «Сэкономить» тут!.. На грош пятаков. Нельзя с самого начала такие элементарные ошибки совершать! Нельзя!! Жалко, конечно, денег, что и говорить, жалко — но!.. что поделаешь... Положение, как говорится,.. обязывает. Оближ! Назвался груздем...

Пришлось, короче, тратиться.

Денег, между тем, после всех этих трат осталось совсем немного. С гулькин хрен. Да вообще, можно сказать, почти ничего не осталось. На месяц работы. Ну, полтора от силы. Зарплаты-аренды... А потом? Дальше-то что?!

Паутов фактически играл ва-банк. То, что он угрохал на всю эту свою безумную затею, на реализацию этой своей сумасшедшей схемы, в которую абсолютно никто не верил и все только весело и от души ржали, когда о ней слышали, не только все свои деньги, но еще и в долги по уши залез — это само собой. Регистрации,.. консультации— хренации,.. смазки-подмазки всякие бесконечные... ну, короче, чего тут объяснять, и так все ясно.

Но это было еще полбеды. Само по себе все это Паутова весьма мало волновало. Чисто бытовая сторона вопроса. Что он, в случае неудачи вообще без гроша за душой останется, да еще и с кучей долгов в придачу.

А-а!.. Плевать! Разберемся! Будет день, будет пища. Выкручусь как-нибудь. Проживу. «Мне мало надо...»

Гораздо больше его беспокоила мысль о том, что из-за этих дурацких копеечных проблем, из-за острого и отчаянного недостатка денежных средств, может пострадать сама идея. Все может рухнуть, даже и не начавшись. Из-за этой проклятой бедности.

Во-первых, неизвестно, сколько времени на раскрутку надо. Сколько будет длиться, образно говоря, инкубационный период. Пока процесс не пойдет наконец уже всерьез, по-настоящему, полным ходом! Может, первые месяца два-три все вообще только присматриваться будут да приноживаться? Жалом водить. А

покупать лишь потом начнут? Блядь, «два-три»!.. А у него денег всего на месяц. Это во-первых.

А во-вторых, Паутов полностью отдавал себе отчет в том, что на начальной стадии необходимо наличие хоть каких-то свободных ресурсов. Резервов. Ну, купил человек — решил по-пробовать. Через неделю— две принес сдавать. А из чего ему платить? Если за все это время он был, по сути, чуть ли не единственным покупателем? Естественно, из своих. А где они? Эти «свои»? Где, я вас спрашиваю?! Нетути? Так какой же ты, блядь, тогда атаман, коли у тебя нема золотого запаса?!.. М-да... Золотого запаса-то бы сейчас действительно... не помешало...

Паутов живо напоминал себе сейчас того джеклондонского боксера, которому не хватило для победы всего лишь одного куска мяса. Одного-единственного!! Ему надо было съесть его накануне, перед боем — и тогда бы он наверняка выиграл. Но — денег не было. Де-нег! И в результате... в результате рухнуло все.

Как глупо устроен мир! — подумал Паутов. — Или может, наоборот, мудро? Хитро, в общем. Нельзя никому передать свое знание будущего. Свою уверенность в том, что все будет именно так, а не иначе. Ты знаешь это, но тебе никто не верит. Проклятие Кассандры срывает. Кинула тогда Аполлона!.. Дура-баба. А мы отдувайся.

Ведь тот кусок мяса стоил многого!.. О-ох, как многого!.. Сотни таких кусков! Тысячи!! Можно было купить его тому несчастному боксеру, и потом смело на него ставить бабки. Любую сумму! Но... Никто, кроме самого боксера, этого, увы, не знал. Никто в него не верил. И в результате в целом мире так и не нашлось того человека, который бы это сделал. И разделил бы с ним потом, естественно, плоды его победы. Никто так и не решился рискнуть даже одним долларом, чтобы практически гарантированно выиграть потом на этот доллар тысячу! В итоге проиграли все. Точнее, не выиграл никто. Деньги валялись под ногами, но их так никто и не поднял.

* * *

К счастью, Пауту повезло. По-крупному! Его опасения и страхи не оправдались. Вскоре он уже и не вспоминал о них. Инкубационный период оказался на удивление короток. Дела резко пошли в гору практически сразу. Уже через неделю после открытия в офисе к Пауту стояли очереди. Толпы! Сначала, правда, не очень большие, жиденькие, но с каждым днем буквально все густевшие и густевшие. Подписи шли на ура! Паутов еле успевал подписываться.

Очень помогла и его рекламная «идейка», которая оказалась на практике чрезвычайно эффективной. Паутов заготовил вручную несколько тысяч своих подписей и сам лично разбросал их в почтовые ящики вместе с краткой аннотацией. Своего рода самодельным рекламным буклетом. Что и как. Можете, мол, в любой момент продать по такому-то адресу. По более высокой цене. Вот кстати, и таблица предполагаемых цен на ближайшие две недели. Планируемых. Приходите и убедитесь во всем сами. Все правда! Платим всем! А эта подпись — подарок Вам от нашей фирмы. Презентик-с. Успехов!! Играйте и выигрывайте! Богатейте вместе с нами!!

Это был с его стороны очень смелый шаг! Крайне рискованный. А если все действительно сдавать прибегут? А покупать никто ничего не будет? Денег-то нет! Впрочем, терять Пауту было уже нечего. И, как, оказалось, это было даже и к лучшему. Так-то он, быть может, и не решился бы никогда на такие отчаянные, дерзкие и радикальные меры. Жался бы себе да скопидомничал, кряхтя да экономя каждую копейку, все прикидывал бы, рассчитывал да анализировал — и в результате вся идея могла легко захиреть, заглохнуть на корню, изойти измором. А так!..

Либо пан, либо пропал! Чего там!.. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах! Первое, конечно лучше, предпочтительнее, но в конце-то концов!.. Надо уметь рисковать. Ставить все

на карту. Чтобы выиграть, надо сначала сделать ставку. Игруем! Пошло!! Все на красное! Ва-банк!!

Получив первые деньги, Паутов вовсе не бросился их тратить и транжирить, кутить, прожигать жизнь, заводить себе любовниц, покупать дачи, машины и прочее. Он даже костюма себе нового не купил. Так и ходил, как раньше, в тренировочном. Не то, чтобы он кроил и экономил на себе или жадничал, просто все это ему было совершенно безразлично и неинтересно. Его интересовало только дело.

К тому ж денег все равно катастрофически не хватало. Нужны были новые офисы, новые сотрудники, новая техника. А все это деньги, деньги, деньги!.. А реклама одна чего стоит! На радио, в газетах, на телевидении... Везде. О-о-о!.. На рекламу Паутов средств не жалел. Реклама — двигатель торговли! А значит — и успеха. Это он помнил твердо. А потому!..

Вообще, насколько скуп и прижимист Паутов был по отношению к себе самому, насколько неохотно расходовал он средства на собственные нужды, настолько щедро тратил он их на дело. Швырял, кидал! Не жалея и не считая. Быстрее! Быстрее! Еще быстрее!! Вперед! Денег никогда не должно хватать! Свободные деньги — это уже начало конца.

Ведь как бы хорошо ни шли у тебя дела, как бы ты ни разросся, хоть до самых небес! — но ты ведь всегда развиваешься и прогрессируешь, всегда стремишься построить что-то большее! А значит, имеющихся средств хватать не должно в принципе. Никогда! Независимо от их количества. Появление свободных, «лишних» денег — это первые признаки начинающегося застоя. Упадки. Загнивания. Первые хлопья пены на пока еще чистой и незамутненной поверхности. Значит, что-то уже не так. Начинаются сбои и пробуксовки. Система остановилась в росте. Что-то застопорилось.

Впрочем, до этого Паутову было еще далеко. Очень далеко. Как до Луны! Пока он крутился целыми днями, как проклятый, не

имея ни минуты отдыха, ни секунды покоя. Бесконечные встречи, переговоры, обсуждения, подписание всякого рода бесчисленных бумаг и договоров... В общем, жизнь кипела и бурлила.

Быстрее! Быстрее!! Еще быстрее!!! Вперед, вперед, вперед! Тормозить, останавливаться ни в коем случае нельзя! Тормоза придумали трусы! Остановка — смерть! Только вперед!! Надо использовать предоставленную властями фору по максимуму! На всю катушку. Подготовиться к грядущим боям.

Через какую-то пару-тройку месяцев число вкладчиков Паутова, людей, вложивших деньги в его подписи, исчислялось уже миллионами. Пункты покупки — продажи были открыты повсюду, практически повсеместно, по всей стране. Буквально в каждом городе. И каждый день открывались новые. И везде стояли толпы. Толпы, толпы, толпы!.. Сотни, тысячи людей... Подписей катастрофически не хватало. Их печатали все Госзнаковские заводы страны, и все равно нужды Паутова они могли удовлетворить лишь от силы процентов на 20. Остальные заказы приходилось размещать за границей. В Германии, в Южной Африке, везде, где только находились заводы по печатанию валюты и ценных бумаг.

Ибо подписи Паутова давно уже перестали быть всего лишь обычным росчерком пера на белой бумаге. Теперь это действительно были подлинные произведения искусства. Правда, всего лишь полиграфического. Лучшая бумага, водяные знаки, голограммы, разные хитрые степени защиты, вшитые металлические полоски... Внешне, фактически, это была самая настоящая валюта. Защищенность, во всяком случае, у бумаг Паутова была ничуть не хуже. А по сути, даже и лучше. Да чего там «по сути»!.. Лучше! Паутов денег не жалел. Имидж! Фантики должны быть красивыми.

Все эти игрушки-финтифлюшки — голограммочки-полосочки — дело важное! О-очень важное!.. Это вам никакие

не шутки! Такую бумажку и в руках подержать приятно. А уж тем более купить. Так что...

Халява, сэр! Валяйте! Вставляйте все подряд! Все ваши голограммы. Плачу наличными. За срочность — вдвое!! — Й-й-йе-ес-с!!!

* * *

И вот в этот самый момент власти наконец-то нанесли свой первый удар. В головной офис Паутова явились налоговые полицейские и объявили о начале «плановой» проверки. Проверка будет проводиться на месте, в здании офиса. С этой целью проверяющим должна быть выделена отдельная комната. Вот эта! — Но... — И документы все должны быть подготовлены к указанному сроку. В течение 10-и дней. В строгом соответствии с законом. Всего хорошего! До встречи через 10 дней!

Самым ужасным было то, в какой именно форме все это было проделано. К зданию офиса подъехали несколько автобусов с ОМОНОм, бравые ребята в масках, в камуфляже и с автоматами наизготовку отгеснили толпу, и налоговые полицейские важно и чинно, не торопясь, проследовали в здание офиса. Просто для того, чтобы вручить перепуганному насмерть управляющему уведомление о начале проверки. «Плановой»! Только и всего!

Естественно, среди видевших все это вкладчиков немедленно началась паника. Все стремились как можно скорее избавиться от «паутовок». Скинуть их. На сдачу сразу же выстроились огромные очереди.

Разумеется! У фирмы проблемы. Зачем рисковать? Лучше сдать и посмотреть, что дальше будет. Выкрутитесь? — прекрасно! опять купим.

Через некоторое время паника перекинулась и на собственных сотрудников. Сотрудники же тоже живые люди.

Может, уволиться, пока не поздно? — в глубине души думал каждый. — А то ведь тоже как бы под раздачу не попасть. Под горячую руку. Вместе со всеми прочими.

Войско заколебалось.

Ситуация усугублялась еще и тем, что информация о начавшихся у Паутова проблемах мгновенно появилась в СМИ. Причем практически во всех сразу. Первые полосы газет, сообщения в выпусках радио- и теленовостей...

Огромные, на весь разворот, фотографии бесконечных очередей у головного офиса; какие-то совершенно невыносимые и невероятные интервью с какими-то совершенно невыносимыми и невероятными вкладчиками!.. Спокойно забравшими все свои деньги и теперь, тем не менее, абсолютно всем почему-то недовольными, и упорно называющими Паутова жуликом, мошенником и аферистом и ругающими и проклинающими его на чем свет стоит. (За что!? Вы же все получили! Я же всем все плачу! Какой же я жулик!?)

И все это с соответствующими аршинными заголовками во всю полосу. «Налоговые проверки в фирме Паутова!», «Пирамида рушится!», «Начало конца?» и т. д. и т. п.

Паутов реагировал молниеносно.

Прежде всего, он сразу же резко повысил темпы роста цен своих бумаг. Далее, немедленно приказал всем пунктам начать работать круглосуточно, в режиме «до последнего клиента», с тем, чтобы успокоить людей и попытаться сбить первую волну паники. (Не беспокойтесь!.. Видите? — всем все выплачивается. Хотите сдавать — сдавайте. Денег хватит на всех.) И наконец, существенно увеличил зарплаты своим сотрудникам. (Пусть дрожат и трусят — лишь бы работали! Не за страх и не за совесть — так хоть за жадность! Деньги — очень серьезный стимул. Да-да! Более чем.)

И все эти меры незамедлительно дали свой результат.

Во-первых, сотрудники сразу же успокоились. Да за такие деньги!.. Можно в конце концов и рискнуть. Обстановка внутри фирмы быстро стабилизировалась. Уходить теперь никто не собирался. Можно было спокойно работать. Воевать. Дисциплина была восстановлена. Войско было снова готово к бою.

Но самое главное — вкладчики! Что касается вкладчиков, то они дрогнули и засомневались. Выплаты продолжаются, цены по-прежнему растут... Даже быстрее еще, чем раньше. Может, и правда, не сдавать?..

Уже на третий день паника пошла на убыль. А еще через день все было кончено. Очереди на продажу рассосались. Продавать теперь никто не хотел, все хотели только покупать.

Еще, еще «паутовок»!! Пока они дешевые! Сколько же они будут стоять завтра при таких темпах роста!? Объемы продаж резко возросли.

Покончив с паникой, Паутов сразу же перегруппировал имеющиеся у него ресурсы. Снял часть операционисток и направил их в помощь бухгалтерии. Готовить документы для проверки. Ведь времени на это у него уже почти не оставалось.

Вероятно, именно на этот дефицит времени налоговики и рассчитывали. Документы за столь короткий срок подготовить наверняка не успеют, а значит, можно будет под этим предлогом и закрыть фирму. Ну, точнее, «временно приостановить ее деятельность в связи с непредоставлением отчетности», что в данной ситуации было по сути примерно одно и то же.

Конец!! Катастрофа! Вот что это было. Любая остановка, даже кратковременная, означала немедленную смерть. Это как велосипед. Можно только ехать. Останавливаться — ни в коем случае нельзя. Остановка — падение! Ну, и ничего страшного. Значит, и не надо останавливаться. Надо именно ехать!

Паутов останавливаться и не собирался. К назначенному сроку документы были готовы. Ровно в указанное время, ми-

нута в минуту, в офис опять явились налоговые полицейские. При виде подготовленных к проверке коробок с документами лица у них вытянулись, и старший срочно побежал куда-то звонить. Вероятно, своему начальству. Что, мол, в этой ситуации делать? Все происходящее в их планы, судя по всему, совершенно не входило. Реально «проверить» они, похоже, ничего и не собирались. По крайней мере, посидев буквально полчаса и полистав для вида какие-то произвольно взятые ими из коробок бумаги, полицейские ретировались. Опечатав напоследок комнату с документами и пообещав «придти завтра».

Это «завтра» так никогда и не наступило. На следующий день никто, естественно, не пришел. Равно как и через неделю, и через две. Комната все это время стояла опечатанная. На все телефонные звонки и слезные просьбы разрешить ее наконец вскрыть (помещения нужны были позарез!) следовал неизменный отказ. «Ждите! Завтра придем!»

Лишь через месяц, когда разъяренный вконец Паутов совсем уже собрался было плюнуть на все и собственноручно, на свой страх и риск, сорвать все печати и вскрыть в конце концов эту злополучную комнату (ну, сколько же издеваться-то можно!?), полицейские соизволили наконец пожаловать снова.

Для того лишь, чтобы вручить Паутову под расписку акт о результатах проведения плановой проверки(!?).

Паутов пожал плечами, взял акт и молча расписался в получении.

(Какой может быть «акт», если они документы-то от силы 10 минут читали?! Да и то совершенно бессистемно... Ладно, посмотрим. С этими-то попками чего разговаривать? Воздух зря сотрясать. Это же просто исполнители. Им сказали принести — они и принесли.)

Полицейские несколько удивленно на него посмотрели (вероятно, они все же ожидали хоть какой-то, обычной в таких

случаях реакции: саркастических вопросов, праведного гнева и возмущения и т. п.) и повернулись, чтобы уйти.

— Э!.. А комната?! — окликнул их Паутов.

— Какая комната? — недоуменно уставились на него представители власти.

— Ну, комната с документами, которую вы тогда опечатали. Когда вы ее распечатать-то собираетесь? Если проверка закончена — значит, она вам больше не нужна?

Полицейские переглянулись, потом один из них подошел к двери и небрежно сорвал все пломбы и печати.

— Все. Можете пользоваться.

Паутов с трудом сдержался, чтобы не сказать в ответ что-нибудь колкое. Раньше, мол, нельзя было это сделать? За целый месяц? Если все так просто, и документы вам вообще в итоге так и не понадобились. Вы и без них, я вижу, прекрасно справились!

Но потом решил все же не связываться. А-а!.. Бесполезно. Себя только унижать. Система! Тупая и бездушная. Чиновники на жалованье.

Полицейские вежливо попрощались и ушли. Паутов углубился в чтение акта.

Так... Так-так!.. Та-а-ак!!.. Однако! 50 млрд. рублей!!! Что за!.. Откуда они их вообще могли взять!?! Они же даже документов не читали! Документы все время в опечатанной комнате лежали. Что это еще за сеанс ясновидения?.. Впрочем, чего это я, право? Как ребенок маленький. Как будто вчера только на свет божий родился

Откуда-откуда!.. Да от верблюда! С потолка! Подняли глаза и увидели, что там написано. Крупными печатными буквами. Ровно 50 млрд.! Копейка в копейку. Можете и не пересчитывать. Вы не в церкви, вас не обманут. Скажите еще спасибо, что 50. А не 500. Триллионов. Впрочем, это все еще впереди. И 500. И триллионов. Все впереди! Все еще будет! «То ли еще будет!..» «Ой-ой-ой!» Н-да... действительно «ой-ой-ой!»...

В сущности, этот акт — это фактическое объявление войны. Власти, эти наши вечные спящие девы, судя по всему, наконец-то пробудились от своего летаргического сна и сразу же решили меня незамедлительно изничтожить. Ликвидировать, блядь, как класс! Как врага народа.

50 млрд. — это ведь только пробный камушек. Первый выстрел. Пристрелка. Разминочка перед боем. Проба сил. Посмотреть на мою реакцию. Все же я не обычная рядовая фирма, которую можно вот так просто взять и прихлопнуть, как муху. За мной миллионы вкладчиков. Да и средства уже практически неограниченные.

Да-а... Долго же вы спали, господа хорошие!.. Долго раскачивались. О-ох, долго!.. Четыре месяца — это о-очень большой срок!.. о-о-очень!.. Теперь все не так просто будет. Са-авсем не просто!.. Теперь поиграем! И, уверяю вас, вас ждут сюрпризы! Поглядим еще, кто из нас запоет, кто заплачет.

Ладно же! Хорошо. Ставки сделаны. Тем лучше!! Война, так война! Вперед!!!

3.

Война Паутова не пугала абсолютно. Он был давно уже к ней психологически готов. Собственно, с того самого момента, как продал свою первую подпись. И то, что она началась только сейчас, эта война, через четыре месяца работы, можно было считать неслыханной удачей. Подарком судьбы!

Ведь все могло быть гораздо хуже. Гораздо! Если бы власти на него сразу же наехали. Немедленно после открытия. Когда у него еще ни денег, ни вкладчиков не было.

Впрочем, тогда и войны-то бы никакой не получилось. Какая там «война»! Ну, был какой-то там Паутов — и нет его! Делов-то!

А сейчас!.. Хо-хо! Вы хотите войны, господа? Вы ее получите!!

* * *

В тот же день представитель Паутова обзвонил по его поручению все крупнейшие информационные агентства и сообщил им о наличии акта проверки и о сумме указанных там претензий налоговиков, должным образом прокомментировав ситуацию. (Паутов быстренько набросал ему с этой целью соответствующий краткий конспектик.)

Что, мол, документы-то всего 10 минут от силы смотрели и пр. и пр. Что все это — полный бред и провокация, а налоговики, налоговая полиция и лично ее руководитель господин такой-то, — всего лишь послушные марионетки в руках правительства, слепо исполняющие его приказы. Приказали им «найти» — вот они и «нашли». Нарыли. А что и как — не важно.

К закону все это вообще никакого отношения не имеет! Скомандуют им завтра: «отставить!» — они сразу же новый акт состряпают. Что все нормально. Распрекрасно и расчудесно. Лучше не бывает! В общем, по принципу: «чего изволите?». Какое же это, блин, на хрен, «правое государство»? Обычная сатрапия, в натуре!

А эти дебилы из МВД?! Они-то здесь причем? Чего они вообще туда на своих автобусах приперлись с автоматами наперевес? Маски-шоу устроили. От кого они отстреливаться собирались? От бабушек-старушек, пенсионерок?

Короче, все эти наши, так называемые, правоохранительные органы — это просто свора цепных псов, которых государство натравливает по своему усмотрению на кого угодно. Точнее, на все, что ему, этому государству, не угодно. На тех, кто ему не нравится. Карательный механизм это самый настоящий, вот что! «Правоохранительные»!.. От кого это они, интересно было бы знать, «право»-то это охраняют? От собственного народа?

Получив от Паутова такой совершенно невероятный и немислимый материал, газетчики просто взбесились. Как с цепи

сорвались! Ну, еще бы! Сенсация!! Скандал! В таком тоне с властями еще никто никогда не разговаривал! Вот это да! Интересно, интересно, что же ответят власти?..

Реакция властей, слава богу, не замедлила. Взбешенные дерзким, откровенно-вызывающим тоном Паутова, высшие чины МВД и налоговых органов дали волю своему, давно уже, судя по всему, накопившемуся раздражению.

«Да что этот выскочка и проходимец себе позволяет?! — наперебой кричали они. — Все это — вообще обычная афера и пирамида, которую давным-давно следовало бы закрыть! Жаль, что раньше мы этого не сделали. Руки все не доходили. Но ничего!.. Теперь-то уж!.. Налоговая проверка уже показала!.. Выявила многочисленные нарушения!.. И лично с ним мы еще тоже разберемся, погодите!... Дайте только срок!... Покажем, ему, где раки зимуют и как честных людей обманывать! Подписи свои продавать. Пирамиды строить».

Ну, и т. д., все в том же духе. С различными вариациями, лишь в зависимости от интеллекта и темперамента говорящего.

Именно этого было Паутову и надо. Именно этого-то он и добивался всеми своими заведомо провоцирующими высказываниями и действиями. Возможно более резкого и, главное, быстрого ответа. Ведь счет у него уже шел буквально на дни!

У пунктов опять бушевала паника. Перепуганные насмерть всем этим шумом, всеми этими слухами о каких-то актах проверок и наложенных налоговыми органами чудовищных штрафов, вкладчики опять спешили забрать свои деньги. Головной офис находился все эти дни буквально в осаде. Деньги таяли, как снежный ком весной. На горячем, жарком солнышке. На припеке. Кап-кап-кап!..

Вызывая огонь на себя, Паутов шел по грани. Впрочем, особого выбора у него и не было. Слухи о штрафе все равно рано или поздно неизбежно просочились бы в прессу. Шила в мешке

не утаишь. Да вкладчики и сами бы наверняка пронюхали. От тех же, блядь, горе-сотрудничков. Иуд этих. Которые сами тайком играют. Все же повязаны-переплетены. Все на измене сидят.

В общем, паники избежать бы все равно никак не удалось. Она все равно так или иначе в итоге разразилась бы. Так что лучше уж наносить удар первому. Действовать на опережение! Укол. Отскок. Выпад. Туше!

Прочитав в газетах ответы и комментарии своих высоких оппонентов, Паутов вздохнул с облегчением и перекрестился. Теперь руки у него были развязаны. Можно было начинать действовать.

На следующий день во всех решительно изданиях появилось его открытое письмо властям. Давно уже им заблаговременно написанное и подготовленное. Называлось оно «По тонкому льду». На правах рекламы, естественно.

Рекламные площади были выкуплены заранее, на месяц вперед, так что с размещением никаких проблем не возникло. Равно как и с самим текстом. Он был напечатан полностью, без всяких купюр, исправлений и редактирований. Слово в слово. Реклама же! Редакция никакой ответственности не несет.

«ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ

Уважаемые власти!

Как Вам, конечно же, прекрасно известно, в настоящее время налоговыми органами только что закончена „плановая проверка“ моей фирмы, по результатам которой мне выставлен штраф в размере 50 млрд. рублей.

Я абсолютно не понимаю, откуда взялась эта цифра, и каким волшебным образом налоговые органы в принципе смогли ее насчитать. Ведь с документами они вообще не знакомились! Документы все это время так и пролежали нетронутыми, в коробках, у нас в офисе, в опечатанной комнате. По всей видимо-

сти, среди сотрудников налоговой полиции есть ясновидящие? В таком случае хотелось бы узнать, штатная ли это должность и какой именно оклад данного рода специалистам по штату присвоен? Т. е. дорогое ли это удовольствие? А то я бы тоже с радостью прикупил себе парочку. Не продадите?.. Жаль! А я бы хорошо заплатил! Полтора оклада?.. Два?.. Нет? Ну, ладно.

Так вот. Если Вы, уважаемые господа, считаете меня полным идиотом, то Вы заблуждаетесь, уверяю Вас! Я прекрасно понимаю, откуда ветер дует, и что все данные „проверки“ означают. Да и тексты всех Ваших последних выступлений, где меня заранее объявляют жуликом и аферистом, никаких сомнений не оставляют.

Власти просто-напросто вознамерились меня прикрыть и решили, что проще всего сделать это будет руками налоговых органов. А т. к. наши налоговые органы, как и прочие наши силовые структуры, привыкли действовать в обстановке полной вседозволенности и безнаказанности, то, получив команду: „Фас!“, они даже не стали утруждать себя соблюдением хоть каких-либо приличий. Ну, пришли бы хоть, в документах для порядка покопались!.. Для блезиру. А не так вот... тят-ляп! Равняйсь-смирно! Шашки наголо! Пришел, увидел, победил! Принес акт на 50 млрд.!

Вы, господа, напоминаете мне сейчас лавину закованных в стальную броню крестоносцев, псов-рыцарей, наступающих по льду Чудского озера. Упивающихся собственным всемогуществом. Знаменитую их „свинью“. Доселе несокрушимую и непобедимую.

А лед-то ведь тонкий!.. Не такой, как раньше. Весна,.. оттепель,.. свежий ветер... перемен... Подломиться ведь может! И что тогда?..

Ладно, впрочем. Хватит лирики. Перейдем к делу. Поговорим по существу.

В настоящее время у меня уже порядка 10 млн. вкладчиков. Эти люди имеют свои семьи, родственников, друзей, знакомых

и пр. Таким образом, ситуация вокруг моей фирмы затрагивает, так или иначе, прямо или косвенно, интересы почти 50 млн. человек. Это по самым скромным подсчетам.

Эти люди доверили мне свои деньги, и защищать их самих и их интересы я считаю своим прямым долгом. И буду делать это всеми доступными мне способами и средствами. Спокойно смотреть на то, как власти намереваются их, этих людей сейчас в очередной раз обмануть, ограбить и всего лишить, я не собираюсь.

Итак, если в течение 3-х суток с момента опубликования этого письма налоговые претензии не будут ОФИЦИАЛЬНО отозваны, я приступаю к сбору подписей по проведению всенародного референдума о доверии властям. Всем! От правительства до президента.

Как известно, по Конституции референдум является в нашей стране фактически высшим органом власти, и его решения обязательны к исполнению. Тот миллион подписей, который необходим для его инициирования я, полагаю, соберу максимум за неделю. А то и раньше. Результат референдума, я думаю, тоже ни у кого особых сомнений не вызывает. Когда люди поймут, что речь идет об их собственных, кровных денежках... И вопрос: „доверяете ли вы правительству и президенту?“ звучит, по сути, так: „хотите ли вы опять лишиться всех своих денег?“!..

Короче, с нетерпением жду ответа. Время пошло.

С уважением, Сергей Паутов».

Трое суток были объявлены Паутовым вовсе не случайно. Это был тот максимум, который он еще надеялся кое-как продержаться. На большее денег уже не было. Он и так приостановил операции в нескольких городах и распорядился срочно перебросить оттуда все деньги в Москву.

Все решалось сейчас именно в Москве! Все ресурсы бросались именно туда. Все резервы! Безжалостно, без раздумий и колебаний. Оголяя при этом целые участки фронта в других мес-

тах, на менее важных направлениях. Плевать!! Если в Москве удастся выстоять, то с другими городами разберемся потом в два счета. Денег туда немного подбросить — вот и все. Это все бои местного значения. Стратегическое направление — Москва!

Тон, выбранный Паутовым, тоже был отнюдь не случаен. Фактически он писал исключительно для вкладчиков. Демонстрировал им свою силу и уверенность.

Что же касается властей, то они Паутова совершенно не интересовали. Их реакция. Обидятся они, там, или не обидятся... Да по хую! Пусть обижаются. Их проблемы. Отношения с властями уже полностью определились, и никаких иллюзий по этому поводу Паутов себе не строил. Он был занесен в черный список, и теперь от того, как он будет себя вести дальше, хорошо или плохо, ровным счетом ничего не зависело. Абсолютно! Лицензия на его отстрел была выдана, машина запущена. Все!! Теперь только вперед! «К лесу, волки! Труднее убить на бегу!» Постоянно двигаться и менять направление удара! Только на опережение!! Укол. Отскок. Выпад. Туше!

Не захотят по-хорошему, приостановлю через три дня все операции и начну собирать подписи для референдума. По хую!! Пусть катятся в тартарары со всеми своими обидами и амбициями!.. В небытие!! Доиграются. Уроды.

* * *

На следующий день с Паутовым так никто и не связался.

Черт! — мрачно думал он, быстро шагая из угла в угол по кабинету и кусая в волнении ногти. — Если завтра не объявятся, то пиздец. Лучше бы уж тогда вообще не объявлялись. А то объявятся в самый последний момент: и денег нет, и условия, вроде, выполнены. Блядь! Надо было им два дня давать. На хуй я три дал!? Черт! Черт, черт, черт!

Пошел второй день объявленного Паутовым ультиматума. От властей по-прежнему не было ни слуху, ни духу. В прессе тоже царил гробовая тишина. Мертвый штиль. Затишье перед бурей. Все в страхе замерли и ждали, что же теперь будет дальше.

— Что Вы, что Вы!.. — в ужасе шептали рекламному агенту Паутова во всех без исключения изданиях. — Запретная тема! Нам с самого верха звонили, — при этих словах говорящий обычно еще больше понижал голос и томно закатывал глаза. — «Не нагнетать панику!»

«Не нагнетать панику!» — в бессильной ярости скрежетал зубами Паутов, слушая все эти благоглупости. — Вы хоть видели, что у пунктов делается!? Раньше надо было думать! Раньше!! Идиоты. Вот взять и заплатить сейчас эти несчастные 50 млрд.! А потом закрыть все пункты! *Денег* нет!.. Государство все ваши денежки опять захапало и всех вас в очередной раз кинуло! Вот с него и спрашивайте.

Что тут тогда начнется?.. Революция? Гражданская война?.. 10 млн. обманутых!

Наконец часа в три второго дня власти все-таки проявились. В кабинете Паутова зазвонил телефон.

— Да! — снял трубку Паутов.

— Здравствуйте, Сергей Кондратьевич! С Вами говорит... — собеседник Паутова представился. Какой-то средней руки чиновник из налоговой полиции. То ли полковник, то ли подполковник, Паутов не разобрал.

— Здравствуйте, — машинально ответил он.

— Так какая Вам нужна отсрочка для выплаты штрафных санкций? Мы понимаем, что сразу такую сумму найти трудно и готовы пойти Вам навстречу. Так сколько Вам времени надо?

— Какая еще «отсрочка»?! — грубо переспросил Паутов. — Мне вовсе не отсрочка нужна, а аннулирование этого вашего, так называемого, «акта»! Отмена! Понимаете? От-мена! Причем

официальная, соответствующим образом оформленная! Чтобы я мог ее прессе предъявить. Для опубликования. Успокоить вкладчиков. А платить я по этой вашей филькиной грамоте вообще ничего не собираюсь! Вы что, не поняли?! Приезжайте, если хотите, и проводите нормальную проверку. Сидите, изучайте документы — в общем, как положено. А не так вот — с бухты-барахты!.. Тяп-ляп — корабль.

Но сначала мне официальная бумага от вас нужна. Документ! Только после этого можно дальше разговаривать.

— Я не вправе принимать такие решения, — после бесконечно-длинной паузы услышал Паутов в трубке сдавленный голос своего собеседника.

— Так пусть мне тогда позвонит тот, кто вправе их принимать!! — в бешенстве заорал он. — Вы-то мне зачем тогда звоните!? Если Вы ничего не решаете?! И передайте вашему начальству, что я меняю свои условия! Если мы не договоримся, я сегодня же пункты закрою и к сбору подписей приступлю! По референдуму. Не могу я еще целый день ждать! Съездите и посмотрите, что у меня у пунктов делается! Все!! Успехов! Мне работать надо. Жду Вашего звонка до шести часов, после чего закрываю пункты. Всего хорошего! — Паутов с грохотом швырнул трубку и некоторое время неподвижно сидел в кресле, успокаиваясь.

Ладно, впрочем, — решил наконец он, удобно откинувшись на спинку и слегка покачиваясь. — Мне-то чего? Не позвонят — не надо! Я-то чего волнуюсь? Это они пусть волнуются. А у меня отмазка железная. «Защищаю интересы вкладчиков!» Всеми доступными средствами и способами. Так что...

Почитать, что ли, пока? Чтобы успокоиться. Что-нибудь этакое,.. возвышенное,.. очищающее душу... Как мыло «Сейвгард» руки. Гель для души. Отмыться после общения с налоговым полковником. «Полковники, блядь, на каждом шагу!» Как микробы в рекламе... Лонга, например... «Дафнис и Хлою».

Хорошо у них там, в Древней Греции было! Никаких тебе ОМОНов, никаких паник... Амурчики-купидончики,.. пасторали,.. пастушки-пастушки... наивные... невинные... Сплошная лягушка в тенистых рощах и прохладных пещерах. Гротах! Идиллия. Буколики-георгики, в общем. Аркадия.

А тут!.. Никаких, тебе гротов и никаких пасторалей. Не говоря уж о пастушках, невинных и наивных. Одни только шлюхи кругом... валютные... прожженные... Никаких буколик, словом, одни георгики. Забали уже просто! Своим героизмом. Подвиги все эти. Войны бесконечные. Против всех и вся. Тишины хочется! Тишины! Покоя. Рыбку половить,.. с пастушкой какой-нибудь,.. на природе... вкладчицей... наивной... даром за амбаром. Тьфу!! Помечтать уже ни о чем не могу! Даже в мечтах вкладчики какие-то мелькают. Всплывают. Мерещатся. Вкладчицы... Тьфу!! Сгинь!

Так позвонят, интересно, все-таки эти мудаки или нет? Время-то уже пятый час. Надо тогда уже распоряжения в пункты давать. Инструкции. Что и как. Что в 6 часов закрываемся. Вообще пиздец, что сейчас начнется!.. Страшно представить! Пиздец!.. — Паутов покачал головой. —

Ладно. В общем, жду до пяти, а потом звоню. Или даже лучше до без десяти. До без пятнадцати! А то не успеют еще за час подготовиться, — Паутов встал и пошел пить чай.

Где-то в районе полпятого телефон зазвонил опять.

— Да, — Паутов уже знал, чей голос он сейчас услышит.

— Сергей Кондратьевич? Это Вам опять из налоговой полиции звонят. Полковник такой-то. Я Вам звонил уже сегодня.

— Да-да?

— Я к Вам сейчас подъеду. Вы будете на месте в течение часа?

— Да, буду, — механически подтвердил Паутов и тут же спохватился. — Так у Вас есть на руках официальная бумага об отмене акта проверки? А то мне надо тогда уже распоряжение

давать о закрытии пунктов в 6 часов. Времени и так уже почти не осталось. А еще ж подготовиться надо.

— Да, Сергей Кондратьевич, все в порядке! — жизнерадостно подтвердил полковник таким тоном, будто он сам крайне рад происходящему. Вот, мол, все и уладилось! — Я Вам ее сейчас подвезу.

— Хорошо, я Вас жду, — холодно сказал Паутов и повесил трубку.

Чувства он, по правде сказать, испытывал довольно сложные и противоречивые. К радости победы (ага!.. дрогнули!.. то-то же!.. наша взяла!) примешивалась легкая горчинка разочарования. Он как-то уж настроился почти на закрытие. А теперь? Как бы эта победа не оказалась пирровой. Купленной слишком уж дорогой ценой. Удастся ли еще панику-то погасить? С оставшимися деньгами?.. Хуй знает... Дело темное. И тогда что?

Отмазок уже никаких нет. Меня распнут просто. Растерзают! Мои же собственные вкладчики. И не объяснишь ведь никому ничего! Что меня фактически подставили. В угол загнали. Да и сам я ошибся слегка. Человек же я все-таки, не господь бог! Не надо было даже и этих двух дней давать. Несколько часов — и все. Или — или! Деньги бы сейчас все целы были. Тогда бы с паникой уж точно разобрался бы. В два счета! Без проблем. Без шума и пыли. А сейчас?..

Только кому все это объяснишь? Никто и слушать ничего не станет.

Чего это у Вас семь пятниц на неделе, уважаемый Сергей Кондратьевич? Вчера Вы одно говорили, сегодня другое?.. То Вам то сделай, то это... Вам и так уже навстречу пошли, акт вон даже отменили! — и все равно не так! Рожна Вам, что ли, надо?

Да-а-а!.. Ситуевина... Бывает хуже, но редко. Прямо не жизнь, а сплошная русская рулетка какая-то! Повезет — не повезет. Пока я еще каким-то чудом выкручиваюсь, выкарабки-

ваюсь, но надолго еще этого моего везения хватит?.. Да-а-а... Да! Ладно, хватит прохлаждаться. Взялся за гуж!..

Паутов решительно набрал номер своего рекламщика и продиктовал ему текст сообщения для прессы. Что с властями, дескать, все улажено, штрафы сняты. Виктория! Немедленно обзванивай и сообщай всем.

Потом сел и за несколько минут набросал обращение к вкладчикам: смысл тот же самый, но только в более бодрых и приподнятых тонах. «Мы с вами победили!.. Ура!.. Вместе мы сила!..» и пр. и пр.

Все это, конечно, было очень здорово, но главный вопрос все еще оставался открытым. Удастся ли погасить панику? И денег уж совсем мало осталось, и слухи о закрытии пунктов в других городах могут в любой момент появиться. Тогда вообще конец. Удивительно еще, как это они до сих пор-то не появились! Ни в прессе, нигде. Прямо чудеса какие-то! В решетке. Чего-то мне вообще последнее время везет, как утопленнику. Во всем. Везде в последний момент успеваю проскочить. Шмыг!.. По крайней мере, до сих пор успевал.

Н-да... Ладно, ближе к делу. К телу... К делу... К телу-к делу!.. К делу-телу... «Шмыг»... Ну, чего? Надо звонить, текст диктовать?.. Как-то вкладчики еще все это воспримут? Что я очередной раунд выиграл. Выиграл-то выиграл, но война-то идет... Я теперь вообще личный враг государства! Человек, впервые осмелившийся открыто бросить ему вызов. И победить! Архивраг. Сатана прямо во плоти! А от Сатаны лучше держаться подальше. «Шмыг!»...

Однако пора все-таки звонить. Чего из пустого в порожнее переливать? Время только терять. Сейчас все увидим. Шмыг или не шмыг. Ну, не сейчас, конечно... Завтра. Завтра часам к двенадцати все уже ясно станет. Что и как. Победа или смерть. Если смерть... О-ой, думать даже не хочется! Ни денег, ни хрена...

Всеми презираемый и проклинаемый. Жулик и мошенник. Проходимец! Вот власти-то обрадуются! «А мы что говорили?!..»

Н-н-да!.. В общем, караул. Позор джунглям! Не приведи Господь! Спаси и сохрани. Аминь.

Произнеся эту нехитрую молитву, Паутов твердой рукой снял трубку. Телефон у управляющего был, как обычно, занят. Твою мать! Сказал же ждать моего звонка!

— Алло!.. Чего у тебя телефон занят?! Сказал же не заниматься!.. Ладно. Давай, бери ручку и записывай текст. Потом его сразу напечатайте и отксерьте в возможно большем количестве экземпляров. У офиса на доске один вывесьте, а остальные вкладчикам раздайте. Чем больше, тем лучше. Пусть читают. Ну, и на пункты сразу же начинайте рассылать.

Все ясно?.. Прекрасно! Давай, записывай. Да, и вот еще что! Сегодня сиди до упора, я тебе буду звонить периодически и спрашивать, как дела. Денег сколько осталось?.. Поня-ятно... Ну, все. Готов?.. Пиши.

Продиктовав текст, Паутов заставил управляющего прочитать его весь заново, исправил пару неточностей, допущенных при записи, после чего потребовал повторить все свои инструкции.

Отксерить... Повесить... Раздать... Да не потом на пункты рассылать, а сразу! параллельно! чтобы время не терять! сейчас каждая минута на счету! не видишь, что ль, сколько денег осталось!? какое там «потом»!.. Так... Да... Да... Все равно. Ладно. Хорошо. Давай! Приступайте. Позвоню через полчаса — как там дела идут?

И в толпу там пошлите кого-нибудь, что хоть люди-то говорят? Как они на это мое обращение отреагируют? Чтобы нам в курсе быть. Руку на пульсе держать.

Ну, все. Давай. Пока... Значит, через полчаса перезвоню. Ну, если ЧП какое-нибудь, не приведи, Господь! — естественно,

звони немедленно. Я на телефоне сижу. Ладно, все! А то время теряем. Потом созвонимся.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, ждать, ждать!.. Да! Где эти-то идиоты?! Из налоговой полиции? Сколько время-то прошло? Блядь, сорок минут уже! Ну, и где они? А вдруг вообще не привезут? Никакого документа? Хуйню какую-нибудь скажут опять... Ну, не привезут — и тем лучше! Тогда вообще все ясно. «Сами видите, граждане! Как можно в таких условиях работать?! Когда врут и не краснеют! Как можно с ними вообще о чем-то договариваться»?!

Да... Работать в таких условиях действительно невозможно. Да привезут! Куда они денутся?! К сожалению.

Документ действительно привезли. Паутов взял его из рук полноватого мужчины в штатском лет пятидесяти неприметной наружности (своего давешнего собеседника, как выяснилось) и внимательно прочел.

Ага! Ну что ж, неплохо, неплохо!.. Коротко и ясно, вот что главное. Некогда им было, наверное, обстановочки подходящие выдумывать. Чтобы хоть честь мундира сберечь. Пришлось прямо так, сгоряча лепить. Без объяснения причин. На живую нитку. «Считать акт от такого-то недействительным» — и точка.

Це-це-це!.. Этого они мне никогда не простят! Такого унижения. А-а!.. Да и!.. Не простят — и не надо! Не до них мне сейчас. Некогда. Недосуг. Не-до-сук.

— Ну, и дальше чего? — поднял Паутов глаза на сидящего напротив полковника в штатском. — Продолжение будет?

— Это не ко мне вопрос, Сергей Кондратьевич, — вежливенько захихикал тот. — Как начальство решит. Я человек маленький.

— Ладно, — Паутов поднялся. Полковник тут же последовал его примеру. — Все понятно... Тогда всего хорошего?

— До свидания, Сергей Кондратьевич! — умильным голоском пропел полковник, ласково глядя в глаза Паутову и пожи-

мая протянутую ему руку. Хватка у полковника была крепкая. Железная! Паутов даже слегка поморщился. — Всего хорошего.

Выпроводив своего гостя, Паутов сразу же бросился звонить управляющему.

— Алло! Ну, чего?!.. Объявление вывесили?.. А листовки раздали?.. Раздали?.. Ну, и как реакция?.. Неясно пока?.. Ну, чего хоть говорят-то?.. Да здравствует Сергей Кондратьевич?.. Это понятно, ну, а чего по существу?.. Трут?.. Ну, пусть трут... Со сливом что?.. Все так же?.. Поня-ятно... А денег у нас сколько?.. Я-ясненько... Ну, ладно. Будем ждать. Перезвоню еще. Ну, давай. Э-э!.. Стой! Главное-то чуть не забыл! Включи там факс, я тебе сейчас новый акт сброшу. Об отмене старого. Тоже на стенде вывесите и в листовках раздавайте вместе с моим обращением. Ну, и на пункты, естественно. Включил?.. Ну, все. Если не пройдет — перезвони. А если все нормально — то в рабочем порядке. Жди моего звонка где-то через полчаса. Давай.

Положив трубку и отправив факс, Паутов заложил руки за спину и стал в раздражении быстро ходить по кабинету, глядя себе под ноги.

Трут они, видите ли! А чего тереть?! Когда все ясно. «Налетай! Торопись! Покупай! Живопись!» Странно все-таки человек устроен!.. Ну, казалось бы. Схема работающая — за четыре месяца все уже в этом убедились — цены, вон в двадцать раз уже почти выросли! — власти тоже, вроде, отъебались... Ну, успокойся и покупай! И всем будет хорошо: и тебе самому и мне. Все будут счастливы.

Ан, нет! Все опять на волоске висит! Человеческий фактор... Эмоции. Плохо просчитываемые и еще хуже регулируемые. Были бы у меня клиенты киборги — вообще никаких проблем бы не было! Нет эмоций — нет проблем. Чистая логика. Голый разум. А с этими... хомо сапиенс... хомо глупиенс! Блядь, позвонить, что ль? Только что звонил...

Нет, ну кому, спрашивается, будет хорошо, если сейчас все рухнет?! Никому!! Всем пиздец! И мне, и вкладчикам. И, тем не менее, пиздец этот имеет все шансы наступить. Осуществиться наяву, как какой-то злой кошмар. Несмотря ни на что! Несмотря на его полную абсурдность и алогичность! Все его боятся, и никому он на хуй не нужен, а ему все до пизды! Он все равно тут как тут. Вот он я! Ты его в дверь, а он в окно! Н-да-с... Такая вот загогулина, понимаешь.

Однако Паутову продолжало хронически везти. Уже через полчаса, когда он снова позвонил в офис, было уже ясно, что ситуацию опять удалось переломить. Спасти. Он снова победил.

Меры, столь оперативно, решительно и, главное своевременно им предпринятые, в очередной раз сработали. Снова возымели свое действие. Он, похоже, сумел в очередной раз проскочить. Прощмыгнуть. Обмануть судьбу. В самый последний момент обойти ее на вираже. Опять выйти сухим из воды.

Настроения вкладчиков быстро менялись. Как по мановению какой-то невидимой волшебной палочки. Всех охватила волна энтузиазма. Эйфория от победы. И вкладчиков, и сотрудников. Паутов превратился теперь в глазах всех в какое-то высшее существо, в идола, в бога, непостижимого и непогрешимого. Никогда не ошибающегося! Который все всегда знает, все просчитывает заранее на сто ходов вперед и победить которого невозможно. (Да!.. «просчитывает»... — с горькой иронией думал Паутов, слушая все эти восторженные бредни, захлебывающиеся от счастья кудахтанья своего управляющего. — Палец немеет на спусковом крючке, ствол неприятно холодит висок. Щелчок!! Но выстрела не последовало. Опять повезло.)

На следующий день объемы продаж побили все рекорды. А когда Паутов объявил о введении на десять дней специальных скидок (по случаю одоления государственного налогового дра-

кона), то народ вообще просто с ума сошел! Очереди выстроились такие, что властям даже движение на ближайших улицах пришлось перекрывать.

Вообще Паутов стремительно, прямо на глазах превращался в некое социальное явление общенационального масштаба. В какого-то чудовищного Левиафана, с которым власти пока не знали, как бороться и что вообще делать. Первые же попытки тронуть его едва не привели к вселенской катастрофе. И закончились в итоге полным провалом, фиаско и позором.

Но в то же время и оставлять в покое его было нельзя. А если он завтра действительно референдум решит провести? И всех сместить от правительства до президента? Тогда что?.. Вообще ситуация, когда существование самого государства зависит, по сути, от настроений и желаний одного-единственного человека, причем человека, совершенно постороннего и абсолютно неуправляемого и неконтролируемого, у которого вообще неизвестно, что на уме, была для властей неприемлема в принципе. Они просто обязаны были что-то предпринять. Если хотели остаться властями. Причем, как можно быстрее. Немедленно!

Время сейчас работало на Паутова, и все это прекрасно понимали. Число его вкладчиков неуклонно росло, и росло оно совершенно невероятными темпами, прямо как на дрожжах! — соответственно, такими же точно темпами росли и средства, и могущество самого Паутова. Он становился все сильнее и сильнее с каждым днем. Через некоторое время бороться с ним станет совсем невозможно! При таких темпах вкладчиками его через месяц-два будет вообще вся страна!

Да чего там говорить, если уже сегодня чуть ли не добрая половина сотрудников силовых структур тайком играют в «паутовки». А у второй половины — играют родственники, знакомые и пр. и пр. Все же живые люди, деньги всем нужны. Как поведут себя эти сотрудники, если их отправят, скажем, аресто-

вывать Паутова? Арестовывать, по сути, собственные деньги?! Ну, ладно еще если бы они играли на свободные средства (да и то!..). А многие ведь машины продавали!.. квартиры!.. вообще все!.. Продавали вообще все, что имели, и все вкладывали!

Приманка 100% в месяц действовала на всех совершенно неотразимо. Да и что ей противопоставить? Деньги же действительно платились! Черт его знает, как у него это получалось, но он действительно всем все платил! Это был никакой не обман!

100% за месяц, 300% — за два, 700% — за три... Кошмар просто какой-то! Мистика! Какое-то поистине дьявольское изобретение! Вечный финансовый двигатель.

Короче, надо было что-то срочно со всем этим делать. И с изобретением, и с самим изобретателем. И чем быстрее — тем лучше. Пока еще не поздно.

И ответные шаги властей не заставили себя ждать.

Во-первых, они развязали самую настоящую травлю фирмы Паутова (и его лично) в прессе. Разгромные статьи появлялись каждый день. Причем зачастую в нескольких газетах сразу. «Афера!.. Пирамида!.. Забирайте, пока не поздно, свои деньги!..» и т. д. и т. п. Подобные заголовки Паутов видел теперь практически ежедневно.

Но это было еще полбеды. На вкладчиков все эти кликушеские вопли и шаманские завывания действовали уже весьма и весьма слабо. У них с течением времени выработался на все эти истерики своего рода иммунитет. Причем довольно стойкий. По принципу: а Васька слушает да ест. Чего «забирать», если цены растут, и всем все платится?! Система работает как часы. Дураков нет!

Да и трудно ведь, согласитесь, всерьез воспринимать помещенное на первой странице «предостережение», когда вся вторая занята рекламой того же Паутова с совершенно противополо-

ложными лозунгами призывами. «Покупайте!.. Вкладывайте!.. 100% в месяц!..» и пр. и пр.

В общем, все эти информационные вылазки и диверсии, вся эта мышьяная возня, интересовали Паутова довольно мало. А-а!.. Пусть себе орут. Собака лает, а караван идет.

Гораздо хуже было другое. Не прошло и недели после указанных событий, как в офис к Паутову снова заявили налоговые полицейские. Правда, теперь уже зашли скромненько, без всякой помпы, предварительно созвонившись с управляющим и предупредив его о своем визите. Попросив, чтобы их заблаговременно встретили и незаметно провели в офис. Зачем, мол, лишний раз волновать публику? Нагнетать страсти.

В общем, на этот раз представители власти были как шелковые и держались тише воды, ниже травы. Но сути дела это не меняло. В документе, который они вручили управляющему (под расписку, естественно!), Паутову сообщалось о начале у него в офисе новой налоговой проверки. В течение все тех же десяти дней (в точном соответствии с требованием закона) предписывалось подготовить все документы и привезти их в налоговую полицию. Новая проверка будет происходить именно там.

Очевидно, власти извлекли уроки из происшедшего и решили не повторять больше прежних ошибок.

Вы хотите все по закону? Хорошо, все будет по закону. Строго! Заберем к себе Ваши документы, тщательно их изучим и состряпаем... пардон! составим новый акт. Нет проблем! Такой вариант Вас устраивает?.. Вы же законопослушный гражданин, надеемся? Законам нашим российским подчиняетесь?.. Вот и прекрасно! Готовьте документы! А если с актом у Вас какие-то вопросы опять возникнут — составите протокол разногласий. Мы рассмотрим. Можете в суд в конце концов обращаться. В общем, действуйте по закону! У нас же цивилизованное государство! Правовое! Так что!.. Ждем Вас через 10 дней. С нетерпением...

Да-а-а!.. Это был удар. Ниже пояса. Дальнейшее развитие событий предвидеть было нетрудно.

Заберут все документы и «приступят к проверке». Покопаются для приличия в документах недельки две (ну, или, по крайней мере, сделают вид, что копались), а потом выкатят новый акт. Еще больше первого.

Теперь-то Вы чем недовольны? Вы что, над законом себя ставите? Что, у Вас и проверку уже нельзя провести?.. «Не согласны»? Ну, действуйте в установленном законом порядке. Как положено. Как все в таких случаях действуют. В чем проблема-то?!

Блядь! «В чем проблема-то»? Проблема в том, что вся эта «проверка» не более, чем комедия. Фарс! И все это отлично понимают. Обе стороны. И я, и они. О какой «проверке», о какой объективности в сложившейся ситуации может идти речь?! В условиях самой настоящей войны. Ну, поручите одной из воюющих сторон «проверить» другую и по результатам этой «проверки» назвать победителя! Неужели не ясно, какой будет результат? Это только в книжках встречаются унтер-офицерские вдовы, которые сами себя секут, в жизни же... В жизни же что-то я ничего подобного никогда еще не видел. Не встречал. Может, впрочем, мне просто не везло...

Так! Но чего ж делать-то?! Надо чего-то думать. «Уж больно тут дело тонкое»... Отдать им документы — это все! Крышка! Гроб. Конец. Полный финиш. Финита ля комедия. Это значит, похоронить все по первому разряду. И себя, кстати, в том числе. В землю закопать и надпись написать.

И не отдавать нельзя. Налоговая проверка. Все законно. Имеют право.

Народу попытаться все это объяснить?.. О-о-ой!.. Можно, конечно, но это уже нездоровое развлечение. Я и так уже заебал всех этими своими «объяснениями». Все эти постоянные катаклизмы... Пиздецы все эти непрерывные. Каждый день

то одно, то другое! Блядь, прямо, как у Щедрина. Только было решишь, что чаша бедствий выпита уже тобою до дна, как вдруг — пожалуйста! Оказывается, что наготове имеется еще целый ушат. Какой-то перманентный кризис! Ни на секунду не прекращающийся.

Кому это понравится?! Все же хотят просто тихо, спокойно зарабатывать деньги. Мани! Бабульки, лавэ. На хуй кому нужны все эти мои разборки!?

«Нет, с женщинами нам Абдуллу не поймать!» К народу можно обращаться только в самом крайнем случае. Когда уже действительно край! Злоупотреблять этим сильнодействующим средством не стоит.

Да, но чего ж тогда делать-то? А? Делать-то чего?

4.

На следующий день Паутов позвонил в налоговую полицию (телефончик ему еще его полковник в свое время оставил, при прощании) и вежливенько уточнил, какие именно документики им требуются.

— Все! — незамедлительно последовал короткий и категорический ответ.

— Но нам же работать с договорами надо! Можем мы хоть что-то себе оставить?! Хоть то, что нам для текущей работы необходимо? — жалобно взмолился Паутов.

— Нет! Нам нужно все! Все документы! — жестким и не допускающим возражений тоном тут же ответил ему.

— Что, даже копии? — совсем уже угасшим голосом безнадежно переспросил Паутов.

— Все!

Паутов растерянно и подавленно попрощался и повесил трубку.

Прекрасно!!

В указанный налоговиками день документы были полностью подготовлены, упакованы в коробки и загружены в микроавтобус. Это видели все — и сотрудники, и стоящие в очереди вкладчики. Шофер пошел оформлять накладную, и в этот момент микроавтобус угнали. Управляющий сразу же сообщил об угоне в ГАИ, и уже через пятнадцать минут автобус нашли.

Увы! Он был пуст. Документы бесследно исчезли. Вероятно, похитители решили, что это оргтехника. Компьютеры, ксероксы и пр. Ведь коробки, в которых лежали документы, были именно из-под оргтехники. Других коробок у Паутова просто не было.

Сам Паутов был в это время на рыбалке. Когда ему позвонили и сообщили о происшедшем, он спокойно поинтересовался у управляющего, сделал ли тот официальное заявление об угоне? («Сделал!») копию взял? («Взял») о краже? («Да! Тоже сделал!») копию взял? («Да, конечно»), после чего перезвонил в налоговую полицию.

— Здравствуйте! Это Паутов. Мы вам сегодня документы для проверки должны были подвезти.

— Да-да! Подъезжайте! Мы вас ждем.

— Дело в том, что у нас их украли.

— Как «украли»!?!? Когда!?

— Только что. Мы подготовили все документы, загрузили их в микроавтобус, шофер отошел оформлять накладную, и в этот момент микроавтобус угнали. Мы сразу же сообщили об угоне. Копия заявления у нас на руках. Сам автобус через некоторое время нашли, но документов там уже не было. Вероятно, воры решили, что это оргтехника. Документы же именно в коробки из-под оргтехники были упакованы. Других у нас не было. О краже заявление мы тоже сделали. Копия у нас тоже имеется, — Паутов помедлил слегка и после паузы добавил. — Я сам обо всем этом только что узнал. Мне управляющий

позвонил. Я вообще-то сейчас на рыбалке нахожусь. По спутниковому телефону вам звоню...

— Но хоть какие-то документы у вас остались?! Копии какие-нибудь?!!..

— Какие «копии»?! — насмешливо переспросил Паутов. — Вы же сами мне лично сказали: «Нам нужно все!» Я вас специально переспросил: хоть копии-то можно оставить? — «Нет!! Нам нужно все!» — Ну, все, так все. Мы люди законопослушные. Мы вам и погрузили ВСЕ! Абсолютно. Все документы и все копии. У нас теперь вообще ничего нет. Пусто! — Паутов помолчал еще немного и совсем уже издевательски закончил. — А чего вы волнуетесь? Действуйте по закону. Как вы мне советовали. А законом эта ситуация предусмотрена. Вы должны нам предоставить сейчас время на восстановление документации. Ну, и предоставьте! Мы все восстановим, а потом вы спокойно проведете свою проверку. Только и всего. Ну, конечно, все мы восстановить не сможем, но хоть, что сможем...

— И сколько времени вам потребуется на восстановление? — деревянным голосом спросил у Паутова его невидимый собеседник.

— Ну, за полгода, я думаю, управимся, — бодро сообщил Паутов. — Если постараемся. Хотя, конечно...

— За ско-олько?!!

— А вы знаете, какие там объемы? — хладнокровно поинтересовался Паутов. — Плюс иногородних много. Их искать надо, сюда вызывать или самим ехать к ним. А кто поедет? Сотрудников свободных у меня нет. А на дополнительный штат у меня нет средств. Не могу же я деньги вкладчиков транжирить! Так что...

— М-мы ва-ам пере-езвони-им, — заикаясь и растягивая гласные, зловеще прошипели в трубке, после чего Паутов услышал короткие гудки отбоя.

Давай-давай! Звони! Перезванивай. Какие мы прямо нежные-мимозные!.. Такая буря эмоций! Это же просто шахматная партия. Белые: e2 — e4. Черные: e7 — e5. Только и всего. Чего тут волноваться? Надо просто думать, как дальше ходить. Экий ты, братец, право, нервный! Пора тебе лечиться электричеством. Как Ося Кисе советовал. Ладно, впрочем. Тьфу на них! Умерла, и умерла. Угнали, и угнали. Пишите письма. Ищите! Свищите.

* * *

Прошел еще месяц. События развивались стремительно. На Паутова было совершено за это время два покушения. Первый раз снайпер стрелял из соседнего дома, из окна квартиры напротив. Пуля должна была попасть Паутову точно в голову, но в момент выстрела он случайно нагнулся. Второй раз машину Паутова обстреляли из автоматов. Рядом притормозила «девятка», и из нее раздались автоматные очереди. Шофер и охранник были убиты на месте, сам Паутов не получил ни царапины. Он был как заговоренный. Охранники потом только головами качали и смотрели на него с каким-то суеверным ужасом.

Охраняли Паутова теперь лучшие спецназовцы из самых наших лучших и элитных подразделений. В свободное от охраны президента время. А что толку? Так все это только... Понты одни. Для самоуспокоения. Если захотят достать... Возможности все равно найдут. На улицу же все равно выходишь,.. бываешь где-то... Достать, короче, можно. Было бы желание.

А желание, судя по всему, у кого-то появилось. И очень и очень сильное. Паутов даже не пытался угадать, у кого именно. Врагов у него теперь было... О-о-о!.. Считать замучаешься. Начиная от государства и банков (Паутов отбирал у них клиентов) и кончая собственными сотрудниками. Пойманными на

воровстве и дрожащими теперь за свою шкуру. А таких было много. Очень много! Даже слишком.

Поскольку воровство процветало в фирме Паутова пыльным цветом. Махровым. Как чертополох. В размерах неслыханных и немислимых! Ворovali миллионами! Десятками миллионов! А может, и сотнями. Кто их считал? Долларов, естественно.

Аудиторская проверка, только что проведенная в одном из Паутовских банков (а у него их было теперь несколько), вскрыла какие-то совсем уж дикие и ужасающие факты. Средний левый транш составлял примерно 50-60 млн. долларов. Стандарт, так сказать. Именно такими суммами обычно ворovali.

Какой-нибудь «кредитик», выданный собственной подставной оффшорной фирмочке. На каких-нибудь, там, Каймановых островах. Естественно, без всяких реальных гарантий и никогда впоследствии не возвращаемый. И списываемый потом на убытки.

Ну, ошиблись в выборе партнера. Не повезло! Что ж, бывает... Коммерческий риск. Обычное дело. С кредитами всегда так. Хочешь заработать — приходится рисковать. Кто же мог подумать?... документы все в полном порядке были. Вот, пожалуйста, кредитное обоснование. Бизнес-план. Все на месте. Такие у них перспективы, вроде, были... заманчивые!.. Ах, как жаль!

И это только в одном банке. Произвольно выбранном.

А что в фирме творилось? С наличными деньгами. Их даже не успевали пересчитывать (для этого пришлось бы держать дополнительный штат, — а где помещения?), и они измерялись просто «в комнатах». Это была расхожая разговорная единица счета. Полностью набитая деньгами комната. Снизу доверху. «Сколько осталось комнат?...», «Осталось три с половиной комнаты» и т. п.

Причем никакого особого контроля не было, в комнаты заходить могли фактически все, кому не лень. Соответственно, и воровать могли все, кому не лень. И ворovali!

Да и как тут не воровать!? Если ты заходишь в комнату, полную денег? Пачками денег! Лежащих огромными штабелями, от потолка до пола. Или просто сваленных в кучу. Которые даже никто не считает. Ты можешь взять пачку, две,.. десять — никто ничего и не заметит. Никто же не знает точно, сколько их тут. Так!.. на уровне: «примерно полкомнаты». Как же тут не воровать? Это уже просто противоестественно. Противно человеческой природе. Мазохизм какой-то. Извращение!

Написано же в Библии: не искушай. Ну, и не искушай!

Да и какое же это «воровство»?! Так... взял на сигареты. На жвачку. На мелкие расходы. Детишкам на молочишко. Было бы о чем говорить! «Пачка-две»... Господи! Гроши какие-то! Вот в банках воруют!.. Это да! А это... «Маленькая прибавка к зарплате». Только и всего.

Паутов был примерно в курсе происходящего, но заниматься всем этим ему было просто некогда.

Во-первых, эта борьба требовала времени, а где его взять? Сутки не резиновые. Бороться ведь следовало самому. Лично! Лично во все вникать, разбираться, наказывать виновных и пр. Речь же шла о деньгах, и очень больших деньгах! Поручать кому-то, заводить какие-то собственные спецслужбы — это значило для борьбы с одним драконом создавать нового, еще более страшного. Спецслужбы бы ведь тоже некоторое время спустя неизбежно начали бы воровать. Там же тоже люди работают. И с ними потом что делать? Новые спецслужбы создавать? Для борьбы со старыми?

Да и как, собственно, бороться? Ну, знаешь ты, что человек украл у тебя миллионы. И дальше что? У государства карательный механизм для таких случаев есть. Тюрьмы, суды, лагеря. А у тебя что?

Убивать его? Бандитов к нему посылать? Так это прямая дорога в бездну. Все эти связи с криминалитетом. Властям только этого и надо. Во им подарочек бы был! Они только того и ждут.

Когда же ты наконец проколешься. Чтобы хоть на чем-то тебя подцепить. Как говорится, не мытьем, так катаньем.

Заяву на него в органы писать? Официальную? Так это в нынешней ситуации — легче сразу самому себе могилу вырыть! Тебя же потом по следователям затаскают, как руководителя организации, — объяснения-разъяснения бесконечные давать, что и как; плюс еще, чего доброго, обыски и выемки в твоих же офисах устроят — под предлогом расследования уголовного дела.

Не говоря уже о том, что в рамках расследования этого дела ты обязан будешь на все вопросы следствия отвечать. Даже прямо самого предмета расследования вроде бы и не касающиеся. Следствие само решает, что касается, а что нет.

«А кстати! А как у Вас на фирме учет денежных средств ведется? Есть у Вас кассовые книги, приходно-расходные ордера?.. Нет?.. Кассовые аппараты, чеки?.. Тоже нет?.. Э-э!.. Да против Вас, батенька, против самого в пору уголовное дело заводить! По статье: “преступная халатность”. Как минимум. А вообще-то еще разобраться надо, почему это у Вас ничего нет? Может, просто для того, чтобы Вам лично, уважаемый Сергей Кондратьевич, удобнее воровать было? А?»

Короче!.. Короче, лучше все это осиное гнездо не ворошить. Себе дороже. Да и не стоит оно того. Чуть все это! Бред. Неправда! Вперед, вперед, вперед! Только вперед!! Ни в коем случае не терять темпа! Не оборачиваться! Не отвлекаться на всякую чепуху. Все эти потери: воровство и пр. — все это всего лишь накладные расходы. Утряска-усушка. Бой стеклотары. Плата за динамизм. За огромную скорость движения. Комета, сгорающая в атмосфере Земли! Сгорающая, но, тем не менее, несмотря ни на что, несмотря ни на какие чудовищные потери, в итоге достигающая все же ее поверхности.

Во-от так!.. Вот так и надо! Победа любой ценой! Любой!! За ценой мы не постоим. Цена вообще не имеет значения! Вперед!!!

* * *

В том, что эта стратегия безусловно правильная, Паутова окончательно убедил совершенно кошмарный случай с одним из его банков.

Это был самый старый и самый надежный его банк. С управляющим он вообще чуть ли не дружил. По крайней мере, тот неоднократно бывал у Паутова дома (правда по делам, но тем не менее!) и постоянно присутствовал на всех мероприятиях, время от времени устраиваемых Паутовым для высшего звена своих сотрудников. Где всегда предлагал первый полупутливый тост «за нашего дорогого вождя и руководителя», клялся в вечной любви и преданности («Мы все, Сергей Кондратьевич, пойдем с Вами до конца!») и неизменно восхищался финансовым гением и деловыми качествами Паутова. (Порой даже делал это несколько неумеренно.)

В общем, это был один из самых верных и преданных его людей, столп, опора, надежда из надеж.

И тем более неожиданными, тем более шокирующими оказались для Паутова факты несомненного и совсем уж какого-то вопиющего, откровенного и наглого воровства, царившего, оказывается, в этом банке. Даже на фоне всеобщей, творившейся у Паутова вакханалии, это было что-то из ряда вон! Что-то уж совсем запредельное!

Какие-то дворцы, виллы, самолеты, яхты и чуть ли не личные подводные лодки! Больше всего возмутило Паутова то, что руководство банка тайно и задним числом расширило состав учредителей (по сути, единственным реальным учредителем был сам Паутов, именно на его деньги банк и существовал), с явной целью вообще отстранить его от управления и прибрать банк к своим рукам. И это люди, которых он сам, лично назначил, выкормил, вытащил из грязи, из небытия! Которые сами по себе вообще ничего из себя не представляли! Это была их благодарность!..

Однако все это, как очень быстро выяснилось, были еще цветочки. Дальше начались ягодки. Когда взбешенный Паутов решил немедленно сменить все руководство банка, он совершенно неожиданно для себя наткнулся на открытое сопротивление. Его распоряжение сдать дела управляющий просто отказался выполнять. Отказался — и все! Когда представители Паутова явились в банк, имея на руках протокол решения общего собрания учредителей о смене управляющего, гл. бухгалтера и пр., их оттуда попросту выгнали. Управляющий вызвал охрану и заявил, что считает протокол недействительным. А если г-н Паутов не согласен — то пусть обращается в суд.

Возникла какая-то совершенно дикая ситуация. Какой-то кошмар наяву! Страшный сон!

В банк (в свой собственный!!) не попадешь — охрана по приказу «верного и преданного» управляющего не пускает. Охрана формально подчиняется непосредственно управляющему — так что, какие к ней претензии?! Вы уж там сами, ребята, разберитесь как-нибудь между собой. А нам что? Мы люди маленькие. У меня приказ!

Банк контролирует колоссальные средства. Реально все это — деньги Паутова, но фактически доступа к ним он теперь не имеет. Формально — это деньги банка, и банк вправе распоряжаться ими по своему усмотрению.

Отказ руководства банка выполнять решение общего собрания учредителей, конечно, совершенно незаконен и все «аргументы» их («есть, мол, и другие учредители!» — ими же самими задним числом и введенные) гроша ломаного не стоят. Любой суд это подтвердит. Но когда он еще будет, этот суд? Через год?.. Через два?.. У нас же скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Особливо, если руководство банка еще и руку свою к этому «делу» приложит и постарается его возможно дольше затянуть. Всеми силами! А оно уж постарает-

ся! И силы у него для этого есть. Средств у него более, чем достаточно. Паутовских.

И что через год-два от банка останется? Да ничего! Одни долги. За это время все средства спокойно по разным оффшорам уплывут. Рассосутся. Растворятся. В необъятных океанских просторах. За-океанских! Так что и концов никаких потом не найдешь! Да и кто искать *потом* будет, эти концы?! «Год-два» — это, по меркам Паутова, вообще целая эпоха! Вечность.

Паутов кинулся в ЦБ, к куратору их банка, но не тут-то было! Куратор внезапно занял, по сути, сторону руководства. «Это не наше дело...», «обращайтесь в суд!..» и т. п. Руководство банка, судя по всему, даром времени не теряло. И денег не жалело. Паутовских.

Когда Паутов окончательно осознал ситуацию, он буквально остолбенел. Выходило нечто, прямо несусветное!

У банка огромнейшие средства. Чтобы с ним успешно бороться, нужно потратить как минимум столько же. Ведь руководство банка денег жалеть не будет. На взятки, подмазки и пр. и пр. А чего ему их жалеть? Деньги-то не его, да и терять ему теперь абсолютно нечего. Чем дольше продержимся — тем больше украсть успеем!

Так что... «Вот Вам, Иван Иванович, миллион, а Вы уж сделайте все, как надо... Что, мало? Ну, вот Вам два!..»

Итак, денег на борьбу надо потратить уж по крайней мере не меньше. А фактически — гораздо больше. Чтобы быстро со всем покончить. Оперативно. Чтобы другим впредь неповадно было.

И что в итоге? Ни денег, ни банка — ничего. Тотальное уничтожение. Аннигиляция! Своих собственных средств. И ради чего все это? Победа ради победы?

Блядь! Лучше бы уж они и дальше потихоньку воровали. Тихо-мирно. Катались бы себе на своих яхтах-мерседесах. Летали на коврах-самолетах. Черт меня дернул во все это ввязаться! Вот уж действительно: не буди лихо, пока оно тихо. С ума сойти!

С банком Паутов в итоге все же разобрался (а куда деваться? все же остальные смотрят!.. чем все кончится?), но этот случай послужил ему хорошим уроком.

Блядь, ну вот не зря же говорят: семь раз отмерь, а один раз отрежь! Не зря! Просчитывай всегда последствия своих действий. Думай! А уж потом делай. А не наоборот. А если бы вкладчики про этот конфликт пронюхали, и паника началась?! Что бы тогда было? Во что бы мне это обошлось? Бизнес!! Никаких эмоций! Никаких обид! Голая целесообразность! Это не мой лучший друг Петя Иванов предает меня за моей спиной и ворует у меня мои деньги — это всего лишь очередная проблема. В ряду прочих. Неожиданные дополнительные расходы. Если не слишком высокие и угрозы для дела не представляющие — не стоит обращать внимания.

Даже не «не стоит», а нельзя! Нельзя, нельзя, нельзя!! НЕЛЬЗЯ обращать внимание! Это нецелесообразно! Непрофессионально! Глупо! Вредит делу. Все!! Все! Вопрос закрыт. Обсуждение закончено. *Basta cosi!* Баста.

* * *

После этой эпопеи проблема воровства вообще перестала для Паутова существовать. Черт с ними! Пусть воруют. Лишь бы работали. В конце концов, баланс положительный, система стремительно развивается — чего еще надо!? Лучшее — враг хорошего! Коней на переправе не меняют. А у меня вечная переправа. Постоянная. Хроническая!

Ну, выгоню я одних воров. На их место придут другие! Да еще к тому же и необученные, работать толком не умеющие. Которых еще обучать надо будет. И вводить в курс дела. Время терять. Темп.

Просто моя структура — это совершенно особый случай. У нее нет аналогов. Поэтому и законы тут другие действуют.

Релятивистские. Законы сверхскоростей. Скорость стоит денег. Сверхскорость — сверхденег. Только и всего. Пусть воруют! Плевать! Вперед!!

Однако такой упрощенный взгляд на вещи сразу же породил кучу новых проблем. Причем совершенно неожиданных.

Паутов ведь не декларировал эту свою новую позицию. Просто не мог. Ну, не скажешь же, в самом деле, всем: воруйте себе на здоровье! мне все это!.. по фигу мне все это! по барабану! мне все едино — что хлеб, что мякина! Во-первых, не поймут, а во-вторых, если поймут, то воровать сразу же в сто раз больше начнут. А чего стесняться, если начальство само разрешает и даже фактически, поощряет?! Этак, пожалуй, и всю фирму в два счета по кусочкам разворуют и растащат!.. На сувениры. И оглянуться не успеешь! Глазом моргнуть.

Поэтому приходилось хмурить брови, вращать алмазными очами и время от времени даже топтать ножкой и грозить указательным пальчиком. Перстом. Смотрите, мол, у меня! Я все-е про вас знаю!..

Естественно, подобное положение дел всех крайне нервировало. Всех воров. А вдруг, правда, знает?! Или вот-вот узнает? Что тогда?

Человек украл миллионы, десятки миллионов. Что он должен чувствовать? Разумеется, он живет теперь в вечном страхе. А вдруг это все вскроется? Что с ним будет? С его семьей? Тут за тысячу долларов убивают, а за миллионы!.. Да за миллионы его на кусочки разрежут вместе со всей его семьей! В порошок сотрут. В утиль. И на том свете найдут! Нигде не спрячешься.

Это же мафия! Паутов. Он же наверняка со всеми связан и повязан! И со всеми преступными группировками, и с правительством — со всеми! Мафия!! От нее нигде не скроешься. Она жестока и беспощадна. У нее длинные руки. И она тебя везде ими достанет. Везде! И отомстит. Обязательно. Рано или поздно.

Вот если бы Паутов... исчез! Испарился! Пропал. Случилось бы с ним что-нибудь. У него же столько врагов!.. Вот тогда можно было бы наконец вздохнуть свободно.

Таким образом, быстро образовался целый круг лиц из числа его же собственных ближайших сотрудников, которые страстно желали ему смерти. Гибели! Были в ней кровно заинтересованы! Для которых она явилась бы великолепным, а по их мнению, вообще чуть ли не единственным выходом. Разом решавшим все их проблемы. Позволявшим им теперь спокойно жить-поживать и добра наживать. Как в сказке! Со всеми своими украденными миллионами. Пользоваться плодами непосильных трудов.

И все эти лица располагали средствами. Большими средствами. Очень большими!.. Украденными у Паутова.

Конечно, в подавляющем большинстве своем это были люди совершенно мирные, тихие и безобидные, и ни с каким криминалом никак не связанные; но... Когда речь о таких деньгах идет... Сами понимаете... Мирные-то мирные, однако... И крыса обычно прячется и убегает, но если ее загнать в угол... Все бывает! И так бывает, что кошка собаку съедает. Кто-то же ведь Паутова все-таки «заказал». Покушения-то все-таки были.

Хотя, впрочем, заказать могли и другие. Не обязательно собственные проворовавшиеся сотрудники. Желающих хватало. Паутов всем мешал.

К примеру, банки. Чужие, не паутовские.

Как только что сообщили Паутову его охранники, в Москве на днях в строжайшем секрете прошла закрытая встреча крупнейших банкиров страны. Олигархов. Тема одна: что делать с Паутовым? Люди массами забирали из банков свои деньги и несли их Паутову. Валютные пункты тоже били тревогу. Обороты их резко падали. Валюту никто не покупал. Все покупали «паутовки».

Кому нужны эти доллары, если на «паутовках» можно заработать в сто раз больше!? «Валюта»!.. «Паутовки»!! Вот настоящая валюта! А доллары все эти...

Короче говоря, банки несли из-за Паутова колоссальные потери. Чудовищные! У них наблюдался гигантский отток средств. Если они не хотели разориться, хотели выжить, им тоже надо было срочно что-то делать. С ним, с Паутовым.

Ибо все держалось именно на нем. И только на нем одном. Не было никакой «команды», никакой мафии, никакой «фирмы Паутова». Был просто Паутов Сергей Кондратьевич. Единственный и неповторимый. Обычный живой человек, из плоти и крови. И, как любой человек, очень уязвимый. Смертный.

Исчезни он — и все, возведенное им буквально из ничего, как по мгновению волшебной палочки вознесшиеся вдруг вопреки всем земным законам — это немыслимое здание, эта поистине циклопическая конструкция, в ту же секунду рухнула бы. Мгновенно! Не оставив после себя и следа. Как будто ее никогда и не было.

И все это прекрасно понимали.

Про собрание охранники Паутова, кстати, узнали непосредственно от охранников банкиров. Своих же товарищей по оружию. Те ведь тоже работали в тех же самых спецподразделениях. Тех же альфах-вымпелах. И тоже были все вкладчиками Паутова. А потому, узнав о телодвижениях своих хозяев, сразу же поспешили предупредить своих друзей, работавших у Паутова.

«Передайте Сергею Кондратьевичу!.. Пусть он будет поосторожнее!..»

К сожалению, о чем именно на собрании шла речь, охранники не знали. Непосредственно на встрече они не присутствовали. Из зала их удалили.

И это настораживало. Весьма! Вся эта конспирация. О чем же это они, интересно, таком тайном говорили? А?.. Чего даже

собственным охранникам знать нельзя. Тема-то ведь, вроде, вполне безобидная?..

«Что делать с Паутовым?» Ну, как «что делать»? Увеличивать процентные ставки, снижать комиссионные сборы, льготы всякие для клиентов вводить... Повышать привлекательность банковских вкладов, в общем! А чего тут еще «делать»?

Но что же здесь, спрашивается, тайного? Чего здесь от охранников-то скрывать?! Рутинные орг. мероприятия. Обычная текучка. Скука смертная. Охранникам это все до лампочки. Плевать им на все эти льготы и сборы! Чего их из зала-то удалять!? Они все равно ничего не поймут. Да и сами слушать всю эту банковско-бухгалтерскую нуднятину не будут. Как и любой нормальный человек. «Дебит-кредит». Кому это интересно?

И тем не менее... И тем не менее их всех удалили. Значит... Значит, что-то иное там обсуждали... Не дебит-кредит. А что-то, охранникам близкое... То, что они понять очень даже хорошо могли. Что? Ясно, что. Что с ним, с Паутовым, делать. Лично с ним! С многоуважаемым нашим Сергеем Кондратьевичем.

Впрочем, именно эту угрозу Паутов всерьез не воспринял. А-а!.. Чушь все это! Детский сад. Обычная российская говорильня. Поболтали — и разошлись. Такие вещи публично не обсуждаются. А это все!.. Кто все эти наши банкиры-олигархи? Бывшие комсомольско-партийные деятели в основном. Швондеры. Вот их и тянет партсобрания по любому поводу устраивать. По старой памяти. Это у них в крови. Рецидив. Атавизм-с.

Вообще, как это ни странно, но ко всем этим покушениям Паутов отнесся удивительно спокойно и хладнокровно. Ну, были и были. Что ж поделаешь. Такова сэляви. Нисколько они его не испугали. Скорее наоборот.

Он был почему-то твердо и непоколебимо уверен, что ничего с ним не случится и случиться не может в принципе. Вот не может — и все! Слишком уж это было бы глупо. Создать за

считанные месяцы такую махину, громадину, вавилонскую башню до самых небес в одиночку выстроить — и потом так нелепо погибнуть. Не может такого быть! Черта с два! Бог этого не допустит. Или бес. Высшие силы, в общем. Должны же они вмешаться. Да они, собственно, уже и вмешиваются. Два покушения — и ни царапины! Так что, не надейтесь. Не дождетесь! Так же вот и впредь всегда будет. Бац-бац и!.. — мимо!!

5.

Прошел еще месяц. Событий произошло еще уйма. Казалось, время уплотнилось, спрессовалось до предела, и события происходят теперь чуть ли не ежедневно. Ежесекундно! Сменяют друг друга с какой-то дьявольской, поистине калейдоскопической скоростью. Колесо раскручивалось все быстрее, и спрыгнуть с него становилось все труднее. Впрочем, Паутов и не собирался.

Покушения на него, вроде, прекратились.

Охранники, правда, постоянно докладывали о каких-то якобы готовящихся, новых, о том, что его опять «заказали», и даже называли суммы заказов (как правило, это были миллионы и миллионы долларов), умоляя при этом принять хоть какие-нибудь меры безопасности («не ходить!.. не выходить!.. не подходить!..») — но Паутов только досадливо отмахивался. А-а!.. Не до покушений тут! Других забот хватает. Бог не выдаст, свинья не съест.

Да и какие могут быть «покушения»!.. Надо быть полным идиотом, чтобы на них сейчас решиться! Шахидом-камикадзе. Когда его практически круглосуточно чуть ли не все наши доблестные службы пасут! Да не «чуть ли» даже, а именно все. Менты, налоговики, ФСБ-эшники. Все они тут. Вон машины стоят. Вон ментовские, а вон ФСБ-эшные. А эти вольвуха и форд — из налоговой полиции. Они же у нас сегодня самые богатые. Только на иномарках разъезжают. Понтуются.

У моих сотрудников глаз наметан, они наружку сразу вычисляют. С ходу. Зря, что ль, их этому специально учили! В этих их пресловутых альфа-бетах. Вот оно им теперь и пригодилось... умение. Нашло практическое применение.

Ничего-ничего! Пусть работают! Они у меня за это зарплату получают. Покруче, чем на своей основной службе. Паутовками, кстати. Деньгами брать отказываются. Так-то!.. Не хотите все потерять? Все свои паутовки? Вот и следите тогда, чтобы со мной ничего не случилось! С ВАМИ чтобы ничего не случилось. С вашими дорогими денежками, в меня вложенными. С кровными с вашими. Н-да...

Занимайтесь, короче, своим делом! Выполняйте свои прямые обязанности! Обеспечивайте, блядь, мою безопасность! Для чего вас, собственно, и держат.

А у меня своих забот выше крыши! Если я действительно начну «не ходить, не выходить, не подходить», а только целыми днями дома сиднем безвылазно сидеть буду, то как же я, спрашивается, деньги-то зарабатывать смогу!? И для вас, между прочим, в том числе. Рост цен-то я как смогу обеспечить?! 100% в месяц? Ваших же паутовок? Думаете, они сами собой растут? Как бурьян под забором?

То-то же!.. Так что работайте, работайте, работайте! Хватит болтать! Марш!! Исполняйте!

Да... Если бы и со всеми остальными можно было бы так же легко и просто разобраться, как со своими собственными охранниками!.. «Марш!!» — они и пошли. Побежали. Паутов бы их тоже с удовольствием послал. Сразу всех скопом. Исполнять...

К сожалению, других... оппонентов «послать» было сложнее. Они, увы, Паутову не подчинялись. С ними приходилось общаться, объясняться, разговаривать — в общем, тратить на них время и силы. Причем, как правило, совершенно впустую. Опровергать какие-то вздорные и нелепые обвинения... Чего-

то там «разъяснять»... Словом, доказывать, что ты не верблюд. «Видите, хвоста нет... Горбов, вроде, тоже... Шерсти...»

Это раздражало. Паутова больше всего. Это заведомая абсурдность происходящего. Ему постоянно ставили палки в колеса, и эти палки приходилось постоянно же вынимать. Вытаскивать. В общем, какая-то бессмысленная и ни на секунду не прекращающаяся борьба с ветряными мельницами.

То одно, то другое!.. То налоговики были, теперь новый враг объявился! Какой-то там Антимонопольный комитет. (Паутов о нем до этого и слыхом не слыхивал!) Рекламу он, видите ли, не так дает!.. Чего-то там нарушает. С этими своими «предполагаемыми будущими ценами». Можно это, дескать, расценивать как скрытое обещание! Да-с.

Твою мать!! Все вокруг говорят все, что хотят, вообще от вольного! врут напрапалую, сулят золотые горы, молочные реки и кисельные берега — и никто их не трогает, никакие антимонопольные комитеты им не страшны; а тут, видите ли!..

Да это пиздец просто! Неописуемо! Чего этим уродам вообще от меня надо?! Антимонопольный комитет-то здесь причем? Чего они вообще сюда суются?! Какую-такую монополию я нарушаю? На строительство финансовых пирамид, что ли? Дурдом прямо какой-то! На колесиках. Палата № 6.

Однако палата, не палата, а реагировать приходилось. Отвечать на бесконечные запросы, писать, по сути, чуть ли не объяснительные. Подробные и обстоятельные. Отнимавшие, естественно, массу времени. Драгоценного времени. Бесценного!

Паутова все это бесило донельзя, но поделаться было решительно ничего невозможно. Антимонопольный комитет был организация новая, амбициозная и обладал к тому же самыми широкими полномочиями. По закону он имел право делать вообще все! Закрывать, приостанавливать и пр. и пр. В общем, по своему усмотрению карать и миловать.

Так что поневоле приходилось и с ним считаться.

Начальник, блядь! Расплодилось их на нашу голову!.. И каждый тобой покомандовать норовит! Поучить. Как самый умный. Жену свою лучше поучи! Как щи варить. Командир хренов! Реклама им, видите ли, моя не нравится!..

Впрочем, совершенно очевидно было, что реклама являлась только предлогом. Не было бы рекламы, что-нибудь другое обязательно нашлось бы. К чему-нибудь бы другому прицепились.

Просто власти по-прежнему не оставляли своих попыток так или иначе достать Паутова. Не получилось с одного края — попробуем с другого. Через налоги не вышло — ладно! авось, через рекламу что-нибудь удастся. Главное, повод найти! Хоть какой-нибудь! Любой. А там уж!.. Там уж дело техники. Там уж накрутим-навертим!.. На это мы мастера!..

Ж-жаль, конечно, что вообще с ним церемониться приходится! С проходимцем с этим. В игры играть. Сюсюкаться. Вместо того, чтобы просто взять за шиворот!.. За ушко, да на солнышко!.. Вор должен сидеть в тюрьме!.. Ну, да еще не вечер, дорогой Сергей Кондратьевич! Погуляйте, погуляйте пока!.. Порезвитесь. Камера Вас давно-о ждет!.. Прямо плачет! Никакие вкладчики не помогут.

Вкладчиков у Паутова было уже миллионов пятнадцать. А может, и больше. Он уже их даже и не считал. Так... приблизительно... Порядок цифр. А чего считать? Миллионом больше, миллионом меньше... Что это, собственно, меняет? Тем более, что темпы роста системы уже таковы, что новые миллионы сейчас чуть ли не ежедневно добавляются. Армия вкладчиков растет. Левиафан с каждым днем все увеличивается в размерах. «Кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»

Особенно забавно выглядели на этом поистине апокалипсическом фоне жалкие и бессильные потуги властей хоть что-то противопоставить Паутову по существу. Не на уровне булаво-

ных уколов и мышиной возни, а именно по существу. И прежде всего, хоть как-то нейтрализовать его угрозу референдума.

Эта угроза по-прежнему висела над всеми дамокловым мечом. Пока Паутов о ней, вроде, больше не упоминал, но кто знает, что будет завтра? Проснется утром не с той ноги, да и скажет!.. Стоит ему только захотеть!.. Да сегодня он миллион подписей вообще за сутки соберет! За несколько часов!! В одной только Москве!

И что будет, если он к власти придет?.. Что будет, что будет!.. Ясно, что будет. Для начала он всех разгонит, вот что будет! Вообще всех!! От правительства до Думы. Это было настолько очевидно, что ни у кого даже сомнений никаких не вызывало!

Тем более, что своего отношения к властям и политикам Паутов никогда особо и не скрывал.

Кто такие политики? Это же неудачники! Люди, не сумевшие реализоваться в обычной жизни. Не состоявшиеся профессионально. Ну, в самом деле!.. Если вы талантливый врач, инженер, ученый, у вас все хорошо, вы успешно продвигаетесь по службе, у вас интересная профессия — бросите ли вы все и пойдете в политику? Ясно же, что нет. Никуда вы не пойдете и так и будете продолжать спокойно заниматься своим любимым делом.

А идут всякие бездари, посредственности, которым в профессиональном плане абсолютно ничего не светит. Вот они-то и становятся потом депутатами и решают наши с вами судьбы. Ну, и чего они могут нарешать? Какие законы могут принять? Такие же бездарные и серые, как и они сами. Человек лабораторией-то своей толком управлять не мог, все развалил и сбежал — а страной он управлять сможет!.. Да не смешите мои ботинки!

Гнать весь этот сброд!! Поганой метлой! Всех этих присосавшихся к телу нации паразитов! Всю эту нечисть! Пусть катится в тартарары ко всем чертям! Где ей самое место! Скатертью дорога.

И перед лицом этой угрозы произошло невероятное. В борьбе против Паутова обе ветви власти объединились. Гиены

при виде льва сбились в стаю. Ненавидевшие друг друга прокоммунистическая Дума и правительство выступили единым фронтом. Буквально за считанные дни был разработан и единогласно принят сразу в третьем чтении новый Закон о референдуме. (Антипаутовский, как сразу же окрестили его в кулуарах Госдумы сами депутаты.)

Теперь для инициирования референдума подписей требовалось собрать не один миллион, а целых пять! Да и сама процедура сбора была существенно усложнена. Не более определенного количества из одного региона и т. п.

Депутаты поздравляли друг друга «с победой» и ходили по Думе гордые и надутые, как индюки.

Паутов же только посмеялся. Да хоть десять! Тоже мне, проблема. Кому вы нужны, пустые и никчемные людишки!? Вас и так-то все ненавидят за все ваши госдачи и мерседесы, а если еще и денег за ваши головы пообещать!.. За то, чтобы вас выгнали. Сказать, что цены быстрее расти начнут. Если я сам властью стану. И работать мешать никто не будет. Закон, мол, сразу приму, что государство отвечает по долгам фирмы Паутова. И вообще, ввиду огромной социальной значимости проекта, ему предоставляется карт-бланш. Зеленая улица. Режим максимального благоприятствования. Интересы Паутова — интересы России!!

О-о-о!.. Да от вас в одно мгновение рожки да ножки останутся!.. От всех!! И от правительства, и от Думы. И от президента нашего дорогого, всенародно избранного. Гаранта, понимаешь. Да меня люди в Кремль на руках внесут! Молиться на меня будут! Стоит мне только захотеть.

И вы мне тут еще какие-то козни строите?! Антимонопольные комитеты свои на меня науськиваете?! Да радуйтесь просто, что я вас не трогаю! Пока. До поры до времени. Во-первых, не хочу я президентом становиться, скучно мне это... а во-вторых, у меня вообще другие планы. Более... интересные.

* * *

Планы у Паутова действительно были интересные. Глобальные! По мере развития системы перед ним все чаще и чаще вставал вопрос: а что же дальше?

Ну, побегу... победу... тьфу! победу, в общем, всех своих врагов — а дальше-то что? Дальше?? Все?! Конец? Венец творения? Царствуй, леж на боку? Надо же дальше идти!

В принципе система могла успешно функционировать и в самой России сколь угодно долго, и Паутов это прекрасно понимал. Чушь все эти детские страшилки про опрокидывающуюся пирамиду,.. геометрические прогрессии... Рассчитанные на полуграмотных обывателей.

На самом деле по-другому все действует. По другим совсем законам.

Есть сложившийся баланс покупок-продаж. Если он сегодня был таким, то с какой стати он станет другим завтра? Чем завтра отличается от сегодня? Если только какое-то внешнее событие произойдет... Пиздец какой-то. А так... Идет себе все и идет. Своим чередом. Течет, как река. Катит свои волны. Спокойно и величаво... Вечно!

Но Паутову хотелось уже совсем других масштабов. Его тянуло на морские просторы. На океанские! В реке ему становилось тесно. Запад! Не пот, а запах! Западные фондовые рынки. Вот куда надо двигаться! Туда, куда стекаются все денежные потоки мира. В безбрежный финансовый океан! На западные фондовые биржи.

А в чем, собственно, проблема? Денег уже достаточно. Скупить целиком акции какой-нибудь мелкой компании и начать ими торговать по тому же принципу, что и подписями. На той же, скажем, Нью-Йоркской фондовой бирже. А чего мелочиться? Какой, там, у нее, собственно, ежедневный оборот-то? Меньше миллиарда долларов в день? Чепуха! Миллиардов десять-пятнадцать

я вполне могу на это дело выделить. Запросто! Да какие там десять!.. Пяти вполне хватит. Пока еще все раскрутится!.. Даже трех. Да вообще миллиарда для начала за глаза! Гроши, в общем.

Ну, так вот, начинаем торговать акциями на Нью-Йоркской фондовой бирже. Для начала покупаем две брокерские конторы. Это не проблема. На разных владельцев, естественно, чтобы формально они были независимыми. Далее, выбираем какую-нибудь мертвую компанию и скупаем за бесценок все ее акции. Желательно, конечно именно все, целиком, но даже если все не получится — не важно! Почти все. Сколько сможем. Сколько найдем. Чем больше, тем лучше. Иначе потом, когда цены вырастут, дороже платить придется. Все равно нам же их в конце концов и притащат. Короче, не имеет значения! Да. Так вот.

Скупаем и начинаем торговать по той же схеме, что и подписями. Сегодня покупаем за 10 долларов, продаем за 11. Завтра покупаем за 11, продаем за 12... И т. д. Каждый день регистрируем на бирже реальные сделки, на крупные суммы. Это важно. Для это-то две брокерские конторы и нужны. Чтобы сделки в бюллетенях биржи проходили. Реальные. А не просто пустые цифры предложений, цен покупок-продаж, при полном отсутствии реальных сделок.

Пусть все сразу увидят, что появился новый крупный игрок. Оперирующий сотнями миллионов долларов. Миллиардами! Правда, непонятно, чем он тут вообще занимается? что делает?.. бред какой-то! сам себе цены назначает! — но не важно! главное, что у него деньги есть!.. Даже к лучшему! Приехал какой-то российский лох и думает, что он тут самый умный! Ну-ну! Сейчас мы ему покажем!..

Ага! «Покажете»!.. Показыватели!.. Главное, внимание привлечь! Заинтересовать. Заинтриговать. А там уж!.. Там уж все. Никуда не денешься. Влюбишься и женишься. Все пути ведут в Рим! К моим чудо-акциям.

Потому что цена их растет,.. растет,.. и растет... Только растет. В отличии от всех остальных. Стабильно, ежедневно и совершенно фантастическими темпами 100% в месяц! Мало? Можно и больше. Но, я думаю, и ста вполне хватит. Куда больше-то? И это при абсолютной ликвидности. Акции действительно можно по этой цене в любой момент продать. Все правда!

Ну?.. Чего еще вам надо, дорогие сэры? «Не валяй дурака, Америка!» Давай, налетай на американские паутовки! Хватит на всех! В случае чего я еще нарисую! Вы хотите заработать? Сколько? Десять?.. Сто?.. Миллионов. Да пожалуйста!! Окей! No problems!

Причем все ведь это совершенно легально. С полным соблюдением всех ихних законов! Говорят: это только у нас такое возможно... Законы несовершенны,.. люди наивны и невежественны... Чушь!! Там все это еще лучше пойдет! Шибче. Ходчее! На ура и с песнями! Это здесь люди ничего не понимают, им все объяснять по сто раз приходится, а там, на Западе!.. На Западе они свою выгоду за версту чувят. Так что сразу на запах денег сбегутся. Слетятся отовсюду, как мухи на... мед.

Да и чего не покупать? Все ведь действительно всем платится! Это же никакой не обман. Правда все! Не кидалово какое-нибудь беспонтовое.

А что касается законов... Читал я их законы. Почитывал... Все эти их детские запреты и ограничения. То нельзя,.. это нельзя... Смех один! Моя схема пройдет сквозь них, как раскаленный нож сквозь масло! Никто и понять ничего не успеет! Оглянуться. Как шашка прыгнет в дамки!!!

Как все средства мира аккумулируются в моих руках. Как это у нас, в России, всего за полгода произошло. А там, я полагаю, еще быстрее все произойдет. Это здесь я с нуля разгонялся. А там...

Да и скорость оборота средств там гораздо выше. Там же, блядь, профессионалы все. Профи! Брокеры-шмокеры. Время — деньги! Хоп, хоп, хоп!

Вот и замечательно. Прекрасно! Поиграем с профессионалами. На их же поле. В кошки-мышки. В миллионы-миллиарды. Я вам покажу, господа, как это делается у нас в России! На практике. Наглядно. Смотрите внимательно! Повторять не буду. Видите у меня в руках червонец? Клац!.. А теперь?.. Хотите напоследок совет? Ставьте на красное! Оно выиграет. А впрочем, дело ваше.

Ну-с, а дальше уже возможны варианты!.. Как мне лучше моими денежками распорядиться. Триллионами.

Простейший вариант: загнать все в Россию, расплатиться здесь со всеми российскими вкладчиками, и все закончить. И на Западе тоже все свернуть. Прекратить операции — и точка! Я же не обещал ничего. Выкупал, пока надо было, а теперь — au revoir. Adieux! Goodbye, America!

В результате в мире воцаряется хаос, мировой фондовый рынок рушится, а все бобы оказываются в России. Точнее, у меня. Ну, это одно и то же! Интересы Паутова — интересы России!

Хотя, впрочем, почему только у меня? У всех! Я же предварительно по всем долгам здесь расплачусь. Полностью. Вчистую! Россия сразу вообще страной миллионеров станет! Из страны вчерашних нищих. На время, конечно, на время!.. Пока народ снова все эти миллионы свои-мои не пропьет и не прогуляет. Как положено. Как это у нас испокон века ведется. «Веселие Руси есть пити!» Вот здесь пир горой-то начнется!.. На весь мир! «Все флаги в гости будут к нам!» В смысле, все бляди. Со всего света. Гульба и пальба. Пьянка всенародная.

Хенеся, гришь?.. Камю-мартели?.. Ха! Наливай!! Эх-ма, жизнь моя малиновая! Однова живем! Гуляй, рванина! От лимона и выше.

Короче, всем плохо, одним нам хорошо. А чего? Правильно. Каждый за себя, один бог за всех. Сами со своими проблемами разбирайтесь. А сюда — попробуйте только суньтесь! Это вам не Афганистан с Ираком. У нас, слава богу, и атомные бомбы в случае чего есть! И водородные. И вообще наш бронепоезд

на запасном пути стоит. И если его как следует раскопечгарить!.. сами знаете. Так что — от винта!

Но это все, конечно, простейший вариант. Самый что ни на есть, примитивный. Есть и другие.

Скажем, все то же самое, только на этапе хаоса на мировых фондовых рынках акции лучших западных компаний скупать начать. По дешевке, когда они обесценятся во время всей этой финансовой неразберихи. Я ведь тогда единственным крупным игроком на рынке останусь. Монополистом, по сути. Смогу диктовать условия. Больше-то денег ни у кого не будет. Одни паутки. Веселые картинки.

«И сделает он то, что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». Ну, короче, кроме моих агентов. У остальных не будет денег.

В результате, когда все более-менее устаканится, я окажусь крупнейшим акционером всех известнейших западных компаний. А я — значит, Россия.

Тоже неплохо. Н-да-с.

Можно, между прочим, с российскими вкладчиками не живыми деньгами, а именно западными акциями расплатиться. Очень, кстати, разумно. И мне лучше, и народу. Не сразу все пропьют. Глядишь, чего и останется. В кармане запутается.

Да и америкосам труднее будет эту ситуацию потом разруливать. Когда они въедут наконец и сообразят, что к чему. Меня-то одного можно, на худой конец, и финансовым террористом, к примеру, объявить и заморозить все мои активы, как у какого-нибудь Саддама Хусейна несчастного, а если все уже по миллионам мелких акционеров разойдется!.. Все, пиздец! Поезд ушел. Броне-поезд.

А можно!.. Да ладно, впрочем. Чего говорить. Много можно. Есть варианты, есть!.. Можно так все умненько повести, что

и овцы будут целы, и волки сыты. Можно-можно! Если осторожно. Как в песенке поется. «Все в твоих руках, все в твоих руках, все в твоих руках!» В смысле, в моих.

Вот!! Во-от!.. Да-а-а!.. Вот это, я понимаю, планы! Это размах!

Финансовый апокалипсис!.. Глобальная финансовая революция!.. Передел мира!.. Встряхнуть как следует этот старый, прогнивший насквозь шарик так, чтобы только кости у него затрещали!! Пыль из него посыпалась! Зеленая. В баксах.

А то — какое-то российское президентство!.. Фуй!.. Мелко, серо, пошло. Неинтересно! Тоска. Проза. Мещанство. Сиди, как мудака, в этом Кремле... Делегации всякие принимай.

А мне надо... поэзии!.. Бури! «А он, мятежный, ищет бури, как будто в буре есть покой!»

Да-а-а-а!.. Э-хе-хех... Ладно, пора, однако, спускаться с небес на землю... Помечтали — и будет. Сеанс окончен. Дел до хуя. Просто до ебени матери! Тем более, что покоя в буре действительно никакого нету. Одни только пиздецы. Покой, блядь, нам только снится!

Вот что это, к примеру, за новая хуйня с этими фальшивыми подписями? А? Это еще что за новости?! Они что, идиоты? Сбесились? Эти южно-африканцы?.. Как они на это вообще решились!? Ну, перестану я у них теперь заказы делать!.. Доиграются. Они ж только за счет меня сейчас и живут! Я крупнейший заказчик. Они же, мудаки, даже мощности новые вводить специально под меня собираются! Спрашивали уже десять раз: будут ли продолжаться заказы? Все уши прожужжали.

И такие вещи себе позволяют!.. Серьезные, вроде, люди... Чудеса-а!.. Все чудесатия и чудесатия!.. Вот она, жадность человеческая! Да притом еще какая-то мелкотравчатая и глупая. Фраерская. Вот вам и буржуи! А еще говорят: там не пойдет! О-го-го-о!.. Да еще как пойдет-то! Со свистом! С гиканьем! С

песнями и плясками! Еще веселее, чем здесь! Только за ушами трещать будет!

Сетования и недоумения Паутова были вполне понятны. Ему только что позвонили и сообщили, что на одном из заводов в ЮАР его представитель совершенно случайно увидел целые штабеля свеженапечатанных паутовок. Не паутовских! Чьих-то. Чужих. В смысле, не Паутовым заказанных. Иными словами, фальшивок. Если называть вещи своими именами.

Если же становиться на формальную точку зрения, то понятие «фальшивок» к паутовкам было неприменимо в принципе. Формально это были просто фантики, «рекламная продукция». Именно так и значилось в договоре.

А значит, фактически, печатать паутовки мог любой. Кто угодно! И даже претензии предъявлять не к кому. Ни к заводу, ни к не в меру расторопному заказчику. Формально закон они не нарушают.

Ведь никаких лицензий и патентов у Паутова не было. Непременно ему было на это время тратить! Канителью всей этой заниматься.

Ну, заказчик-то понятно, с ним мы еще разберемся, но завод-то каков?!.. А?.. Так подставить своего крупнейшего клиента! И ради чего? Ради какой-то сиюминутной выгоды? Сколько же им, интересно, заплатили? Ладно, это мы тоже выясним.

Надо будет, кстати, впредь в договоре оговаривать. Чтобы больше никому паутовок не печатали. «Рекламная продукция», блядь!.. Хороша «продукция», когда ее на настоящие американские рубли свободно обменять можно! В любой момент. По курсу один к миллиону. Если по себестоимости считать. Умники! Ладно же, погодите! Думаете...

Раздраженные размышления Паутова были прерваны телефонным звонком. Звонил управляющий.

— Здравствуйте, Сергей Кондратьевич!

— А-а!.. привет, — нехотя пробурчал Паутов. (Опять, блядь, что-нибудь стряслось!)

— Сергей Кондратьевич, к нам только что приходили из налоговой полиции.

— Что? — даже не понял сначала Паутов. Откуда!?! Из какой еще «налоговой полиции»? Они что, еще живы? — Откуда-откуда?

— Из налоговой полиции, — терпеливо повторил управляющий.

— И чего? — Паутов все еще не мог оправиться от удивления. После эпопеи с исчезнувшими документами, он и думать забыл о существовании налоговой полиции. Нет документов — нет проверок! Какие у нас с ними могут быть теперь дела?

— Потребовали подготовить документы для проверки.

— Какой «проверки»?! У нас же все документы украли? — все еще ничего не понимал Паутов.

— Они сказали: подготовьте то, что есть, — бесстрастно пояснил управляющий. — То, что успели восстановить, и то, что за это время накопилось. Ну, договора всякие и прочее. Вы же работаете, говорят. Значит, какие-то документы у вас сейчас есть. Вот их и подготовьте.

— Поня-ятно... — медленно протянул Паутов. — Ладно, я тебе перезвоню. Давай!

Паутов бросил трубку и некоторое время сидел в задумчивости.

Ну, надо же!.. Опять закопошились! «Ожившие мертвецы», часть вторая. «Восставшие из ада». Чего им надо? Хотя ясно, чего им надо. Акт им надо составить! Под любым предлогом. «На основании тех документов, что есть». Вот чего им надо.

Так-так-так! Говорит пулеметчик. Все вернулось на круги своя. С чего начали, к тому и опять приехали. Опять к проверке. Ну, и на сей раз что будем делать?

Документов, между прочим, уже опять целые горы. На десять проверок хватит! Мы же их каждый день тоннами пло-

дим. Макулатуру эту. Макулатуру... Макулатуру... Кстати, интересная мысль!.. Надо закон посмотреть. Где-то у меня тут книжка-то валялась?.. А, вот она.

Так,.. так... Параграф,.. статья... Ага, вот!.. Замечательно! Просто прекрасно! Документы вам, значит, нужны? Будут вам документы! В полном объеме. Все до единого. Как просили. Изучайте на здоровье!

Паутов быстро набрал номер управляющего.

— Да, привет, это опять я. Вот что. Насчет документов. Возьми все документы и сделайте с них как можно больше копий. У нас же ксерокс большой работает?.. Вот и прекрасно! Пусть операторы, если надо, в две смены работают, чтобы копий успеть как можно больше сделать.

Потом разброшюруйте все договора, свалите посередине комнаты в одну кучу и тщательно перемешайте. Выдели несколько девочек для этих целей. Пусть сидят и мешают.

Когда все перемешают — только тщательно! тщательно! — пусть упакуют все в коробки и отвезут в налоговую полицию. Во-от так!.. Вопросы есть?

— Я н-не п-понял, — заикаясь, проговорил управляющий. — Кто это «все перемешать»?! И что, прямо в таком виде и отдать?!

— А чего? — натурально удивился Паутов. — В чем проблема? В каком это «таком»? В законе про это ни слова! В каком виде их надо отдавать. Там просто написано: подготовить документы. Вот мы и «подготовили»! У нас они именно так хранятся. Нам *так* с ними удобнее работать! А если вас что-то не устраивает — пожалуйста, упорядочивайте! Сортируйте. Приводите в тот вид, который удобен вам. Дело ваше!

— Понятно, — хихикнул управляющий. — Я все понял.

— Молодец, — похвалил его Паутов. — Давай, работай. Приступайте!

— Хорошо, Сергей Кондратьевич.

— Ладно, пока. Звони, если что, — Паутов отключился, не дожидаясь ответа.

Ладно. Одной проблемой меньше. Как в том анекдоте. Про выступление председателя колхоза на собрании.

«Ну, все! Одной проблемой меньше!» — «Что, что, Петрович!.. Удобрения привезли?.. Семена?..» — «Да нет. Не стоит больше!»

М-м-да... Вот бы и со всеми остальными проблемами так!.. Легко и просто. Красиво и изящно. Но — увы! С остальными красиво... не всегда... получается... И-изя-я-я-ящно...

Паутов широко зевнул и сонно посмотрел вокруг.

Черт! Не высыпаясь чего-то последнее время. Дела проклятые! Может, сейчас вздремнуть полчасика?.. Отключить телефон... Проживут они без меня полчаса? Или телку лучше выписать?.. Когда я последний раз трахался-то?.. Не помню уже даже... Недели две назад, как минимум... Да какие две! Все три. С этой... Как ее?.. Из агентства?.. Мисс чего-то. Машенькой?.. Дашенькой?.. Имя у нее какое-то сложное... Виолеттой? Нет, Виолетта — это в позапрошлый раз... А! Кристиной!

О-о-о-о-хо-хо!.. Крис-ти-ной... — Паутов зевнул еще шире. — А ничего, вроде, была... Сосочка... Молодец такая. Молодчинка... Ну, что? За новой Кристиной послать? За новой молодчинкой?.. Сколько, интересно, им платят? Что они как на крыльях сюда летят? Все забываю спросить... Штуку? Пять? Десять?.. Впрочем, какая разница? Хоть сто! Раз в две недели... невелики расходы.

О-о-о-о-а!.. Ну, так чего?.. Леня, блядь! Но для здоровья... Надо бы... Надо бы! Но леня! Ждать ее еще... Нет! Посплю лучше. Недосыпание тоже вредно. Еще как! Еще вреднее! Да. А это подождет. Завтра выпишу. Или послезавтра. Не забыть бы только, — глаза слипались.

— Вообще-то по уму давно бы уже надо все это на постоянной основе организовать. На регулярной. Скажем, раз в неделю. Или даже два... Да, помечтай, помечтай!.. А что? Почему бы и нет? Понедельник, четверг, к примеру с двух до трех. Секс. Секос. Чтобы к этому времени уже телку подвозили. К двум. Чтобы к этому моменту она уже в постели лежала. Раздетая. С раздвинутыми ногами... Да даже до полтретьего! Чего там с ней целый час валандаться! Раз-два! — и готово!.. Сунул-вынул!.. Свободна! Отчаливай!

Действительно. Вполне реальный план. Надо будет распорядиться. Со следующей недели и начну. А чего тянуть? За здоровьем следить надо... Оно у меня одно-... еди-и-и-и-инственно-о-о-е-е!.. Да! телефон надо выключить! А то хуй поспишь.

Паутов уже протянул было руку к шнуру и в тот самый момент телефон зазвонил снова. Паутов злобно на него уставился, потом в сердцах выругался.

Блядь!! Ну вот так всегда! Кто это еще?! Может, не снимать? А!.. Управляющий, наверное, чего-нибудь там «не понял». Как обычно. Ладно, провались оно все пропадом! Последний раз отвечу — и выключаюсь. Что за жизнь!? Тьфу!

Паутов еще секунду поколебался и потом, проклиная все на свете, все же снял трубку.

— Да!

— Сергей Кондратьевич? — вежливо поинтересовались в трубке.

— Да,.. слушаю... — голос был Паутову незнаком. Опять, что ль, из налоговой полиции? Сообщить о проверке...

— Здравствуйте, это с Вами из Белого дома говорят. Я звоню по поручению... — в трубке прозвучала фамилия премьера. — Вы приглашаетесь на расширенное заседание правительства, которое состоится завтра, в 15 часов. Подъезжайте к 1-ому подъезду. Пропуск на Вас заказан, — тон собеседника даже не допускал возможности отказа.

Поэтому у Паутова на мгновение возникло совершенно нестерпимое желание сделать именно это. Отказаться! Причем в предельно грубой форме.

Типа: а не пошел бы ты!!.. и премьер твой и все ваше правительство вместе с ним!.. так им и передай!.. и весь ваш Белый дом заодно!!.. имел я вас всех!.. как тот рабочий гайку!

— Хорошо! — после небольшой заминки все же справился с собой он. — Я все понял. Благодарю Вас.

— Итак, завтра ровно в 15 часов, Сергей Кондратьевич. 1-й подъезд. Не опаздывайте!

— До свидания, — Паутов в бешенстве швырнул трубку.

«Не опаздывайте!»!! Тварь, блядь! Мразь!.. А хотя, чего это я кипячусь? Это же клерк мелкий наверняка. Сошка. Третий секретаришка какой-нибудь. Вот он хвост веером и распускает. Значимость свою показывает. Не наигрался еще «Белый дом!.. 1-й подъезд!.. Пропуск будет заказан!..» Фу-ты, ну-ты! Ножки гнуты. Ладно, тьфу на него! Нашел о ком думать. Растереть и забыть.

Так... «Завтра в 15 часов»... Что сие значит? Что это еще за новости? А?.. Зачем это я им понадобился? У нас же сейчас с ними вооруженный нейтралитет? Перемирие... Может, арестовать хотят? Принять? Хм... За что? Ну, «за что» положим... За то! Не в том дело. Просто арестовать меня и здесь можно. Дома. Или на улице. Я же не скрываюсь никуда и ни от кого. М-да... Совершенно непонятно... Со-вер-шенно. Совершенно-совершенно!.. Тэк-с-тэк-с-тэк-с!..

И что в этой ситуации прикажете делать?!.. Ехать, блядь, не хочется!.. Даже вот просто, чисто по-человечески. Костюм надевать, галстук, тащиться хуй знает куда, хуй знает зачем... Чего мне там вообще делать? О чем с этими мудаками говорить? Совершенно не представляю! Мне от них, собственно, вообще ничего не надо...

Хотя нет. Надо. Чтобы не лезли и по возможности вообще забыли о моем существовании.

«Сергей Кондратьевич! Можем мы что-нибудь для Вас сделать?» — «Можете. Ни в коем случае ни к чему не прикасайтесь! И главное, не пытайтесь, бога ради, ничего для меня „сделать“!»

Но не скажешь же им этого! Обидятся еще. Они же у нас все такие обидчивые. Такие все великие... экономисты.

«Экономика на подъеме!.. Рекордный рост ВВП в нынешнем году!..» И так каждый год. Уже лет десять подряд. И куда только он, этот рост, девается, прах его побери! Вот так эта наша экономика умудряется «расти», что со стороны ну, решительно ничего не заметно! Абсолютно!

Как был пиздец десять лет назад, так он и посейчас остался! Кризис. Такое впечатление, что кризис сам по себе, а экономика сама по себе. Они как-то совершенно независимо друг от друга у нас «растут». Сосуществуют. Симбиоз. Взаимовыгодный союз двух организмов. Как кто-то в свое время проницательно заметил, в России от борьбы с кризисами только сами борцы толстеют. А кризисам от этой «борьбы» ни тепло, ни холодно. Они ее, похоже, даже не замечают. Этого «роста».

Ладно, чего-то я расфилософствовался. Вообще-то придется, наверное, ехать... Не хочется, конечно, а придется. Никуда не денешься. Чего гусей дразнить? Индюков этих надутых. Раньше времени.

Время, время, время!.. Это единственное, что мне сейчас нужно. Выиграть время. Хотя бы месяц еще! А еще лучше — два. За эти месяц-два я на западные рынки прорвусь. Наметки есть, все там удачно идет тьфу-тьфу-тьфу!.. А чего «тьфу-тьфу-тьфу»! С моими деньгами я все равно прорвусь. Рано или поздно. И никто меня не остановит! С этим банком не получится — другой найдем.

До чего же все-таки люди глупы! Прямо удивительно! Ну, вот, все же перед глазами! видят, что здесь, в России творится!.. Казалось бы, уж отнесись, по крайней мере, серьезно! К идеям, которые человек, создавший все это, выдвигает... Ан нет!

Абсолютное непонимание! Нежелание понять. Даже вникнуть. Полная неспособность мыслить хоть сколько-нибудь нестандартно! Нешаблонно. Какая-то зашоренность мышления. Шаг вправо, шаг влево — уже все! Он уже ничего не воспринимает.

Вместо серьезного анализа какая-то идиотская ирония. Смех какой-то дурацкий.

«Как это Вы будете сами назначать цены? Ха-ха-ха! Цены формирует рынок! Ха-ха-ха!»

Дескать, это только у вас, дикарей, в России такие чудеса могут твориться! Так оно и понятно. Вы же вчера только с ветки спрыгнули! Из каменного века. Из коммунистических пещер своих повылазили. На вас еще шерсть клоками висит! А здесь, молодой человек, цивилизация.

Я вам, блядь, покажу «цивилизацию»!! В нашем, российском варианте. С самого начала начну! Сначала про макаровых телят все расскажу, а потом, пожалуй, и объясню, чего доброго, как кузькину мать зовут. Да так наглядно и доходчиво, что сразу небо с овчинку покажется! С чувством все, с толком, с расстановкой!.. По-о-одробно! Так, чтоб все-е поняли!.. Настоящих-то чудес вы еще не видели! Увидите. Будут вам чудеса. Все будет! Будет вам и белочка, будет и свисток. Угадайте с трех раз, кто будет белкой скакать, а кто в свисток дудеть? Ха-ха-ха! Кретины!

Хотя, чего с ними разговаривать? Время только терять и нервы. «Мне надо то-то, то-то и то-то. Плачу столько-то. Все ясно? Исполняйте!» Не хотите вы, других найдем. Не проблема. Желающих хоть отбавляй! За такие деньги. Да и эти хотят. Все хотят! Кто заработать не хочет? Это уж они так... Не врубается пока в ситуацию. О каких суммах здесь речь идет. Не знают. Ха-ха-ха! А когда узнают, по стойке смирно стоять будут. Навытяжку! Ха-ха-ха! Глазами меня есть! Ха-ха-ха! Каждое слово мое на лету ловить! Что еще угодно его величеству наивеличайшему наифинансисту всех времен и народов?!.. Хе-хе-хе!

Н-да... Но раньше, чем за месяц, все равно не успеть... Не получается раньше, хоть ты тресни! И это еще в самом лучшем случае. А вообще-то и за месяц можно не уложиться... Н-н-да... Вре-мя! Вре-мя, время, время! Еще хотя бы месяц!

Придется, видно, все-таки галстук одевать. Никуда не денешься. И к этим олухам завтра на поклон тащиться. Ровно к 15-и часам, к 1-ому подъезду. «И не опаздывать!» Как мне этот клерк строго-настрога приказал.

Да ладно, в конце-то концов! Ну, позабавлю немного почтеннейшую публику! Потанцую на задних лапах. Жалко, что ли? С меня не убудет.

* * *

Когда на следующий день Паутов около шести часов вечера возвращался домой, его просто трясло.

Какие идиоты!.. Ну, какие фантастические дураки! — потрясенно твердил он про себя. — Они же вообще ничего не понимают! Как будто на другой планете живут! Вся страна на ушах стоит, а эти луножители паутовки сегодня, похоже, первый раз в жизни увидели! Судя по тому, с каким непосредственным интересом они их рассматривали и друг другу передавали. Невероятно! И эти люди руководят страной! Эти инопланетяне. Бедная Россия!

Успокоившись немного, Паутов припомнил некоторые подробности встречи и поморщился. Вот всегда так! Надо верить своим чувствам! Вернее, предчувствиям. Вот не хотел же ехать! Не хотел! Нет! «Поеду, поеду!.. Здравый смысл!.. Вре-мя надо выиграть!..» Галстук, как мудака, надел.

«Выиграл», блядь! Что теперь будет, вообще непонятно. Лучше бы уж дома сидел. В своей берлоге. Не высовывался никуда. Не вылезал и не пугал людей. Хотя, какие это люди! Дятлы какие-то безмозглые. Китайские болванчики. Ты ему объясняешь, а он тебе кивает, а сам, знай, свое долбит: нет-нет! нет-нет! Долбоебы.

Паутов снова почувствовал нарастающее раздражение. И на хуй я еще в эти объяснения пустился! Сказано же: не мечите бисер перед свиньями! В Библии, причем, кажется, сказано. Уважаемая же книга... Хоть раз в жизни бы хоть кого-нибудь, да послушался! Хоть того же Христа. Так нет же! Обязательно нужно метнуть. Да еще целую пригоршню!

Паутов вспомнил свою пламенную речь и скривился, как от зубной боли.

И черт меня за язык дернул! Ну, зачем?! Зачем?.. Сидел бы, помалкивал себе в тряпочку, улыбался да поддакивал. Как с самого начала и планировалось. О-о-о-а-ай!! Вспоминать стыдно. Повелся, как мальчишка.

А ведь как все хорошо начиналось!.. «Вызываем в Белый дом!..» И как плохо кончилось... «Пошли вы все на хуй! В рот я вас всех ебал!!» Ну, не такими, конечно, словами, но смысл тот же. Теперь я имею еще и кучу личных врагов. Собственно, весь кабинет. Во главе с премьер-министром. Которого я умудрился еще и лично послать.

«Пошли вы все на хуй! В рот я вас всех ебал!! А Вас, г-н премьер, особенно. Еще и во все прочие места!»

Как я еще на свободе-то хожу, удивительно! С таким-то даром красноречия. Впрочем, плевать на них на всех с высокой горки! В гробу я их всех видал! Переживут. Утрутся. Они люди привычные. Как наш любимый президент сказал: «Премьер у нас везде побывал. И сверху, и снизу». Так что не впервой ему! Не девочка. Подмоется лишний раз — и все дела.

Паутов старался ничего не вспоминать, но воспоминания сами лезли в голову.

Вот он входит, здоровается... Все разглядывают его, как какое-то диковинное насекомое.

Потом выступает министр финансов, начинает нести какую-то ахинею. Про рынок ценных бумаг, что паутовки — это фактически ценные бумаги.

— Но любая ценная бумага — это что-то реальное, за ней что-то стоит, это часть собственности предприятия, по ней выплачиваются дивиденды, а паутовка — это просто фикция! Пустота! Воздух! Они ничем не обеспечены. Это обычная финансовая пирамида...

И т. д. и т. п. И так битый час. Все в том же духе.

И когда слово дали Паутову, он не выдержал.

— Все, что говорил уважаемый г-н министр — это вчерашний день! Современный фондовый рынок — это прежде всего NASDAQ! Акции компаний «новой экономики». Microsoft, Intel, Yahoo и пр. и пр. Которые, как правило, не платят никаких дивидендов, и акции которых покупают исключительно со спекулятивными целями. В надежде на дальнейший рост их цен. Т. е. точно так же, как паутовки. Принципиальной разницы тут никакой нет.

Что, собственно говоря, современные акции — это уже вообще совсем не та классическая ценная бумага, которой она была еще относительно недавно. Сегодня это фактически просто абстрактный объект для спекуляций. И с этой точки зрения совершенно неважно, существует ли вообще материнская компания-эмитент. Их породившая. Акции могут преспокойно существовать и без нее. Как ребенок без матери. И если пуповина до сих пор не перерезана — то это лишь вопрос времени.

Будущее — вообще за виртуальными акциями виртуальных компаний. Реально не существующих. А зачем? Когда ребенок вырастает, родители ему только мешают. Путаются под ногами.

Реальность больше не нужна! Она лишь мешает биржевой игре! С реальными компаниями постоянно что-то случается. И это сразу же отражается на биржевом курсе их акций. А с какой стати? Ну, умерли у вас родители. Грустно, конечно, но вы-то живы!

Да здравствует виртуальный мир, мир будущего! В этом мире будут действовать совершенно другие законы. Это в ре-

альном мире бушуют войны, катастрофы, кризисы! А в виртуальном все всегда спокойно. Там всегда царит стабильность. Там нет ни воров, ни преступников! Там...

Резко зазвонил валявшийся рядом на сиденье телефон. Паутов вздрогнул, очнулся от своих мыслей-воспоминаний, тряхнул головой и кинул взгляд в окно.

А!.. К дому уже подъезжаем... Хорошо...

— Да! — нажал он кнопку мобильного.

— Сергей Кондратьевич! — звонил управляющий. Голос у него был какой-то странный. — Мне надо с Вами срочно встретиться.

— Это какой телефон? — поинтересовался Паутов.

— Тайный. (У Паутова всегда была с собой еще одна трубка для особо конфиденциальных переговоров.)

— Ну, говори тогда, — приказал Паутов. — Говори-говори! — чуть прикрикнул он, видя, что управляющий колеблется.

— У Вас похитили дочь, — пробормотал тот.

— Ч-что? — переспросил Паутов и не узнал собственного голоса.

— У Вас сегодня похитили дочь. Похитители уже связывались со мной.

— Когда ты у меня будешь? — безжизненно поинтересовался Паутов.

— Да я внизу нахожусь! Вас жду.

— Хорошо, стой у подъезда. Мы уже подъезжаем.

* * *

— ...на столе у секретарши лежал, — говорил управляющий. Паутов сидел в кресле, прикрыв глаза, и молча слушал. — Ну, она, естественно, мне передала. Я прочитал, попытался с Вами связаться, но Вы на заседании правительства как раз

были, — управляющий сделал паузу и уважительно посмотрел на Паутова. Паутов стиснул зубы. Дальше, идиот! дальше говори! — Я вызвал начальника охраны и ему показал.

— Зачем? — ровным голосом спросил Паутов.

— Ну, как «зачем»? — растерялся управляющий. — Выяснить хотя бы, действительно ли Ваша дочь похищена? Может, все это розыгрыш... И что это вообще за телефон? Может, тут бомба?

— Бомба... — без всякого выражения повторил вслед за ним Паутов. — Ну и как, выяснили? Розыгрыш это?

— Н-нет, — дрожащим голосом произнес управляющий. — Мы с Петром Леонидовичем звонили Евгении Андреевне. Саша из школы не вернулась, а потом Евгении Андреевне звонили по телефону и предупредили. Ну.. похитители... Она собиралась сама сегодня к Вам подъехать и все рассказать.

Паутов чуть приоткрыл глаза и смерил управляющего тяжелым взглядом.

— Когда она собиралась подъехать? Во сколько?

— Она сразу же рвалась... у нее там истерика... она плачет вся, рыдает... — залопотал перепуганный управляющий. — Но я сказал, Вы в Белом доме, вернетесь не раньше семи.

Паутов посмотрел на часы. Время уже было почти полседьмого.

— Все?

Управляющий в растерянности молчал, часто мигая.

— Это все?! — чуть повысил голос Паутов.

— Да... все... — потерянно пробормотал управляющий.

— Хорошо, иди.

— Что? — непонимающе уставился на Паутова управляющий.

— Я говорю: иди, — бесстрастно повторил Паутов.

— Хорошо... — управляющий вскочил с кресла, потоптался немного на месте и неловко, как-то боком, двинулся к выходу. — Сергей Кондратьевич, — в нерешительности замялся он у двери, — а мне Вас здесь подождать?.. В коридоре?..

— Нет, — холодно обронил Паутов. — Можешь домой ехать. Только на связи будь. Телефон не выключай.

— Понял! До свидания, — управляющий повернулся, чтобы выйти.

— Леш! — окликнул его Паутов. — А ты сам не мог Жене позвонить? Без начальника охраны? Обязательно нужно было, чтобы полфирмы об этом узнало?

— Я думал... как лучше... — обернулся белый как мел управляющий. Губы у него прыгали.

— Ладно, иди. Я тебе, возможно, еще позвоню.

Управляющий вышел, неслышно притворив за собой дверь. Паутов посидел немного, тупо глядя перед собой, потом перевел взгляд на лежащий на столе прозрачный целлофановый пакет. Тот самый. С телефоном и конвертом внутри.

На конверте жирным красным фломастером было размашисто написано крупными печатными буквами: «УПРАВЛЯЮЩЕМУ!!! СРОЧНО!!!» Внутри лежала короткая записка. Паутов перечитывал ее уже, наверное, раз двадцать и прекрасно помнил наизусть, каждое слово. Тем не менее, он опять взял конверт, вытащил оттуда сложенный вчетверо листок и стал перечитывать его в двадцать первый раз. Как будто надеялся увидеть в хорошо знакомом тексте что-то новое. Увы! Ничего нового там, естественно, не было. Все те же жесткие, рубленые фразы:

«ПАУТОВУ!

Твоя дочь похищена нами. Жди звонка по этому телефону сегодня с 19.00 до 20.00. Сообщишь ментам — она умрет».

Паутов медленно сложил листок, засунул зачем-то снова в конверт и бросил конверт на стол.

Внутри у него словно все оледенело. «Саша!.. Саша!.. Саша!..» — молоточками стучало в голове. При мысли о том,

что с его десятилетней дочерью может что-то случиться, у Паутова перехватывало дыхание и хотелось кричать от нестерпимой боли. Думать было вообще ни о чем невозможно.

Где она?! Что с ней?! А может, ее уже нет в живых??!..

Это были единственные мысли, которые беспрестанно крутились в голове. По циклу, по бесконечному кругу.

Где она!?!.. Что с ней!?!.. Жива ли!?!.. Где она!?!.. Что с ней!?!.. Жива ли!?!.. Где она!?!.. ...?! ...?! ...?!

Паутов услышал звонок в дверь, и через секунду в комнату вбежала его бывшая жена. Вся зареванная, в разводах туши и губной помады.

— Это ты во всем виноват!!! — еще с порога, прерывающимся от рыданий голосом, истерически закричала она. — Все твои проклятые деньги! Это из-за них ее похитили!!

Паутов отшатнулся, как от удара.

— Здравствуй, Женя, — по возможности спокойно сказал он. — Перестань, пожалуйста, плакать, возьми себя в руки и давай все спокойно обсудим. Расскажи мне все подробно, с самого начала. Они тебе звонили? Что они тебе сказали? — Паутов старался говорить ровным и уверенным тоном, но это у него плохо получалось. Голос то и дело срывался и предательски дрожал.

— Сказали, чтобы я никуда не звонила. Ни в какую милицию. А иначе ее убью-ю-ют!.. — в голос зарыдала Женя и упала в кресло, закрыв лицо руками.

Паутов почувствовал, что в душе у него все оборвалось, а сердце сжала какая-то безжалостная ледяная рука.

Как «убьют»?.. Моего единственного ребенка убьют!?.. Десятилетнюю девочку!?.. Да я!.. Я...

Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем он нашел в себе силы шевельнуться, откашляться и хрипло произнести:

— А еще они чего-нибудь сказали? Насчет условий,.. выкупа?.. Чего им надо?

— Они сказали, что сами тебе сегодня вечером позвонят и все скажут, — всхлипнула Женя. — Я сразу хотела к тебе ехать, но тут как раз Гутов твой позвонил, сказал, что ты на заседании правительства. (Гутов, это был управляющий Паутова.) Только вечером будешь. Я за это время чуть с ума не сошла!

— Ты еще кому-нибудь говорила, что Сашу похитили? — с трудом спросил Паутов. К нему постепенно возвращалась способность хоть сколько-нибудь логически рассуждать и здраво мыслить.

— Только маме, — подняла на него глаза сидевшая в кресле напротив заплаканная, начинающая уже увядать женщина, бывшая когда-то его женой.

— Только маме... — как эхо, отозвался Паутов и безнадежно вздохнул.

Другими словами, по секрету всему свету, — тоскливо добавил он про себя. — Плохо. Очень плохо. Это значит, пол-Москвы уже об этом знает. И в офисе, и здесь теперь... Очень плохо.

— А как хоть ее вообще похитили? Как это вообще произошло? — Паутов бросил беглый взгляд на часы. Восьмой час уже! Позвонить могут в любой момент. Надо постараться успеть выяснить до этого их звонка как можно больше! Все подробности. Любая мелочь может быть важна!

— Я ничего не знаю! Саша из школы не вернулась... А потом мне позвонили... — женщина снова заплакала.

— Не реви! — жестко сказал Паутов. Он быстро приходил в себя. — Времени нет! Они в любой момент позвонить могут. Говори быстрее! А может, из класса кто-нибудь видел чего? Подруги, там?.. Учителя?.. Тебе никто не звонил?

— Нет! — торопливо проговорила Женя. Она перестала плакать и смотрела на Паутова с какой-то робкой, зарождаю-

щейся надеждой. По всей видимости, уверенный и деловой тон его последних вопросов ее несколько ободрил и упокоил.

— Так! А во сколько... — начал было Паутов, и а этот момент лежащий на столе мобильник отрывисто запищал.

Паутов на миг замер, негромко выругался, потом решительно взял его в руки.

— Алло!

— Папа!! Я боюсь! — сразу же ворвались в трубку крики его перепуганной насмерть дочери. — Забери меня отсюда!!

— Саш!..

— Все понял? — по голосу говорившему было лет 35–40. — Твоя дочь у нас. Если хочешь...

— Дайте ей трубку! — резко перебил Паутов.

— Это еще зачем? — после короткой паузы настороженно поинтересовался собеседник.

— Я хочу убедиться, что с ней все в порядке!

— Ты же слышал ее голос?

— Дайте ей трубку! — не терпящим возражений тоном повторил Паутов.

— Ладно, — поколебавшись немного, нехотя согласился мужчина. — Убедись. Только недолго!

— Папочка!..

— Саша! — быстро заговорил Паутов. — Дяди рядом с тобой в масках? Скажи мне просто: да — нет! Они в масках?

— Нет... Папочка!..

— Сашенька, не бойся, я тебя скоро заберу!..

— Все! Хватит! — снова раздался в трубке знакомый уже мужской голос. — Убедился? Теперь слушай, что ты должен сделать. Сейчас позвонишь в офис и скажешь, чтобы подготовили паутовок на 100 млн. долларов, сотысячными и десяти тысячными купюрами. Так, чтобы примерно в 8–10 больших спортивных сумок все уместилось. Сумки у вас есть, я знаю. Во-от!..

С сумками этими пусть стоят у черного хода, метрах в ста. Где-то через полчаса, полчаса вам хватит. Подъедет белая девятка, номер такой-то, в нее пусть все погрузят.

Если все нормально будет, через 5 дней свою дочь получишь живой и здоровой. Пять дней нам надо, чтобы паутовки твои не торопясь обналечить. Если же какие-то непонятки начнутся, в разобранном виде Сашеньку твою ненаглядную тебе пришлем. Это у нас называется: «на конструктор». По частям, в целлофановых пакетах. Голова отдельно, ноги отдельно... все понял?

— Теперь слушай меня, урод! — с огромным трудом сдерживая переполнявшую его ярость, тихо заговорил Паутов. — Вы вернете мне мою дочь сегодня, до полуночи. И я тогда забуду о вашем существовании. Если же нет... — Паутов сглотнул. Его душило бешенство. — Если нет — я объявлю награду за голову каждого из вас. 10 млн. долларов за мертвого и 20 — за живого. И плюс по 3 млн. за каждого члена семьи. Мать, жену, ребенка... С живыми я сам буду беседовать. Лично!! В спокойной обстановочке.

За вами вся страна охотиться будет! Вся братва и все менты. За вами и за вашими семьями.

Все!! Все разговоры окончены! Советую поторопиться. Времени у вас не так уж и много осталось. Всего лишь до полуночи, — Паутов перевел дыхание. —

И моли бога, ссука, чтобы все для тебя так мирно закончилось! — прошипел он, буквально задыхаясь от ненависти. — И не пришлось тебе со мной близко общаться! С глазу на глаз беседовать. А жжжжаль!.. Ххорошшшшо-о-о бы!..

Трубка некоторое время молчала.

— А как же дочь? Сашенька твоя любимая? — услышал наконец Паутов. Мужчина старался говорить насмешливо, но голос его звучал не совсем уверенно. — Не жалко?

— Других нарожаю! — холодно бросил Паутов и отключился.

В комнате царила гробовая тишина. Паутов поднял глаза. Его бывшая жена смотрела на него, раскрыв рот. На лице ее был написан самый настоящий, неподдельный ужас.

— «Других нарожаю!»!.. Ты о ком это сказал!? О Сашеньке?.. Она тебе безразлична?.. Ты страшный человек! — еле слышно, одними губами, потрясенно прошептала она. — Я столько лет жила с тобой, и даже этого не подозревала... Что ты наделал?! Ты убил ее! Ты только что убил собственную дочь! Ты чудовище.

— Они с самого начала не собирались ее возвращать, — мертвым голосом произнес Паутов. — Мой ультиматум — это единственный шанс.

— Откуда ты знаешь? — не отводя от него глаз, все так же тихо проговорила вдруг внезапно постаревшая Женя. — Откуда ты это можешь знать?

— Они без масок. Саше уже десять лет. Она уже взрослая фактически. Она их узнает, — стал безжизненно перечислять Паутов. — Выкуп они просят в подписях, а не в деньгах. Почему?

Во-первых, потому, что в деньгах 100 млн. долларов слишком большой объем займут. Даже стодолларовыми банкнотами — это больше тонны. Да одними стодолларовыми у меня может и не оказаться. Тогда вообще целый грузовик получится. Лишние проблемы возникнут.

А подписями — компактно и удобно. И в наличии они наверняка есть. Так что можно уже через полчаса их забирать, пока я подготовиться и меры принять никакие не успел.

А главное, они пять дней надеются таким образом выиграть. Мол, на обналочку время надо! На самом-то деле обналочить они уже сегодня при желании смогут. Пункты по всей Москве до глубокой ночи открыты. А пять дней им надо, чтобы следы замести. Из страны уехать. Пока я ждать буду, ничего не предпринимая. Естественно, с такими деньгами... — Паутов остановился, с тоской обвел глазами комнату и с усилием продол-

жил. — Это хорошо продуманная и тщательно подготовленная операция. Никого они не собираются возвращать и ставить все под угрозу! Да и зачем? За похищение ребенка они и так в случае чего на всю катушку получают. Даже без убийства. Это в лучшем случае. Если я их раньше не найду. А с моими средствами...

Да я их, впрочем, и в тюрьме потом достать смогу. И в лагере. Да с момента, когда они похитили мою дочь, на них на всех фактически уже крест стоит! Черная метка. Они приговорены!

И они все это не могут не понимать. Они же не идиоты.

В общем, как только деньги окажутся у них в руках — Сашенька будет мертва, а сами они сразу же из страны уедут, — Паутов замолчал и уставился в пол.

— Все это ты сам себе навывдумывал!! А если ты ошибаешься?! — в отчаянии закричала Женя и опять зарыдала. — Если ты ошибаешься?.. Тогда что?!

Ты говоришь о собственной дочери, как задачу решаешь! «Во-первых,.. во-вторых...»!.. Как робот. Ты Сашу что, вообще не любишь!? Как ты можешь в этой ситуации так спокойно рассуждать?! Отдай этим людям все, что они хотят!! Я тебя прошу! Умоляю!!! Хочешь, я перед тобой на колени встану!!?!

Женя действительно сделала попытку броситься перед Паутовым на колени, и он лишь с огромным трудом ее от этого удержал.

— Ну, Женечка, успокойся, успокойся!.. — растерянно повторил он, глядя рыдавшую женщину по голове. — Успокойся!.. Все будет хорошо, вот увидишь. Я в этом уверен...

На самом-то деле уверен в этом он вовсе не был. И это было ужасно. Но еще хуже было другое. То, в чем Паутов не решался признаться даже самому себе.

Да, все, что он только что так доходчиво и убедительно излагал своей бывшей жене — все это было, конечно, очень пра-

вильно, разумно и выглядело внешне очень логично. Но суть была в другом.

Суть была в том, что поведение его во время телефонных переговоров с похитителями было совершенно спонтанным, а вовсе не каким-то там заранее спланированным.

Он просто вдруг почувствовал во время этого разговора, что не может уступить, не может допустить, чтобы ему диктовали условия, заставляли что-то делать, чтобы ему угрожали. Признать, что у него есть слабые места, через которые на него можно давить.

У завоевателя Вселенной не может быть слабых мест! Ему ничего не жаль, и он без раздумий жертвует всем! Ничто не представляет для него ценности. У него нет ни привязанностей, ни друзей, ни родственников. Только цель! «Жена Цезаря должна быть выше подозрений!» Цезарь в подобной ситуации с легкостью отказался от жены. Паутов с не меньшей легкостью — от горячо любимой дочери.

Он просто интуитивно понял вдруг, что если он сейчас уступит — все!! Конец. В нем что-то сломается. Безвозвратно. Он никогда уже больше не станет тем Паутовым, который собирается покорить мир. И который действительно мог это сделать! Он — уже не сможет. Никогда. Уступив раз — он уступит и в другой. И в третий. И так до самой гибели.

Как несчастный Николай II. Который в решающий момент бросил все: фронт, страну... и кинулся в Царское Село спасать семью. В результате погибли все: и страна, и семья, и он сам. Все! Жизнь — очень жестокая штука. И она не терпит сантиментов. Ты собираешься переступить через миллионы?.. Начни с собственной дочери!

Вот была главная, истинная причина поступков Паутова. Их подоплека, скрытая пружина, подлинный мотив, движущая сила. А все эти логические объяснения он уже потом с ходу придумывал. Чтобы хоть как-то перед Женей оправдаться.

Все-таки я еще чувствую потребность оправдываться, — безнадежно подумал Паутов, — и то хорошо!.. Со временем, наверное, исчезнет и это. Бог никогда ни перед кем не оправдывается. Хайль Гитлер! Да здравствует Цезарь! Виват! Людовик XIV: «„Надлежит“!.. Мне „надлежит“!..»

На душе у Паутова было невероятно, бесконечно тяжело. Он был сильно привязан к своей дочери, очень любил ее. Больше всех на свете! Это был у него, по сути, единственный близкий человек. Единственное, что у него в жизни оставалось!

Но... если бы тот разговор повторился еще раз, он повел бы себя точно так же. Совершенно точно так же! Он не мог заставить себя уступить. Не мог — и все! Это было выше его сил. Это было для него абсолютно невозможно. Аб-со-лют-но!

* * *

До двенадцати ничего не произошло. Саша не вернулась. Около часу ночи, когда окончательно стало ясно, что случилось что-то страшное, Женя встала и, не говоря ни слова, молча собралась и уехала. На неуверенное предложение Паутова остаться («Куда ты едешь на ночь глядя?!..») она никак не отреагировала и не обратила ни малейшего внимания. С Паутовым она вообще больше не разговаривала и даже как будто его не замечала. Он словно перестал для нее существовать.

6.

В эту ночь Паутов спал плохо. Ему снились какие-то кошмары. Вот они с Женей десять лет назад, еще молодые, веселые и беззаботные; вот смеющаяся Женя протягивает ему маленькую Сашу, он бережно берет ее на руки и вдруг видит, что это целлофановый пакет с головой десятилетней девочки! — «на кон-

структор», как выразился тот,.. по телефону... — и эта голова вдруг открывает глаза, смотрит на Паутова и жалобно говорит:

— Папочка, я боюсь! Ты же обещал меня забрать! Ты же обещал!!

Паутов в ужасе на нее глядит, а Женя обличающе тычет в него пальцем и кричит, кричит:

— Это ты убил ее!! Ты, ты, ты! Будь ты проклят!.. про-о-клят!.. про-о-оклят!!!..

Паутов проснулся весь в холодном поту от треньканья телефона.

— Да! — хриплым со сна голосом буркнул он в трубку. Картины сна еще живо стояли у него перед глазами. — Слушаю.

— Сергей Кондратьевич!.. — похоронный тон управляющего не сулил ничего хорошего.

— Да, — повторил Паутов, медленно просыпаясь.

— Э-э... Сергей Кондратьевич... Мне только что звонил Петр Леонидович... — управляющий замялся.

Паутов похолодел. Господи!.. Нет!!! Неужели!?!?.. Дальше он не решался думать.

— Ну, что там?.. — боясь услышать самое ужасное, замирая, спросил он.

— Евгения Андреевна ночью покончила с собой. Отравилась газом.

— Как «покончила с собой»?! — даже не понял сначала Паутов.

— Да... Петру Леонидовичу утром из отделения местного позвонили, чтобы он срочно подъехал... И он сразу же туда выехал. Он сейчас у нее на квартире находится.

— Так... — медленно сказал Паутов. — Она... мертва?

— Да, — управляющий помолчал. — Она... записку оставила. Петр Леонидович ее забрал на всякий случай. Ну, решил, в общем, этот вопрос. Вам ее привезти?

— Он тебе ее читал? — поинтересовался Паутов.
— Да... — управляющий явно чувствовал себя не в своей тарелке.
— Ну, и что там написано? — бесстрастно спросил Паутов.
— «Будь ты проклят!» — услышал он дрожащий голос управляющего.
— Все?
— Да.. все...
— Хорошо. Записку передай мне с курьером, только запечатай ее в конверт какой-нибудь...
— Хорошо! — поспешно сказал управляющий.
— Разберитесь там с местным отделением, чтобы меня это никак не коснулось, — продолжил Паутов. — И все вопросы по похоронам решите. Чтобы все как надо было сделано. Деньги не жалейте. Сколько надо, столько и тратьте. Проследи лично, чтобы все было нормально. С матерью ее свяжись — помощь если какая, там, нужна... В общем, займись этим всем.
— Я все понял, Сергей Кондратьевич!
— По поводу дочери... ничего пока?.. Не объявлялся никто?
— Нет пока.
— Ладно, давай. Звони, если что. Ты на связи?
— Да, конечно.
— Хорошо. В офисе все нормально?
— Да, нормально. Небольшой сброс, как обычно по четвергам.
— Много народу?
— Ну, с утра много было, но к обеду, я думаю, рассосется все.
— Что с деньгами?
— Денег у нас много. Почти десять комнат.
— Откуда столько? — вяло удивился Паутов. — Вчера же только восемь, вроде, было?..
— Из городов подвезли, — с готовностью пояснил управляющий. — Вечером вчера и сегодня с утра.

— Ладно, хорошо, держи меня в курсе. Если по Саше какие новости будут — звони сразу же!

— Да-да, конечно!

— Ну, все. Давай.

Паутов повесил трубку и в каком-то ошеломлении откинулся на подушку. Новость о смерти Жени была настолько дикой и неожиданной, что он ее еще полностью до конца не осознал. «Будь ты проклят!» Это был его ночной кошмар, каким-то чудовищным образом оживший. Сон, неким злым волшебником превратившийся в явь.

Жени больше нет... Жени больше нет... — тупо повторял про себя Паутов, пытаясь проникнуть в страшный смысл этих слов. — Саша... Никого больше нет!!... Это были две маленькие, утлые лодчонки, тихо плывущие в кильватере маленького парусного кораблика. На буксирчике... И вдруг к кораблику приделали атомный двигатель!..

Кто приделал!?!? Зачем!?!? Откуда я вообще взялся!? Точнее, откуда это все это у меня взялось?! Как это я вдруг стал таким вот... великим? Цезарем! Наполеоном. Жил себе, жил, обычным человеком был, звезд с неба не хватал — и вдруг!.. Откуда что взялось! Как из рога изобилия все посыпалось! Какой я путь всего за полгода проделал — это же уму непостижимо!.. Аналогов просто в истории нет!

Кто еще полгода назад знал о каком-то там Паутове? А сегодня обо мне вся страна только и говорит! А завтра вообще весь мир говорить будет!

Да такого вообще не бывает! Это мистика какая-то! Чудо! Не-что сверхъестественное! — Паутов припомнил все этапы своего фантастического восхождения. Взлета! Вертикального старта.

Да, конечно, прямых чудес не было, но все события выстраивались всегда именно так, чтобы расчистить дорогу Паутову.

Оптимальным для него образом. Все эти бесконечные проблемы в конечном счете разрешались к вящей славе Паутова, и он оказывался еще на шаг впереди.

Просто реальность постоянно вынуждала его делать максимальные ставки, играть ва-банк. Сам-то бы он наверняка никогда на это не решился. Вот так вот постоянно рисковать всем, ставить все на карту. Но его никто не спрашивал. Жизнь просто-напросто заставляла его это делать, тащила за шиворот к победе!

Да — нет! Пан — или пропал! Вперед!! Удача с нами! «Не трусь! Я хорошо фехтую!»

Он постоянно удваивал, утраивал ставки, снова и снова ставил все на красное, и красное раз за разом все выигрывало,.. выигрывало,.. выигрывало... Постоянно,.. снова и снова,.. раз за разом... Ни одной осечки! Ни единого сбоя!

Так не бывает! — похолодел Паутов. — Естественно, теоретически можно представить, что человеку так сказочно везет, все вокруг него чисто случайно происходит таким вот именно расчудесным образом, что он за какие-то полгода становится вдруг внезапно самым богатым и могущественным человеком на Земле; но реально такого не бывает. Реально удачи неизбежно чередуются с неудачами, и одни события компенсируются другими. Сглаживаются.

В итоге получается нечто усредненное, среднестатистическое. Обычная, нормальная жизнь. С ее обычными, нормальными результатами. Средними. А так...

Можно, конечно, допустить, что решка выпадет миллион раз подряд, причем ты заранее это угадаешь — никакого нарушения законов природы тут нет, — но... Не бывает так! Это противоестественно. Противно естественному ходу вещей. Это какое-то чудовищное искажение событийной картины мира. Вмешательство чего-то высшего.

Между прочим, если высшее действительно существует и как-то вмещивается в нашу жизнь, то оно, наверное, именно так вот и действует, — пришло внезапно в голову Паутову. — Не нарушает напрямую физических законов бытия, а просто искажает его событийную картину. А зачем законы нарушать? И с помощью случайностей можно все, что угодно, сделать.

Просто вокруг объекта воздействия начинает твориться вдруг нечто невообразимое. Происходит слишком много случайностей. Странностей, совпадений... Каждая отдельная такая странность, конечно, легко объяснима в рамках обычной логики, но вот все в целом!.. В целом это уже система. Нечто, качественно новое. Как одна-единственная клетка — это всего лишь клетка, но определенным образом построенная совокупность клеток — это уже живой организм. Новая сущность.

Миллион решек подряд... Обезьяна, произвольным образом барабанящая по клавишам пишущей машинки и «случайно» печатающая «Войну и мир»... Что это? Чудо?.. Капризы вероятности?..

Хм!.. Значит, дьявола все-таки можно поймать за хвост? Выследить по следам копыт? Интересно... Еще интереснее, что я обо всем этом сейчас думаю. Сейчас, в такой момент!... Сашенька,.. Женя... А я!..

Постой-постой! — попытался сосредоточиться Паутов. — Не зря я об этом стал думать!.. Что-то у меня мелькнуло... какая-то мыслишка... Что?.. Что?.. — Паутов потер ладонью лоб. — Что!?!.. Да!!! — догадка была настолько ослепительно ужасна и прозрачна в своей очевидности, что Паутов от волнения даже с подушки привстал. — Если все именно так обстоит, то и все последние события — похищение и... гибель... Саши,.. — Паутов ощутил тупой укол в сердце, — смерть, сегодняшнее самоубийство Жени — все это тоже звенья одной цепи! Все той же чудовищной, дьявольской цепи случайностей.

Точнее, псевдослучайностей. Событий, лишь прикидывающихся случайностями.

Дьяволу нужно было и это. Чтобы у меня никого в этом мире не осталось. Никаких привязанностей. Не осталось слабых мест. У покорителя Вселенной не должно быть слабых мест! — истерически захохотал Паутов. — И чтобы я начал мстить. Переступил через кровь. Через смерть. И через жалость. Ненависть! ненависть! ненависть! Чтобы я превратился в дракона.

И я превратился! О-о!.. Я действительно превратился!.. Если Вы преследовали именно эту цель, господин Сатана, поздравляю! Вы ее добились. Да, добились... Я отомщу!.. О, как же я отомщу!..

Я найду всех, виноватых в гибели моей дочери, и всех их уничтожу. Всех!! До седьмого колена! Их жен, матерей, детей. Я их лично буду пытаться. О-о-о!.. Я уже вижу, как я это буду делать!.. Сама эта мысль мне доставляет наслаждение!.. — губы Паутова растянулись в каком-то зловещем подобии то ли улыбки, то ли волчьего оскала. —

А если же я их не найду... если они успели разбежаться, попрятаться, забиться в щели, рассеяться по всему свету!.. — Паутов глухо зарычал от бешенства, в ярости кусая подушку. Он чувствовал, что им овладевает безумие. — Тогда я объявлю войну всему этому свету! Да!! Всему миру!!! Выжгу его каленым железом! Весь!! Устрою вслед за финансовым Апокалипсисом еще и настоящий, ядерный!

Обрушу фондовый рынок и во время начавшейся неразберихи приду к власти — хотя бы здесь, в России — и начну атомную войну. Со всеми! Всех против всех!! На уничтожение! Войну, в которой не будет ни победителей, ни побежденных! Только смерть!! Кровь! Реки крови!! Моря! — Паутову представился какой-то широкий, извивающийся, бесконечный поток медленно текущий крови. Красной, вязкой, горячей... Как он плавает в нем, купается и смеется от радости.

Да-да! Так!! Именно так! Именно так все и будет! А потом!.. Потом всеобщий чудовищный атомный взрыв — и все! Конец света. Финал! Финиш! Апокалипсис. Судный день. Пусть катится все к чертовой матери!!! — Паутов вдруг словно воочию увидел черную исполинскую руку со скрюченными когтистыми пальцами, тянущуюся к ночному небу и сминающую его в гармошку — как фольгу, как тонкий бумажный лист! «И небо скрылось, свившись как свиток».

Да!! Прекрасно. Я это все устрою! И если есть Бог, то пусть вмешивается. Самое время! Потому что сам я не остановлюсь!..

И начну я, пожалуй, прямо сейчас. Чего тянуть? Используем форсированный вариант. Чем быстрее все кончится — тем лучше! Некогда мне тут испанские партии разыгрывать. Сыграем что-нибудь остренькое. Королевский гамбит! Правда, его давно уже не играют, но попробуем. Используем эффект неожиданности. Вряд ли противник его хорошо знает.

Жертва пешки и потеря рокировки ради инициативы. Пешкой выступлю я сам. Рокировка — свобода. Плевать!! Если я прав, дьявол все равно вмешается, и красное опять выиграет! В миллион первый раз. Если же нет — то гори оно все огнем!! Пропади пропадом и будь все проклято! Аминь.

Паутов схватил телефон.

— Хуже мне не будет!.. Ну, попаду в ад... Так я и так уже в аду! — как в горячке бормотал он, лихорадочно набирая номер управляющего. Пальцы дрожали и срывались. — А, черт! Опять сбился!.. Так... Так... Алло!! Это ты?! Бери ручку и записывай!.. Нашел?.. Хорошо, пиши...

«Уважаемые вкладчики!..»...

Или нет, вот что... — телефон может прослушиваться, сообразил Паутов. — Лучше я напишу сначала, а потом тебе пе-

резвоню и продиктую. Это где-то через полчаса будет. Новостей никаких?

— Да нет, Сергей Кондратьевич, — неуверенно ответил управляющий, — все по-прежнему...

В голосе управляющего чувствовалась некоторая напряженность. Что это за новое Обращение? Вроде, все тихо? Управляющий, по всей видимости, опасался какой-то неадекватной реакции Паутова на все эти последние события. Какого-нибудь нервного срыва.

Впрочем, Паутову это было все равно. Кто там чего опасается. Игра пошла по-крупному. Он опять собирался резко взвинтить ставки. В который уже раз. Только теперь уже до самого предела! До упора!! Поставить на кон свою собственную жизнь. Да и черт с ней!! Эка невидаль! Было бы о чем жалеть! «В этом мире умирать не ново!..» Ставлю на красное!!!

Паутов вскочил с постели и стал быстро одеваться.

Так... Так... Все я взял?.. А деньги!? Главное-то чуть не забыл! Сотки хватит?.. Ну, две возьмем на всякий случай... Или три... Какая разница! Просто, чтобы по весу не слишком много было. Пакет чтоб не порвался, и в глаза чтоб не очень бросалось. Кирпичи эти. Охранники чтобы ничего не заметили. Впрочем, тьфу на них! Пусть замечают.

Так... Так... Да, конверты! Где-то они у меня были... А, вот... Так, все?.. Ручка, бумага, конверты, деньги... Все, вроде?.. А! белье еще надо взять. Трусы-носки-рубашки. Ну, и зубную щетку и пасту уж заодно. Вместе с мылом... Да, полотенце, полотенце!.. Ну, что, все?.. Все! Теперь все. Тьфу, блядь, телефон! И записную книжку. Все, все! Теперь действительно все. Так-так-так-так... — Паутов быстро пробежал глазами содержимое пакета. — Все! Погнали! Можно ехать.

Паутов нажал кнопку звонка.

— Вызови ко мне старшего смены! Срочно! — коротко приказал он подбежавшему охраннику.

У подъезда Паутова и вокруг его дома круглосуточно дежурила его собственная служба наружного наблюдения. Наружка. «Танкисты», как они сами себя называли. Смотрели за ситуацией. «Полотерили» — так это, кажется, звучало на их профессиональном жаргоне. Жаргоне бывших сотрудников «семерки», легендарного 7-ого Управления КГБ. Управления по слежке за диссидентами и иностранными дипломатами. В большинстве своем кадровыми разведчиками и потому слежку за собой прекрасно замечающими.

Так что квалификация паутовских танкистов сомнений не вызывала. Это были профессионалы старой школы. О нынешних сотрудниках наружек МВД, налоговой полиции и даже ФСБ («конторских») они отзывались насмешливо-пренебрежительно: «А-а!.. Кто там сейчас работает? Молодежь одна, зеленая, необученная. Кто постарше да поопытней, все по коммерческим структурам давно поразбежались».

В общем, это была высшая лига. Старые волки. На них можно было положиться. По крайней мере, Паутов всерьез на это рассчитывал. Надеялся, что это именно так. А там уж!..

Ну, да ладно. Чего зря болтать! Сейчас и посмотрим. Проверим на деле, что это, блядь, за суперпрофи! Что это за «танкисты». А то выяснится сейчас... «У тебя же мама педагог, у тебя же папа пианист. Какой ты, на фиг, танкист!»

Старший смены поднялся минут через пять.

Паутов сидел, раздраженно барабанил пальцами по ручке кресла. Ну, сколько можно ждать!? Быстрее, быстрее!

— Вызывали, Сергей Кондратьевич?

— Да, заходи.

Вызванный танкист осторожно присел на краешек кресла.

— Так... — Паутов попытался было припомнить, как его зовут, потом плюнул. — Значит, так... Как там обстановочка?

— Ну как обычно, Сергей Кондратьевич... — танкист выжидательно смотрел на Паутова, ожидая продолжения. Зачем

его вызвали-то? До этого Паутов до уровня старших смены никогда не опускался и общался исключительно с начальником охраны. Ну, правильно! Зачем приказы через голову отдавать? Это неминуемо ведет к бардаку и неразберихе. Надо соблюдать иерархию. Дисциплину. Как в армии.

— Много вокруг наружки?

— Пять машин ментовских, шесть конторских и восемь налоговой полиции. Это прямо здесь. Плюс еще по району в переулках стоят. И на набережной. У ментов здесь три девятки, десятка и одиннадцатая. Одна девятка у подъезда, две на той стороне... — стал привычно перечислять танкист.

— Ладно, короче! — в нетерпении оборвал его Паутов. — Мне надо срочно выехать на важную встречу. Мы сможем оторваться?

— Трудно будет... — танкист смотрел Паутову прямо в глаза. Паутов давно уже успел заметить эту неприятную привычку практически у всех без исключения сотрудников органов — что МВД, что ФСБ, что НП. Учат их там этому, что ли? В гляделки эти дурацкие играть. Зачем? Непонятно. — Может, еще одну смену вызвать, Сергей Кондратьевич? Надо покумекать...

— Некогда... кумекать, — пристально глядя на собеседника, холодно отчеканил Паутов, чуть выделив паузой и ударением последнее слово и давая понять таким образом, что подобный фамильярный тон ему неприятен. Старший смены понял, слегка выпрямился в кресле и виновато заморгал. — В общем, сделаем так... В подъезде все чисто?

— Да, все чисто, Сергей Кондратьевич!

— Я сейчас загримируюсь, — Паутов встал, подошел к шкафу и достал оттуда парик, бороду и усы, — мы пройдем через чердак и выйдем из соседнего подъезда. Будем надеяться, что они нас упустят. Если нет — делайте, что хотите, но нам надо оторваться!

— Можно действовать по жесткому варианту, Сергей Кондратьевич?

— Это как? — вопросительно поднял брови Паутов.

— Ну, дорогу перекрывать,.. аварии, там, небольшие устранять,.. шины прокалывать...

— Делайте, что хотите! — жестко повторил Паутов. — Хоть из пушек по ним палите! Но нам надо оторваться. Во что бы то ни стало! Любой ценой!

— Я все понял, Сергей Кондратьевич, — танкист кинул беглый взгляд на часы. — Сколько у нас есть времени?

— Нисколько! — отрезал Паутов, подымаясь. Старший смены тоже сразу же вскочил. — Звони, чтобы машину подгоняли. Мы прямо сейчас выходим.

Может, действительно подождать? — подумал вдруг Паутов. — Подготовить все, не торопясь?.. Куда я так гоню? Как на пожар.

Но он чувствовал интуитивно, что все делает правильно. Лучше в таких случаях все быстро делать! Максимально используя эффект внезапности. Не давать противнику времени опомниться. Действовать на опережение.

Да и вообще!.. «Подготовки» все эти... В конечном итоге все то же самое получится, только еще и сто человек об этом знать будет. Обо всей этой строго засекреченной операции «Б1». Секрете полишинеля. «А почему «Б1»?» — «Чтобы никто не догадался!»

Паутов примерил перед зеркалом парик и усы с бородой. До чего же дурацкий вид! На Дед Мороза похож. Ладно, сойдет! Очки только снять, и тогда вообще никто не узнает. Если узнают, конечно, то пиздец! Позорища не оберешься! Паутов представил свои фотографии в усах и бороде на первых страницах газет и поморщился.

Да-а!.. Черт с ними!! К любовнице еду! На романтическое randevu. И вообще это не я! Гнусная инсинуация. Да пошли вы все, короче!! По адресу. Цены растут? Растут. Все, свободны!

Ну, что? Поедем мы наконец? Паутов взял пакет и выжидающе посмотрел на танкиста. Тот как раз беседовал по своему

мобильному телефону. Поймав вопросительный взгляд Паутова, он поспешно закивал головой.

Да-да! Все, мол, в порядке! Можно ехать.

— Ну, все! Я тебе попозже перезвоню! — торопливо бросил он в трубку, заканчивая разговор.

— Все в порядке, Сергей Кондратьевич! Можно ехать, — секундой позже услышал Паутов предупредительно обращенные к нему слова.

— Ну так, поехали! — небрежно обронил он, направляясь к двери.

Паутов со старшим танкистом вышли из квартиры, сели в лифт и поднялись на последний этаж. Площадка перед лифтом, слава богу, была пуста. Они пешком быстро поднялись еще на один лестничный пролет к запертой железной двери, ведущей на чердак. Сопровождающий Паутова достал из кармана ключ и открыл ее. Дверь бесшумно распахнулась.

Паутов мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Сколько усилий ему стоило ключ от этой двери достать и добиться потом, чтобы петли регулярно смазывали! То «забыли», то «не так поняли»!.. Как знал, что когда-нибудь пригодится! Вот и пригодилось. Правильно говорят: готовь сани зимой, а телегу... или наоборот? Ладно, впрочем, не до поговорок сейчас. И не до самовосхвалений.

— Ты знаешь хоть, куда идти? — поинтересовался Паутов, оглядываясь по сторонам, когда дверь за ними захлопнулась. Освещение на чердаке было довольно скудное.

— Да, конечно, Сергей Кондратьевич! — бодро ответил танкист, уверенно направляясь куда-то вправо.

Паутов хмыкнул и двинулся следом.

«Да, конечно!»! А сколько!.. Ладно, ладно! Знает, и слава богу. Чего-то я дергаюсь. Нервничаю, наверное.

В соседнем подъезде все тоже прошло на удивление гладко. Ни на лестничной площадке, ни в лифте им никто так и не

встретился. Паутов вздохнул с облегчением. Хоть он и был уверен, что в нынешнем своем обличье, в образе Деда Мороза его никто никогда не узнает, но тем не менее... На фиг они нужны, все эти встречи! Когда никого нет, оно лучше. Спокойнее.

Они уже подходили к выходу. Сопровождающий Паутова взялся было за ручку двери, когда Паутов его окликнул.

— Подожди! Давай я один пойду. Тебя в лицо знать могут. Скажи просто, какая машина. А сам возвращайся назад через чердак и из моего подъезда выходи. Чтобы не получилось: вошел в один подъезд, а вышел из другого.

— Хорошо, Сергей Кондратьевич, — тут же с готовностью согласился танкист, с уважением глядя на Паутова. — Как скажете. Белая «Пежо». Прямо у подъезда стоит.

(«Как скажете»! — мрачно выругался про себя Паутов. — Кто из нас профессионал?! Это ты меня учить должен, как себя вести! Да-а, начало отличное!.. Посмотрим, что дальше будет. «Да мы!.. Да 7-ое управление!..» Полотеры хреновы! Чувствую, окажусь я щас!... В пеЖО — ПЕжо — пеЖО!..)

Танкист быстро пробубнил по рации что-то неразборчивое.

— Все, Сергей Кондратьевич! Можете идти. Садитесь на заднее сиденье.

Паутов, ничего не отвечая, молча потянул на себя массивную входную дверь. Скромная белая иномарка с сильно тонированными стеклами действительно стояла у самого подъезда.

(Слава тебе, Господи! — с удовлетворением подумал Паутов. — Хоть в окно по дороге можно будет спокойно посмотреть. Не боясь, что тебя узнают.)

Как только Паутов опустился на заднее сиденье, машина сразу же тронулась.

— Ну, что там? — поинтересовался Паутов минут через пять, когда отъехали они уже достаточно далеко, и водитель успел пару раз пообщаться с кем-то по рации.

— Все нормально, Сергей Кондратьевич! — водитель коротко глянул на Паутова через зеркало. — Никто за нами не пошел.

— Хорошо. Мне надо... — Паутов назвал место.

— Сейчас, Сергей Кондратьевич. Мы еще тут по дворам покрутимся минут десять на всякий случай...

Паутов рассеянно кивнул и стал задумчиво смотреть в окно, снова и снова прокручивая в голове все детали предстоящего шоу.

Да-а!.. Что сейчас начнется!.. Во воплей-то будет! Криков и истерик. Сколько, интересно, времени этим болванам потребуется, чтобы осознать происходящее? Прежде чем они за мной всерьез охотиться начнут. Хотя, может, и не начнут... Да нет, начнут, начнут! Они же решат сейчас наверняка, что я вообще соскочил. Сдернул! С концами. Лавандоса намыл и сдернул. В жаркие страны. Каждый же по себе судит. Как бы он сам моем месте поступил, — Паутов презрительно усмехнулся. — Тем более, что дочь у меня только что похитили... — продолжал размышлять он. — Испугался, что теперь моя очередь!.. Вот и соскочил...

Однако, господа, вас ждет сюрприз! Меня испугать трудно, — губы Паутова раздвинулись в злобещей ухмылке. — Это вам всем впору пугаться! Это вы все скоро соскочите и сдернете! С концами и навсегда. В никуда и без следа.

Какой сюрприз?.. Терпение, господа, терпение! Когда я начну показывать, то и вы вместе со всеми прочими непременно все увидите. Увидите-увидите!.. Не переживайте! Не прозеваете!..

Может, дома все-таки лучше было остаться? — заколебался вдруг Паутов. — Что вот он, мол, я!.. Никуда не делся и не убежал...

Опасно!.. Слишком опасно... Очень уж стремно! Слишком многое сейчас поставлено на карту. Арестуют еще сдуру раньше времени!.. Пока я еще до конца довести все не успел. Нервы у них просто не выдержат... Зачем же так рисковать!?

Да и к тому же эта ситуация... Они же знают наверняка уже про все. И про... Сашеньку, и про Женю. Ну, или узнают вот-

вот. Решат еще, чего доброго, что у меня вообще на этой почве колпак слетел! Башню сорвало конкретно от всех этих потрясений. Тогда вообще неизвестно, что предпримут!.. С перепугу.

Нет, короче! Все правильно я делаю. Аб-со-лют-но. Хуй они меня за неделю найдут! А через неделю все будет кончено.

Э-э!.. Да мы уже приехали!

— Вот здесь останови! — обратился он к водителю. — Да-да, прямо здесь... Так, теперь иди погуляй минут пятнадцать, мне пописать кое-что надо. Я тебя позову.

— Хорошо, Сергей Кондратьевич, — водитель выключил зажигание и послушно полез из машины.

— Слушай, у тебя книжки нет какой-нибудь? — окликнул его Паутов. — Ну, или чего-нибудь жесткое, на чем писать можно? (Блядь! Не догадался захватить!)

— Нет, Сергей Кондратьевич, у меня только вот это, — водитель достал из бардачка какое-то дешенькое чтиво, маленькую яркую книжонку в мягкой обложечке.

— Нет, это не годится, — с сожалением покачал головой Паутов, коря себя за беспечность. Вот уж действительно, всего не предусмотреть! — Иди, поспрашивай там у своих бойцов, найдите мне срочно что-нибудь. Дощечку, может, какую-нибудь... Ну, не знаю, короче, найдите что-нибудь! — совсем уже раздраженно закончил он.

— Хорошо, Сергей Кондратьевич, сейчас поищем, — водитель торопливо вылез из машины и быстро пошел куда-то назад.

— Вот, пожалуйста, — через минуту вернулся он, протягивая Паутову книгу обычного формата в жестком переплете. — Нормально?

— Ладно, сойдет! — повертел в руках книгу Паутов, скептически ее разглядывал. (Ни хуя не нормально! Как на ней писать? Но больше все равно ничего не найдут...) — Иди погуляй теперь. Я позову.

— Просто дверь тогда чуть приоткройте, Сергей Кондратьевич. И я сразу подойду.

— Хорошо! — нетерпеливо кивнул Паутов. (Иди давай! Не засти! Мне работать надо!)

Проводив взглядом водителя, Паутов глубоко вздохнул, достал из пачки чистый лист и ручку и приготовился писать.

Так, с чего начнем?.. Как с чего!? В хронологическом порядке нужно писать. Чтобы не запутаться. Вот с самого начала и начнем!.. С самого первого Обращения.

Он подумал немного, покусал ручку и принялся быстро составлять текст первого Обращения. Первого документа из задуманной им серии. Писал он четко, ясно, разборчиво и практически без помарок. Сразу набело.

«Уважаемые вкладчики! Дорогие россияне!

Довожу до Вашего сведения, что такого-то число я был приглашен на расширенное заседание Правительства РФ для обсуждения, как мне было сказано, „ситуации вокруг моей фирмы“. Хотя совершенно непонятно что же это „вокруг моей фирмы“ за такая особая „ситуация“ и какое, собственно, вообще отношение имеют власти к делам частной фирмы, которая строго соблюдает российское законодательство, официально зарегистрирована, платит все налоги и пр. и пр.

Тем не менее, власти почему-то сочли крайне необходимым эту „ситуацию“ срочно со мной „обсудить“. И даже созвали специально для этого расширенное заседание. Вероятно, других дел у них просто нет. В стране все прекрасно.

Впрочем, все это, так называемое, обсуждение было очень коротким и свелось фактически к тому, что мне было в ультимативной форме предложено в кратчайшие сроки свернуть деятельность моей фирмы и полностью прекратить все операции с подписями (как покупку, так и продажу), под тем предлогом, что все это, дескать, „финансовая пирамида“.

Уважаемые господа министры! Уважаемый г-н премьер!

Какая, собственно, разница, что „это“ такое и как именно „это“ называть, если „это“ реально помогает людям выжить в нынешней тяжелой экономической ситуации?! В той самой, в которой страна оказалась во многом благодаря именно вам. Вашей полной и абсолютной никчемности и некомпетентности.

Вам не нравится, что люди покупают мои подписи? Вы не знаете, как с этим бороться? Могу подсказать. Бороться с этим очень легко.

Обеспечьте людям нормальный, достойный их, уровень жизни — только и всего! И им незачем будет искать для себя источники дополнительного дохода.

Просто, не правда ли? Тем более, что именно для этого-то вы ведь и существуете. А иначе — зачем вы вообще тогда нужны? А?

Но если уж вы ничего не в состоянии сделать для народа сами, то хотя бы не мешайте мне. Не путайтесь под ногами!

С ува..., впрочем, какое там „уважение“! Хватит и наилучших пожеланий. Сергей Паутов».

Так... Паутов быстро пробежал глазами написанное. Черт! Несколько сумбурно получилось. Вяловато. Чеканность формулировок отсутствует. Отточенность! Да и концовка... — Паутов чуть поморщился. — Грубовато... Дурной тон... Ладно, и так сойдет. Не переписывать же! Обойдемся без красотостей. Эффект будет, а это главное. Взовьются сейчас, как ошпаренные! Ничего-ничего, господа! Скушаете. Обед только начинается. Это у нас было первое блюдо. Поехали дальше. Чего у нас там на второе-то?.. А, ну да!..

Паутов совсем уж было приготовился писать следующее свое Обращение, но в последний момент остановился.

Чего это я? С ума сошел? Найдут у него еще!.. Поймут, что я заранее все спланировал. Плевать, конечно, но зачем все это надо? Зачем себе лишние проблемы создавать? Лишние проблемы нам не нужны!.. Зачем нам лишние проблемы... Обращение мы написать всегда успеем... Минутное дело!.. Так что на этом пока и остановимся... На одном обращении... Хватит пока. Пусть это пока переваривают... А с остальными подождем! Всему свое время... — невнятно бормоча все это себе под нос, Паутов сложил четверо лист с только что написанным текстом и запечатал его в конверт.

Потом, чуть подумав, написал на конверте крупными печатными буквами слово «ОБРАЩЕНИЕ» и вложил его в другой, побольше, сунув туда же коротенькую записку:

«Алексей!

Конверт „ОБРАЩЕНИЕ“ пока не вскрывай. Я позвоню и скажу, что с ним делать.

Подпись».

Заклеил и большой конверт, после чего слегка приоткрыл заднюю дверь. Водитель-танкист появился почти мгновенно. Буквально сразу же.

— В общем, так! — Паутов протянул ему конверт. — Этот конверт срочно отвезите Гутову. Немедленно! Он не в курсе, так что скажите ему, что от меня.

Далее, сейчас вы отсюда уезжайте, я не хочу, чтобы кто-нибудь видел, с кем я встречаюсь. Когда надо будет, я вас по телефону вызову. А сейчас — чтобы никто за мной не смотрел, и чтобы вообще никого вокруг здесь не было! Все ясно?

— Но как же, Сергей Кондратьевич?.. — замялся танкист. — Вообще Вас одного оставить? А если хулиганы какие-нибудь? Может, нам хоть издали посмотреть?..

— Я, кажется, ясно сказал? — в голосе Паутова появился металл. — Ни-ко-го! Что тут непонятного?

— Да не можем мы уехать! — полушутливо взмолился танкист. — Нас начальник охраны потом за это убьет!

— Если вы сейчас же не уедете — вся смена будет уволена! — с холодным бешенством прошипел Паутов. — Я что тут с вами, шутки шучу!?

— Понял, Сергей Кондратьевич! — перепуганный танкист не пытался больше возражать.

— И не вздумайте со мной в игры играть! — многообещающе предостерег Паутов, вылезая из машины. — Если хотите у меня работать. Мне самодеятельность не нужна. Здесь вам не сельский клуб и не балаган! «Как лучше» мне не надо. Мне надо, как я приказываю!

Проводив взглядом отъезжающую «Пежо», Паутов демонстративно стал осматривать улицу. Еще несколько машин тут же тронулись с места и быстро уехали.

Ну, что? Все?.. Будем надеяться, что все. Впрочем, даже если и не все. Невелика беда. Разберемся. Плотно работать за мной они теперь не решатся, а на расстоянии я от них тут уйду. Влегкую! Несмотря на весь их хваленый суперпрофессионализм.

Паутов не зря выбрал именно это место. Здесь, в этом районе он вырос, жил до восемнадцати лет и прекрасно знал все окрестности. Все ходы и выходы. Еще мальчишкой все облазил.

Минут через двадцать, изрядно поплутав предварительно по проходным дворам, подворотням, аркам, закоулкам и прочим хитрым местам, Паутов подходил к нужному ему дому.

Хоть бы кто-нибудь дома оказался! — думал он, заходя в подъезд. — А то... Впрочем, можно в случае чего попробовать еще и к Гусару сходить... Какой у Кота этаж-то? Седьмой?.. Нет, шестой. Ну да, точно. Шестой. Крайняя правая дверь. Ну-с...

— Привет, Кот! — с огромным облегчением произнес Паутов, увидев в дверях своего школьного приятеля Витьку Котова.

— Простите?.. — Витька, крупный, средних лет мужчина, в старых трениках, с уже слегка наметившимся брюшком, с удивлением смотрел на него, явно не узнавая.

Дьявольщина! — запоздало сообразил Паутов. — Парик надо было снять! И бороду с усами.

— Да это я, Паутов! — с досадой сказал он. — Я, я! — видя недоверчивый взгляд Котова, чуть смущенно повторил Паутов. — Не узнаешь, что ли? Просто я в парике этом мудацком.

— Ты, что ль, Пат?.. — наконец-то расплылся в неуверенной улыбке Витька.

— Да я, я! — кисло улыбнулся в ответ Паутов. — Может,пустишь меня все-таки? Или так и будем в дверях стоять?

— Проходи, конечно! — посторонился Витька. — Какими судьбами?! — едва захлопнув дверь, тут же с жадным любопытством уставился он на Паутова, как на какого-то диковинного зверя. — И что за маскарад?

(«По улице слона водили»!.. — с легким раздражением подумал Паутов. — Ну, естественно!.. Я же теперь мегазвезда. Живая легенда. Он и сам, небось, мой вкладчик. Да наверняка!)

— Слушай, Кот, давай пройдем в комнату, я тебе все объясню! — все с той же вымученной улыбкой предложил Паутов. — Ты один? — уже идя вслед за Витькой, поинтересовался он.

— Да, — полуобернулся на ходу Витька. — Садись! — указал он рукой на стул, сам устраиваясь на соседнем и разглядывая Паутова все с тем же острым любопытством.

— Кот, у меня к тебе чисто деловое предложение! — решил не тянуть резину и сразу же взять быка за рога Паутов. — У меня тут кое-какие события намечаются, и мне надо на недельку-другую на дно залечь. Так вот, я бы у тебя хотел это

время пожить. О тебе никто не знает, так что это идеальный вариант. Только вот что! — чуть повысил он голос, видя, что Витька собирается что-то сказать. — Мне надо одному здесь находиться, в твоей квартире. А ты это время поживи где-нибудь. Перекантуйся. У приятелей или, там, в гостинице...

За каждый день проживания у тебя в квартире я тебе буду платить 10 тысяч долларов. Плюс дам тебе еще 10 тысяч на дополнительные расходы. На гостиницу тебе,.. продукты мне на неделю купить,.. ну, и прочее.

Ну, чего, согласен?.. — Паутов вопросительно посмотрел на своего школьного приятеля.

— Ну, хорошо, — после паузы с достоинством ответил тот. Витька пытался говорить спокойно, но глаза у него горели и голос предательски дрожал. — Чего ж не помочь старому другу!..

— Ну, и прекрасно! — невольно усмехнулся Паутов.

(Да уж!.. — с какой-то странной горечью одновременно вздохнул он про себя. — За десять штук в день чего ж не помочь! До чего же все это скучно! Насколько люди предсказуемы, когда речь о деньгах заходит. Особенно о больших. Все такие сразу милые и ласковые становятся! И доброжелательные...)

— Ты женат, кстати? — вскользь поинтересовался Паутов, роясь в своем пакете и доставая деньги.

— Не-а! — помотал головой Витька. — Развелся год назад.

(Миллион первый раз!.. — мысленно хмыкнул Паутов. — Даже миллион второй! Миллион первый было, когда он вообще дома оказался. Ну-ну!.. Моя беспроегрышная серия, я вижу, продолжается? Значит, по крайней мере, я пока все правильно делаю?.. Ладно!)

— Так ты, значит, один тут живешь? — на всякий случай уточнил все же он. — В этой квартире?

— Ну да... — подтвердил Витька, на отрывая взгляда от затаянутого в целлофан кирпича в руках Паутова.

— Ножниц нет?.. — поднял на него глаза Паутов, окончательно убедившись, что руками разорвать целлофан не удастся. — Ну, или ножа?..

Пока Витька искал ножницы, Паутов мельком огляделся.

Ну, а чего? Нормально! Квартира как квартира. Жить можно. Стола, жалко, письменного нет. Ну, да ладно. Писать и на кухне можно, в крайнем случае. Не суть важно!

— У-у,.. спасибо, — поблагодарил он Витьку, беря ножницы. — В общем, вот тебе за неделю вперед, — протянул он своему бывшему приятелю семь пачек по 10 тысяч, — и вот еще одна на дополнительные расходы, — добавил он еще одну пачку. — У тебя мобильный телефон есть?

— Нет, — рассеянно ответил Витька, держа в руках деньги и заворожено на них глядя.

— Значит, купи себе сегодня же! — настойчиво сказал Паутов. — Как купишь — сразу мне перезвони. Сюда, на квартиру. Или нет, не сразу!.. — задумался он. А то схватишь тут трубку!.. Нарвешься на кого-нибудь! «А вы кто такой?.. А что вы здесь делаете?..» — А ровно, скажем, в шесть часов. Да, в шесть! Я сниму трубку, но говорить ничего не буду. Ты просто назови номер своего мобильного. И жди, пока я повешу трубку. Пока я сам повешу. Сам не вешай! Если видишь, что я не вешаю долго — еще раз номер повтори. Может, я не расслышал или, там, не понял чего... Ты меня слушаешь? — окликнул он Витьку, видя, что тот все никак не может оторвать глаз от долларов.

— Да-да, я все понял! — очнулся тот. — Покупаю мобилу и звоню тебе сюда, сообщаю номер.

— Просто сообщаем — и все. Я ничего говорить не буду, — терпеливо повторил Паутов. — Потом ждешь, пока я повешу трубку. Если не вешаю — еще раз повторяешь. Все ясно?

— Ясно,.. — Витька окончательно встряхнулся и посмотрел Паутову прямо в глаза. — Все ясно.

— (А ты, случайно, не мой вкладчик? — чуть было неизвестно зачем не ляпнул Паутов, но вовремя удержался. Лишние разговоры!..) Сейчас сходи, купи мне в супермаркете продукты на неделю, — вслух сказал он. — Морепродукты, мясо, яйца... Сам сообразишь там. Да, кефир обязательно купи! — спохватился Паутов. — Без кефира жизнь не та... Пакетов пять. Нет, шесть! Или даже семь. Да нет, впрочем, пяти хватит. Куда там! Пять литров! Пять, в общем. Кофе-чай, естественно. Ну, и все. Остальное, там, сам посмотришь. Ладно, иди, а то мне работать надо! — шутливо поторопил он Витьку. — Время — деньги! — Паутов еле заметно улыбнулся и указал глазами на пачки долларов, которые приятель его так и держал в руках, не решаясь, видимо, с ними даже на секунду расстаться. Тот с готовностью улыбнулся в ответ. — Слушай, Кот, а где ты жить-то собираешься? — уже в дверях не удержался от вопроса Паутов.

— Да-а, у родителей проживу!.. — беспечно махнул рукой Витька. — Не проблема.

— Только обо мне ни слова! — внимательно посмотрел на приятеля Паутов.

— Разумеется, разумеется! — энергично закивал тот. — Все понятно. О чем разговор!

— Да, и телефон мне теперь оставь родителей, — попросил Паутов. — А то, мало ли... Чтобы непоняток не возникло. Кто, мол, я и что здесь у тебя на квартире делаю? С участковым каким-нибудь или с соседями. Ну, всякое бывает.

— Да давай, конечно! — охотно согласился Витька. — У тебя листок есть?

Витька ушел. Паутов взглянул на часы. Полчаса всего прошло. Рано еще звонить. А хотя... чего им тут ехать-то...

Он взял мобильник и набрал номер управляющего.

— Да, это я. Тебе еще письмо от меня не привозили?.. А, привезли только что?!.. Ну, ты вскрой маленький конверт и почитай пока. А я тебе минут через десять перезвоню. Давай!

Паутов набрал номер начальника охраны.

— Привет! Ты на месте? Хорошо. Никуда не уходи пока. Я тебе перезвоню в течение получаса... Ну да, в кабинете находишься. У тебя все под рукой?.. Ну, ты понимаешь... Поблизости?.. В пяти минутах?.. Хорошо... Нет-нет, я тебе перезвоню! Пока ничего не надо. Все! Жди... Что?.. Жди моего звонка.

«Где Вы, Сергей Кондратьевич?»! В пизде! Где же мне еще быть! Так, ну, ладно. Прочитал он там уже? Сколько времени то прошло?.. Семь минут?.. Ну, и хватит с него. Чего там читать! Чукча не писатель, чукча... читатель... Ага!

— Алло! Ну чего, прочитал?.. И как впечатление?.. Сильное?.. Это хорошо. Значит, срочно напечатайте и немедленно вывешивайте на стенде! Плюс по пунктам разошлите и в толпу раздайте. Ну, как обычно. Далее... Что-о!?!.. Почему?.. «Боишься»?.. А ты-то чего боишься? Ты же всего лишь исполнитель! Ты-то здесь причем!?!.. А-а, даже так!?!.. Поня-ятно... Ладно. Хорошо. Это твое окончательное решение?.. Ясно. Ты сейчас на месте? Не уходи никуда, я тебе минут через десять перезвоню... Давай.

Паутов опять набрал номер начальника охраны.

— Да, это опять я. В общем, так. У меня там возникли проблемы с первым. Покажи там ему... Да-да!.. И жди потом моего звонка у него в кабинете... Вместе с ним, естественно... Нет, никуда его не выпускай, пусть в кабинете сидит, пока я не позвоню... Когда?.. Минут через десять... А сколько тебе время надо, чтобы подвезти?.. Пять минут?.. Ну, значит через пятнадцать. Все, давай!

Паутов отключился, бросил на стол мобильник и подошел к окну, пытаясь успокоиться. Уголки губ у него подергивались.

Да нет, Алексей Константинович, этот номер больше не прокатит! Хватит с меня того случая с банком!.. Я, знаете ли, об-

ладаю счастливой способностью делать выводы из своих собственных ошибок... Да-с.

Ну, какая сволочь!.. А? «Боится он»!.. Воровать ты, тварь, не боишься?! «Вы-то там, а я-то здесь!»! Ишь ты, как заговорил! Запищал. Как загнанная в угол крыса. Бросился на своего хозяина!

«Кругом предательство, трусость и обман». Это в своих дневниках еще Николай II писал, накануне отречения. Бессмертные слова! Урок всем правителям. Цена всей этой придворной сволочи и камарильи в трудную минуту.

Только я вам, господа, не Николай II!.. И я не отрекись, и не отступлюсь. И не дрогну! О, нет!.. Будь я на месте Николая II!.. О-о!.. Никакой революции бы и духу не было!! Я бы ее в собственной крови утопил! Распял!! Четвертовал! На Дворцовой площади!.. У Кремля, на лобном месте! Из пулеметов покосил! Из пушек расстрелял бы прямой наводкой!!

Весь этот пьяный сброд!.. Всю эту взбунтовавшуюся солдатню! Разожравшуюся в тылу и не желающую отправляться на фронт толпу дезертиров!..

И всех этих Рузских и компанию заодно! Изменивших присяге подлецов-генералов. Предавших своего законного государя.

А Шульгина с Гучковым на дверях императорского вагона бы повесил! Как Гитлер Канариса. В назидание всем остальным государственным преступникам! Трусам и канальям!! Предварительно заставив съесть привезенное ими отречение.

Я вам покажу «отречение»!.. Я тебе покажу «не буду»! Еще как будешь!! «Боюсь!»!.. Ты, приятель, не того боишься!.. Думаешь, если банку тогда с рук сошло, то и тебе сойдет?.. Э, не-ет!.. Тогда была одна ситуация, а сейчас другая... Совсе-ем другая!.. Я был тогда другой, вот что главное! Тогда у меня еще дочь была. И Женя...

«Будь ты проклят!.. проклят!.. проклят!» ... «Папа, я боюсь!» — «Не бойся, доченька, я тебя скоро заберу отсюда!.. Обещаю!» ... «Других нарожаю!»...» — снова зазвучало у него в ушах.

Паутову захотелось завить. Он пытался за суетой, за текучкой, за делами скрыться, спрятаться, обмануть себя, убежать от всех своих ужасных мыслей и воспоминаний, но они упорно возвращались и возвращались, снова и снова. Возвращались и возвращались!.. Скрыться, спрятаться от них было невозможно.

Я сам убил ее!!.. Сам, сам, сам!.. Свою собственную дочь. И ради чего?! Чего!!??.. Ради... Ради... Ради — чего? Ради власти?.. Денег?.. Ради чего!!?? Ради какого-то абстрактного «достоинства»?.. «Чести»?..

«Не тот я стану!»!.. «Потеряю себя!»!.. Да я и так себя потерял!! И так стал теперь «не тот»!! Как в какой-то кошмарной сказке причитается-рассказывается: «налево пойдешь,.. направо...». А что налево, что направо — конец один. Все равно что-нибудь, да «потеряешь». Неизбежно! Либо честь, либо душу. Превратишься либо в ничтожество, либо в дракона. Станешь чудовищем! Демоном!! Я выбрал честь. И потерял душу. Превратился в демона.

Но я отомщу!.. Отомщу!! О-ох, как же я отомщу!.. Всем!! И правым, и виноватым!

Мне теперь терять нечего, и ничего мне теперь не жаль! Ни в настоящем, ни в будущем. Ничего и никого. В целом свете. Ни себя, ни других. Ничего я больше не боюсь и ни перед чем не остановлюсь! Дьявол все правильно рассчитал. «Путь в бездну»?.. Что ж, в бездну, так в бездну! Меня теперь никакой бездной не испугаешь!

Так что, Алексей Константинович, не нужно со мной шутки шутить!.. Не советую. Плохо это может кончиться. Вот ей-богу! И для вас лично, и для всего вашего драгоценного семейства. У вас же, кажется, дети есть?.. Ну, вот!.. А мне теперь крови хочется! Крови!!! Смерти!! Ярость свою утолить! Хоть на ком-нибудь ее сорвать!! Виноватых найти!!!!

Так что не вовремя вы капризничать и привередничать затеяли... Ох, как не вовремя!.. Некстати. Право слово, некстати!..

Не тот моментик выбрали. Я ведь теперь миндальничать и це-ремониться не буду!..

Звонить уж, кстати, пора этому слизняку. Поговорили уже там, наверное, с ним. Объяснили, что к чему. Ну да, посмотрим сейчас! Как ему кино понравилось.

Примерно месяц назад по приказу Паутова во всех комна-тах с деньгами были тайно установлены скрытые камеры. Знали об этом на фирме только три человека: сам Паутов, начальник охраны и его первый зам. Специалистов по установке пригласи-ли со стороны.

Так что теперь на руках у Паутова был компромат практически на всех. От управляющего до последней операционистки. Все воровали! поголовно. Искушения не избежал никто. Ни один человек.

Вероятно, честных людей нет вообще! — не раз цинично думал Паутов, валяясь на кровати и, вставив в видеомагнито-фон очередную кассету, с брезгливым любопытством наблюдая, как красивая молоденькая секретарша, воровато озираясь, сует пачки долларов куда-то себе под юбку; как кадровик, солидный, пожилой человек, бывший полковник, суетливо рассовывает пачки по карманам; как... В общем, словно в старом анекдоте. «Я не продаюсь!» — «А Вас когда-нибудь покупали?» «Анекдо-те», блядь... Тут вся жизнь — сплошной анекдот!

У Паутова после всех этих просмотров всегда оставался на душе какой-то гнусный и тяжелый осадок. Какое-то жутковатое ощущение. Как будто он живет среди оборотней.

Вот, вроде, умный, красивый, веселый человек!.. А заходит в волшебную комнату — и превращается вдруг в гиену со слюня-вой и оскаленной пастью. Или в жабу... А выходит — и опять...

Бр-р!.. Нельзя на такие вещи смотреть! Заглядывать за по-крывало Изида. Даже богам нельзя! А что уж тогда о простых смертных говорить!..

Хочешь разлюбить женщину? Подсмотри за ней, как она свои естественные надобности отправляет. Когда думает, что ее никто не видит. Это еще Овидий две тысячи лет тому назад советовал, в «Лекарстве от любви». Хочешь разочароваться в людях? Подсмотри за ними, как они твои деньги воруют. Когда думают, что их никто не видит. Тьфу, мерзость!..

Мерзость, не мерзость, но компромат у Паутова теперь на всех был. И на управляющего в том числе. И сейчас пришло наконец время этим компроматом воспользоваться.

Зря я, что ль, в помоях этих купался!? В блевотине этой.. — с мрачной иронией думал Паутов, набирая номер управляющего. — Как в общественном туалете за вами за всеми подглядывал. За всей этой вашей грязью. До сих пор вспоминать противно! «Боишься»? Прекрасно! Сегодня же передаю все материалы в органы, и пусть они с тобой разбираются! Устраивает тебя такой вариант?.. Ну, значит, делай, что говорят!

— Алло! Ну, так что?.. Понятно. В общем, вывешивайте, как я сказал. Немедленно! И Петру Леонидовичу сейчас это обращение покажи. Он будет тебя контролировать. Все! Звонить мне больше не надо. Я сам с тобой буду связываться. Передай трубку Петру Леонидовичу... Да! Ну, чего, как он там все это воспринял?.. Нормально? Ну, и хорошо. Вот что еще! Я ему Обращение прислал, оно у него сейчас на руках, его надо на стенде вывесить, вкладчикам раздать и на пункты отправить. Причем, как можно быстрее. Проследи-ка там лично, чтобы все нормально было! Мало ли!.. В свете всех этих событий... А я тебе перезвоню вечером. Да даже через час еще раз перезвоню. Ну, все. Давай!

Закончив разговор, Паутов на всякий случай сразу же отключил телефон. Перестраخуемся лучше! Береженого, как говорится, бог бережет. Н-да-с!.. А небереженого, как тоже всем известно... конвой... стережет... Черт! Пожалуй, вот еще что сделать стоит!

Паутов опять включил телефон и набрал номер начальника охраны.

— Да!.. Зотика, пожалуйста... Это опять я. Кто это там у тебя?.. А!.. Вот что. Поставьте-ка за управляющим наружку на всякий пожарный. И за его домом и семьей. И скажи ему об этом. Прямо сейчас. Чтобы без глупостей. А то решит еще, что он самый умный, и сбежать попытается. На хуй мне все эти проблемы! Тем более сейчас, в такой момент. Ну, все! Ладно. Действуй!

Так!.. ну, все, вроде?.. Ничего, я, кажется, не забыл?.. — Паутов нажал очередной раз «Power», подождал, пока телефон погаснет, и аккуратно положил его на стол. — Да, все... — решил наконец он. — Теперь остается только ждать. По телевизору, наверное, уже сегодня объявят. Да наверняка! А вечером можно уже и первой реакции ждать. Официальных лиц. Хотя сегодня вряд ли... У них же скоро только сказка сказывается... Ладно, подождем, короче. До первой звезды. До первой пизды! Которая по ящику вылезет. Интересно, кто это будет?

Паутов услышал, как хлопнула входная дверь и выглянул в коридор. Это вернулся Витька с продуктами. С двумя преогромнейшими пакетами.

— А-а!.. Ну, чего, всего закупил? — приветствовал его Паутов. — В холодильник-то уместится?.. Да ладно, даже если и забыл чего, не страшно! Не умру я здесь за неделю. Подумаешь! Ну, позвоню тебе в крайнем случае. Пойдем, вместе разложим, чтобы я знал, где что.

Через полчаса, разобравшись с продуктами и с трудом выпроводив совершенно счастливого Витьку (тот, по-собачьи преданно глядя на Паутова, предложил было «выпить за встречу», но Паутов категорически отказался. Наотрез! Какое тут «питье»!.. «Не время пить!»), Паутов в раздумьях прошелся по квартире.

Чайку, что ли?.. Или кофейку?.. Да нет, чайку все-таки, пожалуйста... Так! где у него тут заварка-то?.. А, вот!.. Ну-с... А-а! блядь! Меня же танкисты ждут! Надо им отбой дать!.. Заебался я уже бегать туда-сюда с этим телефоном! Включать-выключать!.. А что делать?! Н-да...

— Алло! Это я... Все! Уезжайте все. Меня ждать не надо... У Зотика все выясните. Все, пока!.. Да-да, уезжайте!.. Я же сказал: не надо! Все.

Так, чайник закипел уже! Эт-т хар-рашо... Покрепче, чтоб взбодриться... Хватит?.. Ну, еще немного. На носике... Закрыть, ясное дело, нечем. Блюдечком придется... Ладно, пусть заваривается.

Ну, чего? Можно звонить уже? Час у нас уже прошел?.. Да, в общем-то... можно звонить.

— Алло?.. Ну, что там? Какие новости?.. Читают?.. Сброс начался?..

(ТЬфу ты, блядь! — в сердцах выругался про себя Паутов. — Это неопишимо! Говорил-говорил, а самого главного так и не сказал! Невероятно! Затмение просто какое-то нашло! Чудо! Чу-до!..)

Слушай, Петь, я, как обычно, самое главное-то и забыл сказать! Так вот. Денег тратьте с расчетом одна комната в неделю... Да-да!.. То есть притормаживайте выплаты. И никаких кругло-суточных работ не надо устраивать. Ну, как обычно мы при панике делаем... Не надо. В обычном режиме. Даже можете паузы делать. Короче: комната в неделю! Все! Я сейчас Гутову перезвоню, скажу ему все это. Но и ты имей это все в виду. Контролируй по возможности ситуацию. Если что — сразу же мне звони. Я сейчас в подполье уйду на недельку, на дно лягу, телефон отключу. Так что через пейджер меня ищи. Дашь сообщение: «Позвони, Петр». И я тебе сам перезвоню... Да, просто: «Позвони, Петр»... Без крайней необходимости звонить мне не надо.

Только, если действительно что-то важное... Ну, все, ладно. Не хочу долго разговаривать... А! вот еще что! Танкистам объяви, что меня дома эту неделю не будет. А где буду — их не касается. Отдыхаю. С телками. Расслабляюсь!.. Ну, все, пока. Созвонимся.

Блядь, надо еще этому пидору звонить, Гутову!..

Управляющему звонить не хотелось. Паутову это было теперь чисто по-человечески неприятно. Но деваться было некуда. Гутов ведь формально был в офисе начальником. Не Зотика же назначать!.. Сотрудники задержаются... Да и вообще... не справится он. Какой из него управляющий! Короче, надо было звонить.

Паутов заранее скривился, вздохнул и набрал знакомый номер. Сухо повторил почти слово в слово те же самые инструкции, что он давал минуту назад начальнику охраны, с облегчением отключился и швырнул на стол трубку.

Разговаривать еще с этой дрянью!.. Объяснять ему чего-то!.. Гнать его поганой метлой! Только сначала все деньги отнять! Что он наворовал. Или лучше ментам его потом просто сдать. Пусть сами трясут его как грушу. Они это хорошо умеют. Пообещать им, что все деньги — ихние. Все, что они у него найдут. Вот пусть и стараются. Выбивают. За яйца его подвешивают... Гнида!! Голос его даже теперь слушать тошно. Иудин.

Ну, что там у нас с чаем?.. Заварился?.. Ага!.. Ну-ка... А что? Хороший чай. Не хуже, чем у меня. За сто баксов. Или за тыщу?.. Ну, не важно. Так, ладно. Чем бы пока заняться? До вечера?.. Почитать, может?.. Так... Понятно... «Почитать»!.. Сами это читайте! Эту макулатуру. Что Витек, совсем тут?.. Одичал. Деградировал... Раз до этого бреда докатился. Чего, неужели ни одной приличной книжки нет?.. На всей полке?.. Классики какой-нибудь?.. Да-а!.. Ладно. Так,.. а это что?.. Ка-ссе-еты... Так... Так... Ясно... Понятно... Так... «Суперэротика». Хм!.. Опять... Эротика... супер... О! «Том и Джери»! Посмотрю-ка я! Сто лет не видел.

До глубокой ночи Паутов, не отрываясь, смотрел видеокассеты. Сначала «Том и Джери», потом какую-то комедию, потом вообще все подряд. Периодически щелкая по каналам в поисках новостей. Про него пока молчали. Убедившись, что в данном конкретном блоке опять ничего нет, он тут же снова включал кассету.

Ему надо было себя чем-то обязательно занять. Отвлечься! Забыться. Не думать ни о чем. Не вспоминать. «Папа!..» Не вспоминать!!! Ни в коем случае ничего не вспоминать! Не было этого!! Вычеркнуть все это из памяти! Все равно уже ничего не изменишь и не исправишь. Все равно их уже не вернешь... Стоп!! Стоп! Смотрим суперэротику!

На следующий день сюрпризы начались с самого утра. Вернее, с самого момента пробуждения. Засидевшись накануне, Паутов проснулся довольно поздно, часиков этак в двенадцать, повалялся немного в постели, зевнул пару раз, а потом включил телевизор. Сам не зная толком зачем, чисто автоматически. Просто пульт под руку попался.

Первые же кадры заставили его замереть от неожиданности. Показывали его головной офис. Толпы народа... Огромная, бесконечная очередь, прихотливо извивающаяся по всей площади и уходящая своим концом куда-то под землю, в подземный переход... Возбужденный голос диктора за кадром:

— ... паника! Все избавляются от паутовок. Но сделать это уже практически невозможно. Все пункты по Москве закрыты, работает только главный офис. Да и то очень медленно! Деньги выдают всего только несколько операторов. Складывается впечатление, что руководство умышленно затягивает выплаты. С самим Паутовым связаться нам не удалось. Его телефоны не отвечают, и никто не знает, где он сейчас. По слухам, он сегодня бежал из страны...

Паутов вскочил с постели.

А?.. Еб твою мать!! Я же пейджер где-то забыл! В ванной, наверное, оставил, когда зубы вечером чистил! А отсюда, небось, не слышно, как он там пищит.

Отчаянный писк пейджера Паутов услышал еще в коридоре. Ну, понятно!.. С утра, небось, трезвонят. Икру мечут. Надеюсь... А, ну, точно!.. От одного сообщений десять и от другого примерно столько же. С девяти утра уже шлют... Шлют, понимаешь, и шлют... С самого открытия... Надеюсь, глупостей они там никаких не наделали?..

— Алло!.. Да знаю, знаю!.. Пейджер, блядь, в ванной забыл! Не слышал, как он пищит... Ладно, чего там у вас творится?.. А-а!.. Ну да, я по телевизору видел... Ничего! Как я сказал, так и действуйте! В чем проблема-то?.. Ну, и что?! Что значит «волнуются»? Кто «волнуется» — может уматывать! Скатертью дорога! Никого не держим! Во-от так!.. Спокойнее! Спокойнее. Все идет по плану. Я полностью контролирую ситуацию... Завтра-послезавтра новые инструкции пришлю. Что дальше делать. А пока — работайте, и все.

И закрой там все комнаты с деньгами и опечатай. Кроме одной, рабочей... Да, да! А в этой одной охранников поставь. Чтобы сейчас пока не воровал никто. А то ведь наши сотрудники тоже все играют. Сейчас тоже сдаваться все прибегут. Так вот — хуй! Не тот сейчас момент. Надо фирму родную поддерживать. В трудную минуту... Да шучу я, шучу!.. Никакая она не «трудная»!.. Все нормально. Ты-то уж чего?!.. Ладно, ладно! Все. Перезвоню! Мне еще Гутову звонить надо. Он там уж, бедный, небось, ваще с ума сошел! Решил, что его подставили.

Паутов отключился и набрал номер управляющего. Этого пришлось успокаивать дольше. Он, кажется, вообще чуть не разрыдался от радости, услышав голос Паутова. Похоже, он действительно уже твердо решил для себя, что его подставили, кинули, сделали крайним и бросили на произвол судьбы.

Одного расхлебывать всю эту кашу. На произвол разъяренных вкладчиков и взбешенных выходкой Паутова властей. Которые, оказывается, тоже уже ему звонили и искали Паутова.

— Кто звонил? — спокойно поинтересовался Паутов.

— Референт премьера! — торжественно сообщил управляющий.

— Пошли его в жопу, — равнодушно посоветовал Паутов.

— Что!? О!?!? — икнул совершенно потрясенный управляющий.

— Пошли его в жопу, — так же равнодушно повторил Паутов. — Так прямо и скажи! Сергей Кондратьевич посылает Вас, г-н референт, в жопу! Вместе с вашим премьером, правительством и президентом заодно. А также с Кремлем, мавзолеем и Белым домом. И если вы сами все туда дороги не знаете, то он вам ее укажет! В самое ближайшее время. Да такую прямую и короткую!.. Не заблудитесь.

— Э-э... это уж Вы, Сергей Кондратьевич, лучше сами!.. — неуверенно хихикнул управляющий. — А я человек маленький...

(«Маленький»!.. — с отвращением подумал Паутов. — Букашка. Червячок. Как можно о себе такие вещи говорить?! Ставить себя ниже кого-то!.. Ну и слякоть!)

— Ну ладно, все! Если надо что-то — звони! — почти грубо оборвал он разговор.

Вернувшись в комнату, Паутов снова стал щелкать каналами.

Концерт,.. реклама,.. сериал,.. мудак какой-то унылый в сером костюме и галстуке... Что!?!? Чего это он там гундосит?..

Паутов сделал звук погромче.

— ... я сам был на том заседании и могу со всей ответственностью заявить, что ничего подобного из того, о чем пишет Паутов в своем обращении, там не было.

(Э-э!.. Да это ведь, чего доброго, министр наш какой-то! Если он «сам» на том заседании был. Ну, а кто же еще. И тут

началось, значит... Комментарии пошли. Отлично! Ну, послушаем, послушаем... Давай-давай, говори, говори! Излей душу!)

Никто от г-на Паутова закрытия его фирмы не требовал. Об этом даже речи не шло!

(Во дает!.. А? Врет и не краснеет! Как это «не шло»?! Еще как «шло»! А о чем же там тогда вообще-то речь шла?! Как не об «этом»? Как бы все развалить по-тихому. Почему я вас всех и на хуй послал. С вашими «советами».)

И уж тем более никто никаких ультиматумов ему не выдвигал.

(Да?.. «Не выдвигал»?.. Ну, извините!.. Значит, я вас не так понял!.. Жаль, что все так у нас получилось... неудачно. А теперь уж чего?.. Поздняк!.. Так, значит, моя фирма все-таки хорошая?.. Не пирамида?.. Вы это официально признаете?..)

Да и не мог выдвигать! У нас правовое государство. И власти в дела частной фирмы вмешиваться не будут.

(О-о!.. Что я слышу!.. Интересно все-таки, кто это? И чего это они так трусили? Сразу лапки кверху. Сю-сю-сю!.. Это не есть хорошо. Это меня не устраивает. Впрочем, я думаю, и другие найдутся. Выступающие. Не все же там такие плюшевые. Белые и пушистые.)

— Спасибо, Валерий Борисович! — в кадре появился ведущий. — К сожалению, время нашей передачи истекло, и мы с вами прощаемся, — быстро затараторил он. — До встречи на следующей неделе! До свидания. Всего хорошего.

Твою мать! — выругался Паутов. — Хоть бы сказал, кто это был! «Всего хорошего»!.. Что это за «Валерий Борисович»?.. А-а!.. впрочем, какая разница!.. Ясно, что большой начальник. Власть имущий. А кто именно — не все ли равно?! Хотя, конечно, все же интересно... Ладно, еще не вечер. Еще слушаюсь. И начальников и нена начальников. И больших и маленьких. Всех! Все, небось, сейчас отметятся... Да как пить дать! Навер-

Все шло прекрасно. Великолепно! Просто замечательно! События развивались именно так, как предвидел Паутов. Как он с самого начала и предполагал. Даже лучше!

У пунктов бушевала паника. Многотысячные толпы у центрального офиса, драки в очередях, люди, с перекошенными лицами, лезущие на заграждения и друг на друга... Все эти картины Паутов имел удовольствие ежедневно наблюдать теперь по телевизору. Круглосуточно! С утра до вечера.

«Паутов!... Паутов!... Паутов!... Пирамида рушится!.. Афера века!.. Забирайте деньги!..»

И все это на фоне беспрерывной, непрекращающейся рекламы Паутова, заблаговременно проплаченной им на месяц вперед.

«Покупайте “паутовки”!»... «Хотите виллу в Каннах?!»... «Самое надежное вложение ваших денег!..»... «Богатейте вместе с нами!..» — «Афера!.. Афера!.. Афера!..»

В общем, сумасшедший дом!

В СМИ вообще творилось что-то невообразимое! Практически все телевизионные выпуски новостей начинались и заканчивались «ситуацией вокруг фирмы Паутова». Все первые полосы газет и журналов были, судя по всему, посвящены ей же. Этой самой «ситуации». «Судя по всему», поскольку сам Паутов газет и журналов, естественно, не получал. Но в этом, в общем-то, и необходимости особой не было. Достаточно было, к примеру, ночью «Обзор прессы» по НТВ посмотреть.

Плюс какие-то беспрерывные и бесконечные статьи, интервью, теледебаты, диспуты, круглые столы, мнения, обзоры и пр. и пр. Выступления каких-то непонятных экспертов, специалистов, аналитиков!.. Вообще черт знает кого! Всех, кому не лень.

Ну, еще бы!.. Такой повод тусануться и по ящику — ну, или, там, в газетке-журнальчике, — засветиться! Выступить на тему, которая всем без исключения чрезвычайно интересна. А потому можно быть заранее и твердо уверенным, что и твое высоко-

мудрое мнение будет этими «всеми без исключения» чрезвычайно внимательно выслушано. В кои-то веки, в общем, на тебя внимание обратят и по достоинству оценят! Поймут, наконец, какой же ты, оказывается, вумный.

Слушать, впрочем, было особо нечего. Никакой изощренностью или разнообразием все эти высокоумные мнения отнюдь не отличались. Собственно, фактически их и было-то всего только два. Остальное — разного рода вариации и перепевки.

«У Паутова началась паника. Либо он ее выдержит („Ну-у, не зна-аю!.. Посмотрите, что делается у пунктов!..“), либо нет. Тогда все рухнет. Пирамида рухнет! („Ну, естественно!.. а чего ж вы хотели!.. геометрическая прогрессия!.. нет реального производства!.. голландская афера с тюльпанами... во Франции триста лет назад такое было... и в Англии... не говоря уж об Америке!.. в 20-м веке... схема Понти...“) Миллионы вкладчиков („обычные, простые люди!.. рядовые россияне,.. рабочие, пенсионеры, бабушки и дедушки!..“) потеряют все свои деньги („кровно заработанные!.. тяжелым, непосильным трудом!.. на полях, заводах, шахтах!.. накопленные на старость,.. на похороны!..“ и пр., и пр.). И, к сожалению („Ах, какая жалость!.. какая трагедия!..“), именно такое развитие событий сейчас и наиболее вероятно. Увы! Взгляните только на эти бесконечные очереди, на эти многотысячные толпы (камера с высоты птичьего полета показывает площадь перед центральным офисом. До самого горизонта — люди, люди, люди!..). Но мы в свое время предупредали!.. Предостерегали!.. А нас не слушали!..»

И т. д. и т. п.

Паутов смотрел и только диву давался. Они все что, идиоты!? Все эти эксперты-специалисты! Грамотные же, вроде,

люди? Образованные. В университетах учились. В кембриджах-сорбоннах!.. Доктора наук! Неужели же никто не видит совершенно очевидного решения?! Элементарного выхода? Да вот же он!.. Прямо у вас под носом! На поверхности лежит.

Да-а-а-а!.. Доктора, блядь... Доценты с кандидатами. Ладно, впрочем. Тьфу на них!

Все эти «доктора» Паутова особо не интересовали. Обычные болтуны!.. Звуковой фон. Чего с них взять!.. Язык-то без костей, вот и!.. Мели, Емеля!

Гораздо больше его интересовала реакция официальных лиц. Министров,.. чиновников,.. силовиков... Вот кого хорошо бы послушать! Точнее, даже не послушать, а услышать. Просто хотя бы услышать! Что они там скажут — неважно! Главное, чтобы они выступили. Отметились. Хоть что-то сказали! А уж что именно!.. Да какая разница! В конце-то концов!.. Хвалить-то уж точно не будут! А это главное. Пусть лучше ругают. И чем больше, тем лучше.

Ругайте-ругайте меня, господа! Давайте!.. Что вы, в самом деле!.. Пирамида же рухнет!..

(F2 — F4. Жертва пешки. Блесна имитирует раненую рыбу. Легкую добычу.)

И власти клюнули. Да и как можно было не клюнуть! Ненавистный Паутов сам плыл им в руки. Официальные заявления полились потоком. Сначала это был лишь тоненький ручеек, неуверенный, робкий и слабый; но с каждым буквально днем, с каждым часом все разраставшийся и разраставшийся, набравший силу, пока наконец ручеек не превратился в широкую, полноводную реку. В Волгу!.. В Енисей! Все выступили. Вплоть до премьера и президента. А некоторые — так по несколько раз.

(Щука взяла наживку в зубы. Теперь надо подождать пару минут, пока она ее окончательно не заглотит. Пару-тройку дней. И делать подсечку. Резко дергать!!)

Эта пара дней далась Паутову с огромным трудом. Видишь, что поплавок уже утонул, хочешь немедленно тянуть!.. — а надо ждать. Ждать... Ждать... Минута... Другая... Ну что, пора?!..

На третий день Паутов решил наконец, что пора. Противостояние достигло апогея. Дальше тянуть становилось уже просто опасно. Его активно искали все спецслужбы страны. Танкисты докладывали, что весь район вокруг его дома и офиса оцеплен. Наружка везде! Всех ведомств. На каждом шагу. Плюс пешие филеры. Плюс еще последнее время какие-то непонятные фургоны с антеннами появились. Судя по всему с какой-то спецтехникой. Пеленгаторы какие-нибудь наверняка. Чтоб они сдохли!! А что еще?

К сожалению, возможности их Паутов представлял себе весьма слабо. Танкисты тоже ничего толком не знали. Техника же каждый день совершенствуется. На месте не стоит. Что они могут? А вдруг, прямо с точностью до квартиры его можно вычислить!? Что тогда?.. Да чего там квартиры!.. Подъезда достаточно. Даже дома. Да даже, блядь, нескольких домов! Хотя бы примерно. Перероют все!.. Перевернут вверх дном!.. Пошлют участковых по всем квартирам — и пиздец! Это им раз плюнуть. Если тут такие силы задействованы.

Конечно, он старался поменьше по мобильному разговаривать, не более двух минут, но достаточно ли этого? Звонить-то все равно каждый день приходится! В тот же офис, к примеру. Управляющему тому же, начальнику охраны. Никуда от этого не денешься. Иначе вообще все разбегутся. Там и так все в шоке от происходящего. Полный мандраж у всех.

Да и с танкистами время от времени общаться обязательно надо. Чтобы хоть в курсе происходящего быть. Что вокруг делается, знать. Оперативной информацией владеть.

Короче, засветка идет постоянно. Не сегодня-завтра его найдут. Это как белый день уже ясно. Все! Время истекает. Пора действовать. Ходить.

(Кр: Е1 — F1. Потеря рокировки. Теперь ни пешки, ни рокировки. Все за инициативу!! Подсечка! Шука бьется на крючке. Вот как бы только не выяснилось вдруг, что это крокодил... Ладно!)

Паутов еще немного поразмышлял, взвесил все «за» и «против» и решительно взял ручку. На душе у него было легко и весело. Как будто он не судьбу свою готовился сейчас очередной раз испытывать и на кон ставить, а на праздник какой собрался. На бал-маскарад.

Ага!.. Маскарад!.. В усах и бороде. В костюме Деда Мороза. Снегурочки вот только не хватает. И мешка с подарками. Впрочем, подарки сейчас будут. Ну-с!.. Приступим. Наконец-то! Долго же я ждал!.. Как сказал тот гигантский рот из рассказа Шекли. Собираясь проглотить Вселенную.

Так, с чего начнем? А с чего!.. С начала. С чего же еще? «Дорогие вкладчики!..»

Паутов пожевал губами, задумчиво посмотрел на лежащий перед ним девственно чистый белый лист и начал писать.

«Дор...». А, черт! Какие еще «дорогие»!

«Уважаемые вкладчики!

Все Вы видите, что творится сейчас у наших пунктов и у центрального офиса. Километровые очереди, многотысячные толпы. Кризис! Паника!

Все это — следствие совершенно безответственных, заведомо преступных действий властей, ее, эту панику, умышленно спровоцировавших. Специально для того, чтобы уничтожить мою фирму. Поскольку никакие другие методы не помогают.

Ну, а как иначе можно расценивать то, что происходит сейчас в СМИ?! В газетах, на телеэкранах? Чего еще можно было ждать, если практически все без исключения представители власти, все высшие чиновники, включая премьера и президента, все официально заявили, что моя фирма — это афера, пи-

рамида и пр. и пр. А сам я — мошенник и преступник. И все это — без всякого суда, следствия и вообще какого бы то ни было разбирательства! Совместимо ли все это с понятием правового государства, я вас спрашиваю?!

Уважаемый г-н Президент! Уважаемый г-н премьер!

Сообщите сегодня публично, что, скажем, Сбербанк — это афера, и посмотрите, что завтра от него останется! Или, может быть, Сбербанк — это тоже не более, чем пирамида? Как и все остальные наши российские структуры и институты: финансовые, промышленные, правовые... как и все наше несчастное государство в целом.

ВАШЕ государство, г-н Президент и г-н премьер! Одна огромная, покрытая пылью, колоссальная, исполинская пирамида, на песке построенная. На человеческих костях! На жизнях и судьбах миллионов и миллионов ее граждан! Гигантская чудовищная гробница всех наших стремлений, упований и надежд. Веры! Надежд хоть на что-то лучшее, светлое, прогрессивное. Хоть на какие-то подвижки, просветы, изменения в будущем. Да-да, пусть даже в будущем!..

Увы! У пирамид нет будущего. Они никогда не меняются. Прогресс им чужд. Время над ними не властно. Это символ вечности. Холодной и безжизненной. Застоя. Затхлости. Праха и тлена. Мертвечины. Они и через тысячу лет будут стоять все такие же, поражая воображение потомков своей бессмысленной монументальностью. Бережно и ревниво храня в своих бездонных недрах давно истлевшие останки давно умерших идей. Давно умерших вождей. Мумии!

На пирамиды можно любоваться издали, но жить в них!.. Бр-р!.. В них можно только ездить на экскурсии.

И вы, господа, еще называете мою фирму пирамидой?.. О, нет, господа, это-то как раз не пирамида!.. Наоборот! Это нечто,

абсолютно ей чуждое! Это единственный росток жизни, чудом пробившийся сквозь ее сплошные каменные плиты. Ее полный антагонизм. Могильщик! Разрушитель. Враг! Безжалостный и беспощадный. Потому-то он и вызывает у вас такую бешеную ненависть. Такое неистовое желание уничтожить, стереть в порошок, истолочь в ступе! Мертвый чует живого.

Уважаемые вкладчики!

Паника губительна для любой финансовой структуры, самой успешной, благополучной и процветающей. Если завтра все вкладчики заберут одновременно все свои деньги из банка, банк рухнет. Все это настолько очевидно, что даже комментариев никаких дополнительных не требует. Непонятно это только нашим государственным младенцам, которые, похоже, вообще живут в другой реальности и другом измерении. В наглухо замурованном от внешнего мира саркофаге. Ну да, не о них сейчас речь!

Мы-то с вами здравомыслящие люди и прекрасно отдаем себе отчет в происходящем. А ситуация на сегодняшний день такова.

Власти, повторяю, умышленно и преднамеренно спровоцировали панику, и в настоящий момент она приобрела уже необратимый характер. Увы, но это так.

Впрочем, ничего особенного страшного тут нет. К подобному развитию событий я был готов с самого начала. Слава богу, прекрасно знаю, с кем имею дело. Не первый год здесь живу! А иначе не стоило бы и вообще все это затевать.

Словом, никакой трагедии и катастрофы не происходит, ситуация находится полностью под контролем, как ее нормализовать, я знаю, и я это сейчас сделаю. Правда, для этого мне придется ввести ряд чрезвычайных и экстраординарных мер. Неприятно, конечно, но ничего не поделаешь. Не я все это затеял и учинил. Все претензии к нашим дорогим властям, которые, впрочем, вы же, мои милые россияне, если мне не изме-

няет память, кажется, ведь и выбирали? Или нет? Что они там вам обещали?.. Золотые горы?.. Вот и получайте!

Итак, с этого момента.

Первое. Цены на подписи опускаются в 150 раз, т. е. до их первоначального значения. С которого полгода назад все и началось.

Второе. Темпы роста цен подписей будут увеличены со 100 до 300% в месяц. Иными словами, цена подписи за месяц будет вырастать теперь не вдвое, а вчетверо (!). Нетрудно посчитать, что своего нынешнего значения при таких темпах новые цены достигнут всего лишь за 3,5 месяца.

Третье. После того, как цены вновь достигнут своей нынешней отметки, т. е. снова вырастут в 150 раз, темпы их роста будут опять снижены до их нормального значения, до 100 % в месяц.

Резюмирую.

Опускаем цены, но зато резко взвинчиваем темпы роста — в 2 раза! до 300% в месяц! — так что своего нынешнего значения они достигнут не за полгода, как это было сейчас, а всего лишь за три с половиной месяца. После чего снова снижаем темпы роста цен до нормальных 100% в месяц.

Что все это означает? Да ничего! Ничего страшного. Означает это только то, что придется немного подождать. Только и всего. Панику я сейчас в два счета погашу, поскольку по новым низким ценам я могу теперь хоть все свои подписи одновременно выкупить, средств у меня для этого хватит; работа опять войдет в свое нормальное русло, и через 3,5 месяца цены снова поднимутся до своего нынешнего значения. Вот и все!

Естественно, поднимутся. А куда они денутся? Я же вам показал уже один раз, как это делается? И если уж я смог это сде-

лать тогда, не имея фактически ни средств, ни опыта, вообще ничего, то теперь-то, когда у меня на руках все козыри!.. Хо-хо! Теперь, когда у меня колоссальные средства, имя, опыт, сеть пунктов по всей стране, обученный персонал!.. Короче, даже и говорить-то об этом смешно! Короче, поднимутся! Никаких проблем. Поднимутся, как миленькие!..

В общем, расклад сейчас такой.

Можно подождать 3,5 месяца и спокойно отбить все свои деньги. Вернуть их без потерь. Ну, точнее, даже, собственно, не «свои деньги», а свои прибыли. Нынешние. Которые вы, вероятно, уже считаете своими, и потому задержка с получением которых вас, по всей видимости, сейчас несколько расстраивает.

Ну, ничего страшного!.. Прибыли эти настолько велики, что можно немного и подождать. Тем более, что даже с учетом этой досадной задержки, конечный процент их окажется все равно настолько высок, что нигде в другом месте в целом свете вы и близко ничего подобного не получите! Разве нет? Ну, выйдет у вас в итоге не 100% в месяц, а «всего лишь» 50. Тоже неплохо! А? Тем более, что ничего ведь не заканчивается. Играйте дальше!

Но можно, впрочем, и не ждать. На самом деле ситуация сейчас максимально благоприятна для новых вложений. Поскольку, по сути, абсолютно безопасна. Все сейчас как бы начинается с нуля! Подписи баснословно дешевые, темпы роста цен сумасшедшие (4 раза в месяц!), денег у меня полным-полно — так что время делать ставки! Ловить за хвост удачу!! Условия сейчас поистине сказочные! Такой момент больше никогда не повторится! Никогда!! Не упустите его! Не упустите свой шанс! Возможно, что это и есть шанс всей вашей жизни! Помните, что через 3,5 месяца темпы роста цен снизятся в 2 раза!

Сейчас, вложив совсем немного денег, вы можете разбогатеть буквально за месяц! Причем легко и просто, практически

без всякого риска! Ясно ведь, что уж за месяц-то с системой уж точно ничего не случится! Разве что атомная война. Или цунами.

Так что, если не хотите ждать 3,5 месяца, просто прикупите сейчас еще немного подписей — и в самые кратчайшие сроки вы не только все вернете, но еще и с прибылью окажетесь! С огромной! Только не медлите! Не теряйте драгоценного времени! Которое здесь, в буквальном смысле этого слова — деньги! Деньги! деньги!! деньги!!!

Да, и вот еще что. В заключение.

Не я, повторяю еще раз, все это затеял, но, вообще-то говоря, подобные встряски для системы даже полезны. Поскольку привлекают новые капиталы и новых вкладчиков. Новую кровь! Колеблющихся. Которые до сих пор все приглядывались да присматривались, кружили вокруг да около, не решаясь никак вступить в игру. Ждали какого-то внешнего толчка. Знака свыше.

А вот теперь наверняка решатся! Знак последовал. Сама судьба их сейчас к этому подталкивает. Сама ситуация. Крайне благоприятная, повторяю, для новых вложений.

Так что нет худа без добра. Если бы этого кризиса не было, его следовало бы устроить.

Успехов!

Число.
Сергей Паутов».

Паутов наскоро перечел свое свежеиспеченное воззвание. Длинно!.. О-ой!.. Длинно!.. Отступления какие-то лирические неизвестно зачем... «Государство»... О-о-ой!.. Да и вообще небрежно как-то написано. Стилистически неряшливо. Началто вроде хорошо, по делу, а потом... Понесло, как обычно. Пизду по кочкам. Тьфу ты!

Ну, и чего?.. Будем переписывать? Или, может, просто по-вычеркивать половину? Всю воду слить...

А с другой стороны — пусть читают. Я же для вкладчиков сейчас, как пророк. Господь Бог! Каждое мое слово — слово Господне. Откровение! На вес золота. Так что пусть читают. Вникают. Трут. Будет, чем время занять. Суть ясна — вот она, три пункта — а дальше уж пусть сами решают! Хотите, все читайте, хотите — только по делу. Как в инструкции по пользованию утюгом. Инструкция на 20-и страницах, а суть в двух строчках. Да даже в одной. Вообще в пяти словах! «Включайте в сеть и гладьте». Гладьте!! Покупайте паутовки!

Ладно, поехали дальше. Время, время, время! Это для вкладчиков деньги, а для меня!..

Паутов почти физически ощущал, как кольцо вокруг него сжимается. Петля затягивается все туже. Ловушка захлопывается.

Надо поторапливаться! Успеть выскочить. Нельзя допустить, чтобы меня здесь поймали. На какой-то непонятной квартире... Прячущегося, скрывающегося... Как зайца. Это нехорошо. Это так раздуют!.. Что я бежать пытался, а меня в последний момент схватили. Именно так все и преподнесут.

Не говоря уже о том, что никакое воззвание могу не успеть передать. Тогда вообще пиздец! Катастрофа! Боже упаси! Тьфу, тьфу, тьфу!

Надо спешить, короче. Спешить, спешить, спешить!

Паутов быстро схватил следующий лист.

«Уважаемые».

Но ему не писалось. Им вдруг овладело какое-то странное беспокойство. Какое-то томительное предчувствие. Страстно захотелось вдруг немедленно покинуть квартиру. Немедленно!! Как можно быстрее! Ему казалось теперь, что земля здесь уже

буквально горит у него под ногами! Вот сейчас раздастся резкий, настойчивый звонок в дверь, потом стук, и...

*И надо б дописать стишок, пока они стучат!
И значит все-таки — мешок!.. И побоку зайчат!..
А в дверь стучат!! ...*

Паутов потряс головой, отгоняя наваждение.

На фиг я здесь сижу! — вдруг сообразил он. — Я что, мудака!? Это же все можно спокойно и в скверике где-нибудь, на скамеечке написать! Не нервничая и никуда не торопясь. А потом уж действовать по плану. Все равно мне здесь больше делать нечего.

Да вообще эту ночь перекантоваться где-нибудь!.. Да какую ночь!.. Сбесился? Уже к вечеру все ясно будет. Часа в четыре. Так что я еще все прекраснейшим образом успею. И рыбку съесть, и... По времени все как раз нормально получается.

В общем, лучше сейчас отсюда уматывать и погулять где-нибудь до вечера. От греха подальше,.. — Паутов уже лихорадочно переодевался. — Да, а как за развитием событий следить!? — замер вдруг он, натягивая джинсы. — А!.. В магазин какой-нибудь зайду, где телевизоры продают!.. — через секунду решил он. — Наверняка там что-нибудь включено. Ну, или в бар. Ну, найду, короче, чего-нибудь! Подумаешь, проблема!..

Паутов критически осмотрел себя в зеркало. Даже повертелся слегка.

Так,.. нормально... Сойдет! Обычный мудака. Человек толпы. Серый и незаметный.

Новые джинсы и футболку он предусмотрительно захватил с собой из дома. Равно как и еще один парик с усами.

Тэк-с... Теперь парик... Сменим окраску. Масть. Н-да... Ну, и видок! Что за усы такие идиотские!.. Бармалей какой-то! «Человек толпы»!.. «Серый и незаметный».

Ладно, не до капризов сейчас. Бежать надо! Бежать!! «Беги, Янычар! Спасайся!» Пока не раздавили. Все я взял?.. Так-так-так!.. Все! Все-все-все!.. Побежали! Побежали-побежали-побежа-али!.. По... Ебанный в рот!! А ботинки!? Ботинки взять забыл! Е-бицкая сила! Ну, и чего?.. В старых?..

Блядь, узнают!.. Вот как пить дать узнают!.. Заметут. Спалюсь я на этих проклятых ботинках!.. Ой, спалюсь!.. Пропаду ни за грош. Вот чуёт мое сердце!.. Цвет у них еще этот!.. желтый... Как сигнал светофора. «Внимание!»

Что это еще тут у нас за Бармалей бежит в желтых паутовских ботинках? Ба-а!.. Да это же сам Сергей Кондра-атьевич!.. Собственной персо-оной !.. Какими судьбами?.. А то ведь мы Вас уже и ждались! Да-с. А знаете, эти усы Вам идут! Подчеркивают Вашу суровую мужественность. Кумира миллионов вкладчиков и вкладчиц. Разрешите фото на память?.. Тьфу!

Так-так-так!.. Чего делать!?!.. Чего де-лать?.. В тапочках, может?.. Блядь, в тапочках! Может, уж вообще босиком?! «Человек толпы»?! В магазин в тапочках приперся. Телевизор посмотреть.

Ну, что за блядство!.. Все наперекосяк! Из-за какой-то хуйни! Из-за этих ебанных ботинок! Весь тщательно продуманный план под угрозой. Все, блядь, рушится!.. Человечество... очередной раз... спасется... И поставит... эти ботинки... в музей... Как плащаницу... Блядь, ну, чего делать!?!? — Паутов в отчаянии переводил глаза с ботинок на тапочки. — А, ладно!.. — наконец махнул он рукой. — Сейчас пойду в ботинках, а тапочки на всякий случай с собой возьму. Я думаю, Кот мне простит. Ну, выкуплю у него в крайнем случае за очередные десять штук. Да... А около дома, может, переобуюсь... Ну, вышел человек из подъезда!.. К машине ходил... А-а!.. Купить же можно!! — озарило вдруг Паутова. — Ну, конечно! Чего я себе голову ломаю?! Мозги ебу. Тут же спортивный рядом! Куплю себе кроссовки какие-нибудь. Или кеды. Буду Бармалей в кедах.

Да-а!.. Нервишки-то у меня!.. тово... сдают!.. — криво усмехнулся Паутов, захлопывая дверь и два раза поворачивая ключ. — Целых полчаса про ботинки соображал. Что новые просто купить можно. Да-а!.. Надо успокоиться. Как я в таком состоянии воззвание-то сейчас писать буду? Мне сейчас, как чекисту, надо холодную голову иметь! И чистые уши. А горячее что там у меня должно быть?.. И твердое? Хе-хе-хе!.. Ну, ладно еще. Раз «хе-хе-хе!». Значит, еще не все потеряно. Пациент скорее жив, чем мертв. Ну-с!.. — он вышел из подъезда и быстро огляделся. — Вроде, все чисто. Может, зря я горячку порю? Сидел бы спокойно,.. писал... За столом, как нормальный человек... Может, вернуться?.. Нет уж, на хуй! — даже испугался он. Сама мысль о возвращении заставила его невольно вздрогнуть. — Лучше уж я в скверике... Да-с... На природе-с... Птички, свежий воздух... Думается, знаете ли, лучше... — Паутов уже почти успокоился. По мере того, как он отходил от витькиного дома, он вообще чувствовал себя все увереннее и увереннее. Бодрее как-то. И веселее. Безмятежнее.

— Все, господа! — злорадно подумал он и неторопливо поглядел по сторонам. — Вот теперь действительно все! Поезд ушел. Теперь вы меня не остановите. Второй сет будет теперь сыгран обязательно. Так или иначе. А там уж посмотрим. Как фишка ляжет. Орел-решка! — Паутов высоко подбросил в воздух монету. — Решка! — настроение у него окончательно улучшилось. — Орел, между прочим, — символ государственности! — от этой неожиданной мысли Паутов чуть не расхохотался. — Хотя, а с другой стороны, и решка ведь иногда решеткой называется... Так, вроде, даже правильнее, — тут же вслед за тем пришло ему в голову. — То-то же! — назидательно погрозил он себе пальцем. — Так что надо постоянно быть начеку. Как орел наш дон Рэба. Не расслабляться!

Тэк-с... Ну, куда же мы все-таки пойдём-та? Где тут у нас ближайший скверик? Или лавочка хотя бы какая-нибудь при-

личная?.. Где можно посидеть со вкусом, как незабвенный Остап — Ибрагим — Сулейман... — как там его дальше-то?.. ну, в общем, сын турецкоподданного — выражался.

Паутов слегка призадумался.

Туда не стоит... Туда тоже нехорошо... Гм... А куда же, блин, тогда? Может, во дворе просто в каком-нибудь?.. Да хоть бы вот здесь! Вон скамейка пустая... народу никого... Ладно, обойдемся без птичек. Раз такое дело...

Минут через десять второе Обращение было готово.

Дай бог, чтоб не понадобилось! — подумал Паутов, запечатывая конверт. — А хотя, черт его знает, что тут лучше! Положимся, как обычно, на волю случая. Как судьба решит. Она у меня баба смышленная. Сама разберется, что к чему. Сделает все, как надо, в лучшем виде! Понадобится — значит, понадобится! Значит, так тому и быть! Если иначе никак нельзя. Да плевать! Зато быстрее! Разрубить уж этот чертов гордиев узел!.. Раз и навсегда. Чтоб под ногами никто не путался. И тогда-а!..

Паутов усилием воли подавил волну накатывающегося безумия.

Не время сейчас! Не вовремя. Рано! Все еще впереди. Все-е еще будет!.. Мы еще споем и станцуем!.. На костях Вселенной!.. Вы у меня еще!.. Я вам!!..

Все!! Спокойнее, спокойнее!.. Успокоиться!! Дышите глубже, вы взволнованы. Во-от так!.. Не расслабляться, дел еще по горло. У меня же сегодня тяжелый день. Великий — переломный! Исторический-эпический... Критический, блядь, одним словом! Тампакса, жаль, нет. А то можно бы во всем белом! В усах и кедах.

Победа можно сказать, уже в кармане. Шевелится. Радостно и нетерпеливо трется там. О твердое и горячее. Как собачка. Сучка! Надо ей только не мешать. И все будет... тогда... хаа-аа-аа-раа!.. -шоо!.. -оо!.. -о-о-о...

В общем, надо сейчас лишь спокойно доиграть партию. Дожать противника. Реализовать свое подавляющее преи-

мущество. И тогда! — «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый росс!»

Главное тут, не зевнуть ничего! Не упустить. Один зевок и все! Пиздец. Сожрут в два счета! Пока ты храбро веселишься.

Может, еще один экземплярчик?.. — засомневался вдруг от всех этих мыслей Паутов, в нерешительности глядя на конверт. — Зотику?.. А то вдруг?!..

Паутов прислушался к своим ощущениям. Он привык за последнее время им доверять почти слепо.

«Нет! — почти явственно услышал он чей-то вкрадчивый и нежный, тихий шепоток. — Не надо!»

Ну, не надо, так не надо! — тут же легко согласился Паутов. Он больше не колебался. — Как скажешь! Тебе видней.

Так... Откуда бы позвонить-то можно?.. — Паутов остановился, озираясь. — Где тут у нас телефон-то ближайший? Да, хуй чего найдешь! К метро придется идти. А, нет!.. У супермаркета же должны быть. Да, точно! Есть там. Я помню.

Минут через пятнадцать Паутов уже набирал витькин номер. Трубку долго не снимали. Паутов забеспокоился.

А вдруг дома нет?.. Как нет!? Я же сказал ему дома эти дни сидеть?! Или не говорил?.. Блядь, не помню уже ни хуя! Столько событий...

— Алло!! Чего трубку не берешь?.. «Сплю»... Хорош спать! Дело есть. Срочное... Да-да!.. Встретиться надо... Немедленно!.. Какой там час, говорю: немедленно!.. Потом выспишься... Ты чего, с Луны свалился, не знаешь, что творится?.. А, ну, понятно!.. Сколько обмывать-то можно?.. Ладно, короче, некогда мне! Потом поговорим. При встрече. Подъезжай давай!.. Нет, не на квартиру. Слушай, вот что. Ты в норме? Информацию в состоянии адекватно воспринимать?.. Ладно, ладно!.. Слушай, короче. Я сейчас буду тебе место описывать, а ты не уточняй

ничего, а просто говори, да — нет. В смысле, понял — не понял. А то слушать могут. Я тебе специально из автомата звоню. Усек?.. Ладно, хорошо. Значит, да — нет!.. Помнишь двор, где мы в крылатки обычно играли?.. Там две беседки: ближняя и дальняя... Так вот, в дальней беседке через полчаса... Твои проблемы!.. Да не шучу я с тобой, какие шутки!! Ты мне нужен позарез. Разговор на пять минут, а потом можешь дальше пить. Все! Давай. Жду через полчаса. Чао!

Паутов повесил трубку. Долго все-таки лучше не болтать. Хоть и из автомата. Алкаш, блядь!.. Обрадовался!.. Дорвался!.. С кем он там пьет, интересно?.. И чего про меня плетет? Наверняка ведь хвастается... Ладно, лучше не грузиться этим всем. Все равно тут ничего не выяснишь и не проверишь. Да и значения все это уже никакого не имеет. Все, проехали!

* * *

Витьку Паутов заметил еще издали. Тот сидел на перилах беседки, поставив ноги на скамейку, и пил пиво.

— Привет! — бросил Паутов, тоже входя в беседку. — Как пиво? Свежее?

Витька некоторое время недоуменно на него смотрел, потом вдруг расхохотался.

— Ты чего? — раздраженно спросил Паутов.

— Ты... на Бармалея... с этими усами... похож! — задыхаясь от смеха, еле выдавил из себя Витька. — Из «Айболита-66». Которого Быков играет. Ну, просто... вылитый!

(Какие мудаки эти усы выпускают!?! — со злобой подумал Паутов. — «Маскировка»!.. Хороша маскировка! Может, это был магазин для клоунов? А я просто внимания не обратил?)

— Ну что, отсмеялся? — холодно поинтересовался он у Витьки через несколько секунд. — А то я вообще-то спешу.

— Ладно, извини, извини,.. — Витька с трудом успокоился, перестал смеяться и вытер слезы тыльной стороной ладони. — Но ты прямо как Зорро какой-то, в натуре. Или Фантомас. Все время в новом обличи.

— Слушай, у меня и правда времени нет, — пристально глядя на Витьку, негромко заметил Паутов. Он вовсе не расположен был шутить. — Может, закончим все же с развлекательной частью программы?..

— Хорошо, хорошо, извини!.. — сразу посерьезнел Витька и торопливо отвел глаза. — Извини! — после паузы чуть смущенно снова добавил он.

Паутов немного помолчал и продолжил:

— Вот что, Кот. Ты в своем запое все проспал, а тут очень серьезные события вокруг моей фирмы происходят. В прессе вообще пиздец, что творится!

Поэтому-то я у тебя и скрывался все это время. Так вот, я завтра-послезавтра домой, скорее всего, возвращаюсь...

Деньги здесь ни при чем! Деньги можешь все себе оставить! — успокаивающе поднял он руку, заметив движение Витьки. — Вот тебе, кстати, еще десять тысяч за сегодняшнее поручение.

Витька несколько растерянно взял деньги и как-то суетливо, торопясь, запихнул их себе в карман. Паутов почувствовал вдруг легкую брезгливость.

Как на видео в волшебной комнате! — невольно пришло ему в голову. — Один в один. Очень характерное движение. И узнаваемое. Сколько раз я его уже видел!.. Стыдится человек, понимает, что что-то не то делает — за что тут десять тысяч брать, да еще со старого приятеля,.. тем более, что и получил уже столько!.. — а все-таки берет... Без вопросов. Жадность сильнее! Э-хе-хе,.. грехи наши тяжкие!..

Эх, Кот, Кот!.. Значит, и ты из того же теста?.. Из тех же ворот, что и весь народ?.. Возьми тебя завтра на работу, — тоже

ведь будешь воровать!.. Вместе со всеми прочими. Буду и на тебя каждый день по видео любоваться...

— Так вот, меня могут принять, — вслух продолжил Паутов. — Ну, арестовать, в смысле...

Витька широко раскрыл глаза. Паутов горько усмехнулся.

Мы с ним вообще, как из разных миров, непересекающихся между собой, — тоскливо подумал он. — Водка,.. бабы... — вот и все его проблемы. Мне бы так!.. Впрочем, у него детей не крали. Неплохой, в сущности, человек... Даже не поймет ничего, когда я смерч вселенский на эту грешную землю обрушу. Погружу ее в огненный хаос. Демонов на нее выпущу и драконов. Ангелов, блядь, с огненными мечами! С ядерными. «И вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя „смерть“; и ад следовал за ним».

— Я тебе сейчас отдам конверт, — Паутов протянул Витьке конверт. — Спрячь! спрячь!.. Убери! — слегка прикрикнул он на своего приятеля, видя, что тот вертит конверт в руках, рассматривая его со всех сторон. — Чего там смотреть! Конверт как конверт. Дома посмотришь. Ну, так вот. Конверт этот очень важный. Никому, естественно, про него не говори. Если будут спрашивать, тоже говори: ничего не знаю и не ведаю! — Паутов сделал многозначительную паузу и выразительно взглянул на Витьку. Тот торопливо кивнул. — Отдашь его или мне лично, или тому человеку, который скажет тебе пароль. Ну, предположим... — Паутов на секунду задумался. — Ну, предположим: «Роза».

— «Роза»? — удивленно переспросил Витька. Он, кажется, ожидал чего-то, совсем другого.

— Нет, не «Роза»! — неожиданно вдруг для самого себя каким-то чужим голосом произнес Паутов.

Он ощутил знакомый холодок в груди. Приступ!! «Не сейчас!.. — взмолился Паутов. — Только не сейчас!!..»

Дракон медленно, медленно свился в одно огромное, переливающееся всеми цветами радуги, ослепительное кольцо и на-

пряженно замер. По его бесконечному, блестящему, чешуйчатому, отвратительно-прекрасному телу время от времени пробегали короткие судороги. Демон с ледяной улыбкой нехотя отступил назад и опять застыл в безмолвном ожидании.

— Не «Роза»,.. — Паутов передохнул немного, откашлялся, отдышался и с усилием сказал. — «Саша». Пароль будет: «Саша».

* * *

Витька давно уже ушел, а Паутов все сидел и сидел в беседке, бессмысленно уставясь в одну точку и не в силах заставить себя сдвинуться с места. Дел сегодня было еще невпроворот, некогда было расслаживаться, каждая минута была на счету, а им овладело какое-то странное оцепенение, какая-то тупая апатия и безразличие.

Как будто произнесся сейчас вслух имя дочери, он нарушил некое страшное табу. Окончательно признал, что она мертва. Вычеркнул ее из списка живых, из книги живота. Похоронил последнюю надежду. Вторично ее предал. Отказался от нее еще раз. Слишком легко!.. Так же легко, как и тогда!..

Все эти и другие, им подобные, мысли, беспорядочно теснились в голове у Паутова, и он никак не мог с ними разобраться. Справиться,.. совладать!.. Умом он и сам понимал их полную глупость, беспомощность и какую-то детскую наивность, но сердце почему-то упрямо повторяло совсем другое. «Пре-дал!.. Пре-дал!.. Пре-дал!..» — безжалостно выстукивало оно.

Любовь не нуждается в логике! Любят вопреки всему. Даже очевидному. Любят — и все! До конца. И до конца надеются и верят. А он?!..

В том, что он сделал имя дочери паролем, была какая-то чудовищная, невыразимая фальшь. Истинные чувства всегда глубоко интимны. Их не выставляют напоказ, на всеобщее обозрение. Не дают всем подряд лапаты и хватать руками.

Паутов вдруг представил себе, как он станет со значительным видом сообщать пароль какому-нибудь начальнику охраны, и тот будет сочувственно смотреть на него и, скорбно улыбаясь, понимающе кивать головой.

Во что я превращаюсь? — с ужасом подумал Паутов. — В монстра? А может, я им и был с самого начала? Именно поэтому-то меня и выбрали?.. «Гробы повапленные» — это про меня. «Снаружи они кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

Он чувствовал себя совершенно разбитым. Энергия, которая еще каких-то полчаса назад буквально бурлила а нем, переполняла, была ключом, вся вдруг куда-то бесследно исчезла, улетучилась. Как газ из случайно проколотого воздушного шарика.

Что это со мной? — Паутов вяло усмехнулся и медленным, заторможенным движением полез в пакет за телефоном. Из автомата бы лучше! — на секунду заколебался было он, но тут же обреченно махнул рукой. — А-а!.. Авось, пронесет!.. Авось, живы будем, авось — помрем. Какой там, в пизду, «автомат»! Тут и звонить-то сил нет... Да что это со мной!.. — попытался встряхнуться он, включая телефон и набирая номер. — Эй, эй!.. Просыпайся! Не спи! Нашел время спать! Чего это меня так ломает? Как с похмелья. Или это процесс превращения в демона так болезненно происходит? Реабилитационный период. Адаптация. Мо-ожет быть... Очень может бы-ыть...

— Алло!.. Да, я!.. Помнишь то место, где вы меня в последний раз оставили? Да — нет?.. Вот там через... — Паутов взглянул на часы, — через 17 минут. Ровно в без двадцати. Все. Жду. Повнимательней, естественно. Не мне вас учить... Ну, все. Не опаздывайте. Стой, стой!.. Машина чтобы была та же, что и тогда. Чтобы я ее узнать мог... Ладно, хорошо. В без двадцати... Ну, все. Пока.

Паутов привычно отключил телефон и бросил его в пакет. Посидел еще немного, потом не торопясь встал и не спеша двинулся на встречу.

А,.. блядь! Нехорошо, чтобы они меня в этом моем новом прикиде увидели!.. — сообразил вдруг он. — Это мне ни к чему. Это, пожалуй, лишнее.

Он снова достал телефон.

— Алло!..это опять я... Вот что! Я не сам подойду,кто-нибудь от меня подойдет... Ну,неважно кто! Скажет просто: «Я от Сергея» — и все. И передаст конверт. Этот конверт надо немедленно отвезти Готову. Немедленно! Как можно быстрее!.. Как там обстановка-то?.. Все по-прежнему?.. Еще больше стало? Куда уж больше-то?! В подъезде, что ль?.. Понятно. Ладно, пес с ними. Пусть работают. Их проблемы. У них свои игры, у нас свои. Все, давай.

В подъезде чисто... — подумал Паутов. Он чувствовал себя уже значительно бодрее. Его минутная слабость, похоже, миновала. — Это хорошо... Сразу, что ль, Готову позвонить? И Зотику уж заодно?

— Алло!.. Да, я. Тебе сейчас мое новое Обращение привезут. Немедленно вывешивайте... Ну, как обычно... Да-да, и на пункты, и в толпу... Ну, в общем, я сказал — как обычно. Где-то через час, я думаю. Я тебе еще перезвоню. Все, пока.

Так-с... У Зотика-то какой телефон?.. Из головы вылетело.

— Алло! Привет... Я сейчас Готову звонил, ему через час мое новое Обращение привезут. Проконтролируй там на всякий случай, чтобы все нормально было... Да, вывешивать надо сразу. Ну, копии всякие и прочее... Ну да, как обычно... Ага... Ладно, хорошо. Я еще перезвоню, через час. Может, чего непонятно будет. Но вообще имей в виду... Ну, все... Пока!

* * *

Ровно в без двадцати Паутов был на месте. «Пежо» он заметил сразу. Паутов завернул за угол, подождал немного и обратился к первому же проходившему подростку.

— Слушай, можно тебя на секундочку!.. Тут вот на улице за углом «Пежо» белая стоит. Отдай им конверт, а я тебе за это двести баксов дам... Лады?.. Значит, скажешь от Сергея... Отдашь — и все. Номер «Пежо» на всякий случай такой-то. Ну, она там одна, не перепутаешь. Прямо у обочины, на правой стороне... Вот тебе конверт — обычное письмо, сам пощупай! — и вот сто баксов. Еще сто отдам, когда отнесешь. Я тебя здесь ждать буду... Ага... Ну, давай. Жду!

Паутов подождал, пока парнишка завернет за угол, и быстро, чуть ли не бегом, бросился в противоположную сторону.

Извини, брат, но ждать я тебя не могу. Ты наверняка хвост за собой притащишь. Из моих же орлов. Так что не обессудь!.. Денег мне, конечно, не жалко, я бы тебе и штуку с удовольствием отстегнул, но, увы!.. Такова се ля ви. Черт, надо было ему пообещать, что и в машине ему сотку дадут!.. Чтобы уж наверняка!.. Да ладно, и так не сбежит! Отнесет. Никуда не денется.

Паутов завернул за угол и пошел медленнее. Подождал немного, пока ни восстановится дыхание, и набрал номер дежурной смены.

— Да!.. Ну, чего?.. Все нормально?.. Хорошо. Ладно, все тогда. Я просто на всякий случай звоню... Срочно Готову теперь везите... Поаккуратнее там... Ну, все.

Сла-ава Богу!.. — с облегчением выдохнул он. — Получили!.. Во меня сейчас, наверное, пацан этот костерит!.. Такой облом!.. Ладно, переживет. И сотка нормально. Более чем. За минуту работы не бей лежачего. Конверт пойти передать.

Ну что, куда теперь?.. За ботинками? В смысле, за кроссовками, — Паутов с сомнением посмотрел на свои ботинки. — А может?.. Ладно, ладно, проходили уже! Надо идти.

Как и большинство мужчин, он терпеть не мог магазинов. Но делать было нечего.

Через час Паутов в новых белых кроссовках снова звонил в офис управляющему.

— Алло!.. Ну, что, привезли?.. Все ясно?.. Хорошо. Приступайте... Да-да-да, вот что! Я там цены забыл будущие указать. Сами посчитайте... Да, из расчета 300% в месяц... Ну, чтоб четверо за месяц росли... Да, на две недели, как обычно... Чего там сложного-то!?! Арифметику что ль, не знаете?! Так тогда чем-нибудь другим, наверное, стоит заняться! Улицы, к примеру, идти подметать... Ладно, все! Сколько вам времени надо?.. Часа два?.. А чего это так много?.. У-у... Ну, ладно. Два, так два. Перезвоню еще. Если что, сам звони... Ну да, через пейджер, как обычно. Все, давай!

Т-твою мать!.. Еще одна забота! Сейчас они там насчитают, я чувствую!.. Господи, я окружен идиотами! — Паутов со страдальческим выражением лица медленно покрутил головой. — Так, Зотику теперь... — он нашел в записной телефонной книжке номер начальника охраны. — Черт! Все время забываю!

— Алло!.. А, знаешь уже!.. Хорошо. Ну, в общем, все, как я и говорил... Он сказал, что часа через два все вывесят... Да, да... Ну, не знаю... Сказал, что через два... Да ладно, не важно! Два, так два. Не принципиально. Главное, чтобы все нормально было. В смысле, сделали бы все путем, как надо. Не перепутали бы ничего. А то, блядь!.. Были уже прецеденты!.. Да-да, вот именно!.. «Не так понял!».. Надо «так» понимать!.. Ладно-ладно, шучу я. Все, давай. Не хочу долго болтать. Перезвоню позже. Я на пейджере, если что... Давай!

Ну-с!.. — Паутов выключил телефон и с чувством выполненного долга бросил его в пакет. — Всем, вроде, отзвонил... Чем мы теперь займемся?.. Надо как-то эти два часа убить. «Убить»!.. Насладиться! Может, это вообще последние спокойные два часа на ближайшие!.. Ладно, не будем каркать. Раньше времени. «Последние»!.. Почему обязательно последние?! Вовсе

даже и не последние!.. Да нет уж!.. Спокойные — последние. Сейчас такая карусель завертится!.. Только держись!.. Держись!..

Настроение все-таки какое-то гнусное... С паролем с этим!.. И черт меня за язык дернул! И зачем, главное?! Зачем!?..

Мало мне того, что я же ее сам... фактически... Так теперь еще и имя ее в своих целях использую! Ситуацию эту. Для поддержания боевого духа соратников!..

О-оо-ой!.. — Паутов глубоко, прерывисто вздохнул и неожиданно почувствовал, что у него сдавило горло и предательски защипало глаза. — Л-ладно, что сделано, то сделано...

Прости меня, Сашенька, дурака несчастного. Прости! Ты же... оттуда... видишь все... И понимаешь... Как мне... тяжело... сейчас... Знаешь, что я... Не обижайся на меня, ладно, девочка моя? На меня нельзя обижаться! Ты меня дождись там, хорошо?.. Я скоро к тебе приду. Уже скоро. Как и обещал. Я не брошу тебя там одну. Не бойся! И мы снова будем вместе. Навсегда.

* * *

С этого момента у Паутова исчезли все страхи и сомнения. Он ни о чем больше не думал, ничего не боялся и совершенно точно знал, что делать.

Демоны его окончательно вырвались на волю. По сути, он вообще перестал быть человеком. Теперь это был просто максимально эффективный разумный механизм для достижения поставленной цели.

Цель же — уничтожение. Терминация! Всех!! Все эти цезари, наполеоны, александры македонские — все они пытались завоевать мир. Покорить его. А зачем? Кому он нужен! Этот мир? Эта гниющая куча человеческих отбросов. Убийц и насильников. Похитителей детей. Атомный апокалипсис! Семь ангелов, выливающих семь чаш гнева Божия на землю. «И увидел я но-

вое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет». Asta la vista, baby!

При этом собственная судьба, собственная безопасность его почти не волновали. Только чисто абстрактно. По чисто практическим соображениям. Лишь постольку, поскольку его смерть помешала бы выполнению задачи. Сверхзадачи! Только и всего. Но если бы, к примеру, напротив, помогла, то он пожертвовал бы собой, не задумываясь. Просто шагнул бы в пропасть, в пламя, в ад, в геенну огненную, в серное озеро — куда угодно! Не задумываясь и не колеблясь. Ни секунды! Тем лучше!.. Чем быстрее все кончится — тем лучше!

* * *

Через два с половиной часа (за два все-таки не успели, раздолбай!) Паутов, смешавшись с толпой посетителей, стоял в фирменном салоне у включенного телевизора и с холодным любопытством наблюдал за тем, что делается у его центрального офиса.

— ... Это невероятно!.. — захлебывалась от волнения и переполнявших ее эмоций возбужденная донельзя корреспондентка. — Пять минут назад было опубликовано совершенно беспримерное по своему цинизму новое обращение г-на Паутова к своим вкладчикам! — корреспондентка потрясла перед камерой воздетой вверх рукой с зажатым в ней листком — судя по всему, ксерокопией паутовского обращения. — Мало того, что г-н Паутов нагло обманул всех, разом обесценил свои пресловутые паутовки и фактически украл, таким образом, у вкладчиков все их деньги — он еще и издевается над ними! Какие они все дураки! «Вот и получайте!» — пишет он в своем обращении.

И это он говорит людям, которые поверили ему, его лживым обещаниям, купили его ничего не стоящие бумажки! Потратили свои последние, кровные, тяжким и непосильным трудом заработанные деньги!

«Вы мне поверили?.. — пишет он. — Вот и получайте!» Невероятные наглость и цинизм!!

Но самое удивительное — это реакция самих вкладчиков! Все эти многотысячные толпы, которые вы сейчас видите, которые все эти дни штурмовали офисы Паутова в единственном желании: продать паутовки! избавиться от них! — все они теперь снова их покупают! Да-да! Вы не слышали! Это немыслимо!! Все эти бесконечные очереди, которые еще минуту назад стояли на продажу, все они теперь выстроились на покупку! Уму непостижимо!!

Как можно верить человеку, который вас только что обманул!? Сколько же раз надо нас обманывать, чтобы мы сделали наконец для себя хоть какие-то выводы!? Десять?.. двадцать?.. сто?!

Сейчас я попытаюсь взять интервью и задать все эти вопросы людям, стоящим в очереди...

Паутов повернулся и пошел к выходу. Все ясно. Дальше можно не смотреть. Дальше уже лирика.

Он отошел немного от входа и набрал по мобильнику номер управляющего.

— Да, алло!.. Ну что?.. Все покупают?.. Я-ясно... Да я уже видел по телевизору. А в толпе что говорят?.. Молятся на меня?.. Понятненько... Ну, хорошо. Пусть молятся. Позвоню еще попозже. Все. Отбой.

Паутов отключился и в сомнении повертел телефон. Зотику, что ль, позвонить?.. А чего звонить? Ясно все. Хотя...

— Да... Угу... Да я знаю уже! Я Гутову только что звонил, минуту назад... Спасибо. Повнимательнее все-таки там! Не расслабляйся... Ладно, все. Танкистам скажи, что я домой дня через два вернусь. Чтоб готовы были... Ну, так!.. На всякий случай... «Как пионеры»!.. Ладно, все. Давай! «Пионеры»!..

Паутов посмотрел на часы.

Так, сколько у нас времени-то?.. Отлично! Все успеваю. Иду строго по графику. Оч-чень хорошо!.. Так, теперь что? А, ну да. Рекламщику надо позвонить.

— Алло! Привет!.. Ты где сейчас?.. Я чего спрашиваю. У тебя телефоны все под рукой? Газет, там, всяких? Прессы, в общем?.. Ага! Хорошо. А то я официальное заявление возможно, в ближайшее время сделаю. Так что ты находишься на месте. Ну, в смысле, на телефоне... Да, да! Телевидение, там... Ну, все агентства... Ладно, в общем. Позвоню тебе, если что... Нет, не обязательно. Я еще окончательно не решил. Но очень возможно... Да... Ну, все. Пока.

Паутов отключил телефон.

«Я еще окончательно не решил!»! — невесело усмехнулся он. — Хм!.. Я-то как раз все решил для себя окончательно. Посмотрим теперь, чем противник ответит. Что **он** решит. Впрочем, по хую. Жребий брошен. Пусть делают, что хотят. И так хорошо, и так тоже неплохо. Оба варианта ведут к форсированному выигрышу. Что жесткий, что мягкий. Жесткий даже предпочтительнее. Короче.

Паутов постоял еще немного, подумал и быстро двинулся в сторону автобусной остановки. Теперь предстояло самое сложное. Надо было незаметно вернуться домой. К себе на квартиру. С учетом того, что дом был со всех сторон обложен, задача эта была совсем даже не простая. Впрочем, Паутов надеялся успешно с ней справиться. У него были на этот счет кое-какие мыслишки...

Да и к тому же, даже если и заметят! Вряд ли так уж сразу набросятся. Там же наружка обычная стоит, а не группа захвата. Ну, доложат просто своему начальству, что он на квартиру вернулся, только и всего. А дальше уж не их забота! Дальше уж пусть начальство решает. Что и как.

Да и хуй они меня заметят! — Паутов резко отшвырнул ногой валявшуюся на дороге газету с его портретом на первой

странице. — Разве что случайно. Если только уж совсем не повезет. Но это уж не моя епархия! Везение. Это уж тут высшие силы пусть сами между собой разбираются! Кому из нас повезти должно. Мне или властям? Миром, как известно, правит случай. А вот кто правит случаем? Ну, да сейчас посмотрим! Ставлю на красное!!

* * *

Минут через сорок Паутов подходил уже к своему дому. Шел он спокойно, не торопясь, ни от кого не скрываясь и не прячась, не озираясь и вообще почти не оглядываясь по сторонам. Шел себе и шел, как обычный пешеход. Обычный рядовой прохожий.

Но даже и он, при своей вынужденной ненаблюдательности да еще и близорукости впридачу (очки он по вполне понятным соображениям снял), не мог не заметить, что вокруг дома происходит нечто необычное. Машинами с сидящими в них людьми все кругом заставлено,.. около подъездов какие-то непонятные типы со скучающим видом прогуливаются... В общем, все именно так, как танкисты и говорили.

Н-да... Здорово они меня обложили. Прямо со всех сторон. Как волка. Флажков только не хватает. «Обложили меня, обложили! Гонят весело на номера!» Ага! «Гонят» пока... Последние минуты им остались... Гонщики, блядь, загонщики!.. Так, все нормально... Хорош-шо!.. Ну что, гон, похоже, заканчивается, господа охотники? Добыча ускользает. Выход близок... Точнее, вход... Главное теперь, не суетиться!.. Как там, кстати, дальше в песенке-то поется?.. «Тот, которому я предназначен, улыбнулся и поднял ружье»? Ну-ну!.. Давай-давай!.. Поднимай-поднимай!.. Улыбайся!.. Смотри только, не промахнись. Асунта. Потому что второго шанса у тебя не будет. У всех у вас! Сволочи!!

Паутов вошел в нужный ему подъезд. Через два от своего.

Все, кажись! «Остались ни с чем егеря!» Судьба опять сегодня за меня играет. Ну, и славно!.. Впрочем, повнимательнее пока что! Я еще не дома.

Паутов поднялся в лифте на последний этаж, потом пешком прошел к двери на чердак. Отпер ее своим ключом (танкисты о его существовании не знали) и оказался на чердаке.

Так... Куда тут?.. Черт, не видно ни черта!.. Как у негра!.. А, вот... Двери бы только не перепутать... А то выйдешь еще не в тот подъезд!.. Надо будет обязательно сразу номера квартир посмотреть. Во избежание... А, дьявол!.. Кирпичей каких-то на дороге накидали!.. Ноги тут себе все переломаешь!.. Так!.. Первая дверь... Тьфу!.. Блядь!.. Пылищи-то!.. Ага, вот и вторая. Значит, следующая моя... Да, вот она... Ну да, она... Хотя хуй ее знает! Все они одинаковые.

Паутов подошел к двери и прислушался. Тихо вроде... Он медленно, стараясь не шуметь, повернул ключ... Осторожно выглянул...

Никого! Фу-у-у!.. Замечательно!

Паутов бесшумно прикрыл за собой дверь и быстро пошел вниз. Лифт он вызывать не стал. Чего там! Три этажа. Пешком скорее.

У дверей его квартиры сидели, как обычно, два охранника. Паутов, не говоря ни слова, содрал у них на глазах свои дурацкие усы и парик (охранники вытаращили глаза) и позвонил в дверь.

— Как тут?.. Все в порядке? — как ни в чем не бывало спросил он, ожидая, пока дверь откроют.

— Д-да, Сергей Кондратьевич, — ошеломленные охранники вскочили со стульев и неуверенно топтались на месте, явно не зная, как вести себя дальше.

— Хорошо, — небрежно обронил Паутов и прошел в квартиру.

— Привет! Кофе мне поставь, — приказал он тоже совершенно растерянному «домовому» — третьему охраннику,

постоянно находящемуся в квартире и открывшему ему сейчас дверь. — И дверь закрой на все замки и не открывай пока никому без моего разрешения.

— Хорошо, Сергей Кондратьевич! — домовый поспешно кивнул и суетливо побежал на кухню заваривать кофе.

Паутов между тем разулся, снял свои непривычные новые кроссовки, одел старые, милые тапочки и, с наслаждением вдыхая запах родной квартиры, прошел к себе в комнату.

Home! Sweet home! Наконец-то я дома! Все эти чужие квартиры — все-таки!.. Не для меня все это. Я человек домашний. Люблю, чтобы под рукой все было. Все под меня подлажено и подогнано. Как я привык. Протянул руку... Сунул ногу...

Так, отзвониться надо сразу. Что я дома. А то наши друзья ведь и не знают, поди...

— Алло! Да, я опять... Ну, что там?.. Это хорошо... Ладно, я дома, имей в виду... Ну, где-где, у себя дома. На квартире... Ну да, да!.. В общем, звони мне прямо сюда теперь, если что. На домашний. В обычном режиме. Как раньше, без всяких пейджеров... Все, давай. Зотику там скажи, что я дома. Чтобы он тоже мне сюда теперь звонил. Ладно, все.

Ну, вот... — Паутов откинулся в кресле, закинув руки за голову и положив ноги на стол. — Сделал дело... гуляй... смело... Теперь остается только ждать. Ждать, ждать и ждать. Надо ждать. Да... Надо... ж... дать... время этим дуракам осмыслить ситуацию. По начальству доложить, что я вернулся. Во у них там сейчас суета идет, я представляю!.. Катавасия. Как же это я проскочил!? Просочился сквозь все их заслоны и наружки!? С Луны я, что ль, свалился?..

С Луны, с Луны!.. Дали бы, козлы, хоть сегодня дома поспать. А завтра можно уж и воевать начать. Война войной, а сон — дело святое. Выспаться бы хоть... Поспать хоть одну ночь спокойно,.. в своей кровати...

Однако надеждам Паутова не суждено было сбыться. Не прошло и часа, как в дверь позвонили. Паутов включил экран монитора. На площадке перед дверью стояла целая толпа. И в штатском, и в форме. Непосредственно звонивший держал в руках какую-то бумагу.

— Это милиция! Откройте дверь! У нас есть ордер на обыск! Немедленно откройте дверь!

Явились-таки!.. — саркастически усмехнулся про себя Паутов. — Не запылились. Быстро! Не терпится, однако ребятам. Дело-то, видать, к спеху!..

Он прислушался к своим ощущениям. Ничего! Абсолютно никаких эмоций! Пустота и ясность. И холодная, расчетливая готовность действовать. Компьютер в состоянии ожидания. Бесстрастный и равнодушный.

Паутов снял трубку и лениво набрал номер. Ну что, парни?.. Продолжим наши игры?.. Мой ход!

— Алло!.. Да... В общем, так. Срочно обзванивай все агентства! Всех корреспондентов. У меня на квартире обыск. Пусть все немедленно сюда едут!.. Да, ты чего, не слышал, что я сказал?! У меня на квартире... Ну, в дверь звонят, я пока не открываю. Корреспондентов немедленно подгоняй, чтобы они все это снимали... Давай! И без паники! Просто занимайся своим делом. Все. Работай!

Тэк-с... Дальше... Зотику теперь... Опять телефон его забыл! Да что ты будешь делать!

— Алло!.. Да, я... Отлично, говоришь?.. Понятно... Слушай меня внимательно. У меня тут с обыском на квартиру пришли. В дверь звонят. Целая толпа... Да-да!.. Да не перебивай, а слушай просто!.. Ну, так вот. Я сейчас позвоню Гутову, чтобы немедленно приостановил работу. И объявил, что у меня идет обыск... Послушай, Петь! Когда мне понадобится твой совет, я у тебя его спрошу. Хорошо?.. Во-от так! А пока просто делай,

что я говорю. Без комментариев. И ненужных советов. Тем более, что я в них, по правде сказать, абсолютно не нуждаюсь!.. Вот и хорошо, что понял... Так вот, проследи там, пожалуйста, за Гутовым, чтобы все нормально было. Именно так, как я сказал. А то он сейчас тоже «испугается!..», «откажется!..». Чтобы вот этого ничего не было. Чтобы не пугался! Чтобы без фокусов... Ну, хорошо, хорошо! Не «тоже»!.. Да, да, я все понял, ты мне просто посоветовал, высказал свое мнение!.. Да, все, хорошо!.. Слушай, не время сейчас, а?.. У меня там в дверь ломятся... Не слышно по телефону?.. (В дверь действительно звонили уже непрерывно.) Все, давай!

Паутов нажал на рычаг и удивленно пожал плечами. Вот тебе и Зотик! Тоже менжуется. На измене. «Да как же!.. Да что же!..» Перепугался весь, бедный! Он же, вроде, из бывших?.. Должен все это знать? Все эти дела. Чего это он так?.. А-а!.. все они!.. На словах только герои! Пока до дела не дойдет. До серьезного... А, черт! Забыл же ему сказать...

— Да!.. Я опять. Слушай, вот еще что. Адвокатов ко мне посылай немедленно... На квартиру... Ну, да... В крайнем случае, если наших не найдешь, каких-нибудь найди... Но лучше, конечно, наших. В общем, реши эту проблему!.. И наружку там напруги. Все силы пока подтяните. Чтобы, когда меня повезут, отследили, куда именно. На Петры, там, в Лефортово — куда? Чтобы адвокаты уж завтра знали, где я. А то ты же знаешь, как это у нас обычно делается!? Никто ничего не знает.

«Где Сергей Кондратьевич?» — «А хуй его знает! Не у нас!» — «А где же!?» — «А мы откуда знаем? У нас его нет».

Вот и все! И весь разговор. Вот, чтобы этого не было. Чтобы так не получилось. Чтобы адвокаты ко мне завтра обязательно пришли. Знали точно, где я. И не велись на все эти заявления, что «не у нас». «У вас, господа, у вас!..» Да... Ну, все. Мне еще Гутову звонить.

Паутов набрал номер управляющего.

— Алло!.. Алексей?.. Подожди! Послушай меня. У меня тут ЧП — с обыском на квартиру пришли... Да, уж... Да, да!.. В общем, немедленно останавливайте работу... Так и объявите: в связи с обыском на квартире у Паутова. До выяснения обстановки все операции с подписями прекращаются... Не надо письменного объявления, просто по громкоговорителю сообщите... Ну, или и письменное тоже вывесите. Короткое совсем.

«В связи с обыском на квартире у Паутова и неопределенностью ситуации, все операции с подписями временно приостанавливаются. Вплоть до прояснения обстановки»...

Что?!.. Записать?.. Взял уже?.. Хорошо, — Паутов повторил текст объявления. — Записал?.. Прочитай теперь... Да, вслух... Ага. Все правильно. Значит, вывешивайте. Ну, и по громкоговорителю тоже повторяйте непрерывно... Нет, пока больше ничего не надо... Будь на связи, я еще, наверное, позвоню... Не важно, не важно! Все, давай!

Деятель, блядь!.. Трус несчастный. Впрочем, Зотик не лучше, — Паутов сплюнул. В дверь звонили не переставая. Кажется, даже ногами уже стучали. — Сотруднички, блядь. Пока все хорошо!.. Ладно, впрочем, чего с них взять. Обычные люди. Людишки. Мусор.

Паутов глянул на монитор. Нет, ногами пока не стучали. Это ему показалось. Так же спокойно стояли толпой у двери, и главный, с бумагой, вежливенько давил на кнопку звонка. Паутов опять включил звук. А,.. ну все то же... «Милиция!.. Обыск!.. Немедленно откройте!..»

Ладно, звоните пока. Посмотрим, что вы дальше делать будете. Дверь бронированная, по спецзаказу сделана, хуй вы ее вскроете. Разве что из гранатомета. Да и то вряд ли. Не возьмет.

Так, вот что!..

Паутов нажал на кнопку вызова домового. Тот уже заглядывал пару раз и спрашивал, что делать. («Да ничего! Сиди спокойно. Это не твое дело. Я сам разберусь. Дверь только не вздумай открывать».)

— Да, Сергей Кондратьевич!» — охранник заискивающе смотрел в глаза Паутову.

— Дай мне все ключи от квартиры, — спокойно сказал Паутов. — На всякий случай. Чтобы у тебя не возникло искушения открыть.

— Но они же в двери торчат. Ключи... — охранник замаялся. — Слышно же будет, что я вытаскиваю...

— Да плевать мне, что там будет слышно! — чуть повысил голос Паутов. — Принеси мне ключи.

— Хорошо, Сергей Кондратьевич, — охранник убежал и через полминуты принес Паутову связку ключей. — Вот, пожалуйста.

— Хорошо! — Паутов взял ключи и небрежно сунул их в карман. — Все пока. Иди.

Охранник исчез.

Ну, все!.. — Паутов в раздумье почесал нос. — Все, вроде? А, бумаги надо посмотреть пока! И компьютер почистить.

Он опять нажал кнопку вызова.

Охранник сразу же заглянул в дверь, как будто он только этого и ждал.

— Слушай, сейчас обыск будет. Проверь там все у себя. Чтобы лишнего ничего не было.

— Да у нас нет ничего... — начал было охранник.

— Ну, просто, на всякий случай! — сразу же оборвал его Паутов. — Проверь, проверь!.. Мало ли!.. Давай, иди. У меня тут тоже куча дел.

Так!.. — опять задумался Паутов, когда дверь за охранником захлопнулась. — Что там из бумаг-то надо уничтожить?..

И компьютер почистить не забыть... Вообще-то там нет ничего такого... Порносайты разве что... Да, это лучше убрать... А то маньяком еще объявят, чего доброго. Прославят на всю страну. Мало того, что мошенник, так еще и сексуальный маньяк к тому же!.. Все в одном флаконе. Ну, как же мы могли его не арестовать, люди добрые!?! Он же опасен для общества!

Так... Где тут у нас?.. «Уничтожить»... «Уничтожить»... Да уверен я, уверен!.. Заебали! Что за мудак эту операционную систему делал! Ну, спросила раз — и хватит! Сколько ж можно?!.. Все? Так,.. так... Да, все. Все чисто. Ну, и хорошо. Честь моя спасена. А вот интересно. Сейчас парочку гей-сайтов в «Избранное» — и пиздец! Клеймо на всю жизнь. Хуй потом отмоешься. И чего кому докажешь. Что это просто шутка была. Прикол такой...

Что за дурацкие мысли в голову лезут! Нашел время шутить! Приколист хренов.

Так, ну, что?.. Где, блядь, корреспонденты с адвокатами? Пора бы им уже и подкатить. Хоть кому-нибудь.

Паутов снова включил звук.

А!.. Во!.. Подъехали. Наконец-то!

На площадке перед дверью царила какая-то суета. Снаружи от лифта доносились приглушенные шум и крики. «Пропустите!.. Пресса!.. Газета!.. Канал!..»

Паутов удовлетворенно улыбнулся. Ну, вот и слава богу! Пресса — дело святое. Теперь адвокатов подождать — и можно дверь открывать. Милости просим, гости дорогие! Давайте, ищите! Может, что и найдете. От мертвого осла уши. Желаю успеха!

Да, вещички бы неплохо собрать... Бельишко, щетку-мыльницу... «Если сразу возьмут — чтоб не мыкаться». Да уж!.. Возьмут!.. Это-то ясно. Куда они денутся! Так что бельишко-щетка-мыльница наверняка пригодятся.

Все?.. Да, все. Все! Чай можно идти пить. И ждать, что дальше будет. Адвокаты эти блядские когда приедут. Андроны эти.

«Андроны едут». То ли дело пресса! Одна нога здесь — другая там! А эти, блядь!.. Улиты. «Едут»! Улита едет, когда-то будет!

Адвокаты подъехали где-то примерно через полчаса. Около дома Паутова к этому моменту царило уже просто-таки столпотворение вавилонское! Теле- и фотокамеры, корреспонденты, сотни, если не тысячи взбудораженных вкладчиков!.. В общем, Содом и Гоморра.

Паутов имел удовольствие наблюдать все это не только непосредственно из своего окна, но и на телеэкране, в прямом эфире. Причем чуть ли не по всем каналам.

Подождав еще часик, пока напряжение не достигло максимума, апогея, Паутов открыл наконец дверь и выпустил своих непрошенных гостей.

* * *

Все три часа, пока шел обыск, Паутов провалялся на кровати. Он полулежал на спине, прислонившись к спинке кровати и закинув руки за голову, не разговаривал ни с кем и смотрел телевизор. На вопросы он не отвечал и вообще не произнес ни слова.

Лишь один только раз, когда следователь открыл шкаф и при виде одиноко висевшего там старого спортивного костюма пораженно спросил у стоящих рядом оперативников: «А где все?»; Паутов, иронически покосившись на него, негромко пробормотал:

— «*Vinitas vanitatum et omnia vanitas*» («Суета сует и всяческая суета» — лат.)

— Что? — с недоумением обернулся к нему следователь.

— «*Omnia mea mecum porto*» («Все свое ношу с собой» — лат.), — так же непонятно продолжил Паутов.

— Простите, что Вы говорите? — еще большим удивлением посмотрел на него следователь.

— Это не я, это Биант, — краешком губ усмехнулся Паутов и снова уткнулся в телевизор.

О происходящем сейчас на квартире у Паутова обыске трубили по всем каналам. Обыск между тем подходил к концу.

— Собирайтесь, Сергей Кондратьевич, — вежливо обратился к Паутову следователь.

Паутов молча выключил телевизор, встал и пошел к выходу. Заблаговременно приготовленный им пакет с необходимыми вещами (зубная щетка, паста, мыло и пр.) все так же сиротливо стоял в прихожей. Именно там, где Паутов его и оставил. Такое впечатление, что его так никто и не трогал. Паутов на ходу небрежно подхватил его с пола, подошел к двери и, не говоря ни слова, вопросительно посмотрел на следователя.

— Вы что, так в тапочках и пойдете? — в свою очередь изумленно уставился на Паутова тот.

— Да, — коротко обронил в ответ Паутов.

Следователь помялся немного в нерешительности, потом чуть пожал плечом и открыл дверь. Вся площадка на этаже была забита спецназовцами в масках. В лифт набилось человек пять. Сам Паутов, следователь, еще кто-то в штатском и два огромных спецназовца с автоматами. Паутов поморщился. Все это начинало его раздражать.

Террориста поймали!.. — выругался про себя он. — С автоматами!..

Он чувствовал в душе какое-то растущее ожесточение.

— В коридор! — негромко скомандовал штатский при выходе из лифта, и находившиеся внизу, в вестибюле спецназовцы мгновенно выстроили живой коридор от лифта до двери.

Сколько их здесь? — с удивлением подумал Паутов. — Рота?.. Целый полк?.. Может, на улице еще танки стоят? С бронетранспортерами.

Танков на улице не было. Зато была огромная, многотысячная, волнующаяся толпа.

При виде Паутова люди разразились приветственными криками.

— Держитесь, Сергей Кондратьевич!.. Мы с Вами!..

Паутов скупно улыбнулся и, садясь в машину, слегка помаhal рукой. Роль любимца публики его, сказать по правде, вовсе не прельщала. Сам он предпочел бы, чтобы никого, кроме корреспондентов, здесь вообще не было. Однако приходилось мириться с неизбежным, считаться с реалиями и законами жанра.

— Подвиньтесь, пожалуйста, — следователь сел рядом, и машина резко рванула с места. Сидевший на переднем сиденье рядом с водителем спецназовец настороженно озирался по сторонам, держа руки на автомате.

Господи-боже! — удивление Паутова все росло. — Они что, нападения опасаются, что ли? Что это вообще за цирк!?

— Зачем Вам все это надо, Сергей Кондратьевич? — вдруг совершенно неожиданно обратился к нему сидевший справа человек в штатском, которого Паутов поначалу принял за оперативника. — Почему Вы так упорно отказываетесь с нами сотрудничать? И Вы, и мы — все мы делаем одно общее дело, работаем на благо страны! Почему бы нам не соединить свои усилия!?

— «Viribus unitibus res parvae crescunt» («От соединения усилий малые дела вырастают» — лат.), — автоматически вырвалось у Паутова.

(Блядь, день латыни! — с неудовольствием мысленно покачал головой он. — Чего это со мной? Нервишки шалят?.. Да просто и говорить с этими козлами не хочется, и молчать невозможно! — тут же сообразил он. — Вот и!.. А так, как будто сам с собой разговариваешь. Просто вслух. Раз тебя все равно никто не понимает. Не так противно.)

— И что это означает? — чуть помолчав, сухо осведомился собеседник.

— Это означает: «Timeo Danaos et dona ferentes» («Боюсь данайцев и дары приносящих» — лат.), — прямо в глаза ему издевательски ухмыльнулся Паутов.

В машине повисла напряженная тишина, не прерываемая больше до самого прибытия на место.

Петровка! — глядя в окно, с облегчением понял Паутов. — Слава тебе, Господи! Лубянка хуже бы была. Там бы, пожалуй, и адвокатов завтра могли не пустить. С них станется. Контора! Государство в государстве. «Нет!» — и все! «Не поступал». А здесь наверняка попроще. По крайней мере, это лучший вариант.

* * *

Сопровождающие Паутова расписались в каких-то бумагах и уехали. Паутов быстро прошел стандартную процедуру осмотра («Раздевайтесь!.. Одежду всю сюда!.. Присядьте пару раз...») и минут через 15 с матрасом подмышкой уже подымался по широкой лестнице петровского ИВС.

— Лицом к стене!.. Проходите!..

Молчаливый конвоир лязгнул ключом и приглашающе распахнул дверь камеры.

Паутов вошел. Небольшое помещение с зарешеченным окном. Три пустых железных кровати, раковина, туалет.

Нормально! — Паутов неопределенно усмехнулся. — Жить можно. Хорошо, что сокамерников нет. Подумать хоть можно будет в спокойной обстановке. В себя придти.

Собственно, Паутов не особенно-то и волновался. Все шло по плану. Примерно именно так, как он себе и представлял. Паника,.. падение цен,.. арест,.. ИВС,.. камера... Жесткий вариант развития событий. Форсированный выигрыш. Если, конечно, он все правильно просчитал.

Паутов, заложил руки за спину и, низко опустив голову, в раздумье прошелся по камере.

Да... Завтра через адвокатов передам Зотику все инструкции — и вперед!.. А чего они сделают?.. Даже не знаю... Вот что бы я на их месте сделал?.. Хм... Совершенно себе не представляю! По-моему, партия проиграна. Вчистую! Мат в три хода. Защиты нет. По крайней мере, я ее не вижу. Хм... Ну да!.. Если так, то я так... Если так... Так тоже нельзя... Хм... Да нет, все вроде, чистый выигрыш. Из тюрьмы — в Кремль. С тюремных нар — в президенты всея Руси!

В общем-то, ничего особенного. Довольно распространенный вариант. Сплошь и рядом так происходит. Ну, или почти так. Кратчайший путь к цели! Прыжок над бездной. Путь Дракона.

— Не так все просто, Сергей Кондратьевич! — раздался вдруг из угла камеры негромкий мужской голос. Паутов от неожиданности запнулся и резко вскинул голову.

Изящно одетый, элегантный мужчина лет сорока с дымящейся сигаретой в руке сидел, небрежно развалясь и закинув ногу за ногу, на одной из кроватей. Сидел с таким видом, как будто это была и не тюремная кровать — убогая и уродливая металлическая конструкция — а по меньшей мере, императорский трон.

— Кто Вы?.. — только и смог вымолвить Паутов. — Как Вы здесь оказались?..

Может, здесь дверь какая-нибудь потайная есть?! — промелькнула у него в голове совершенно дикая мысль. Он, собственно, почти и не испугался и не удивился даже толком этому неожиданному визиту. Сама тюремная обстановка была для него настолько необычна и шокирующе-удивительна (все эти: «Вперед!.. Руки за спину!..»), что отдельные частности уже не могли добавить к его ощущениям ничего принципиально нового.

По правде сказать, он даже не был твердо уверен теперь, а действительно ли камера была пуста, когда он вошел? Может, этот

таинственный незнакомец под кроватью сидел? Или просто нагнулся за чем-то, и он, Паутов, его не заметил? В этом своем полушоковом состоянии. Пока в себя еще не пришел и не успокоился.

Да что угодно в конце концов может быть! В этих казематах. Может, тут и правда кругом потайные двери и люки. На идеально смазанных петлях. Бедных арестантов пугать.

Мужчина вдруг расхохотался. Паутов с недоумением посмотрел на него и нахмурился. Испуг его окончательно прошел, уступив место подымающемуся глухому раздражению.

Это еще что за фокусы? — зло подумал он, не отрывая от мужчины тяжелого взгляда. — Цирк мне тут устроили?! Так это зря!..

— Успокойтесь, успокойтесь, Сергей Кондратьевич!.. — мужчина перестал смеяться и примирительно улыбнулся. В глазах его, однако, все еще плясали веселые огоньки. — Что Вы так болезненно на все реагируете? Успокойтесь. Присаживайтесь лучше, — мужчина указал глазами на соседнюю пустую кровать, — и давайте спокойно побеседуем.

— Кто Вы? — Паутов по-прежнему в упор смотрел на своего собеседника. Снисходительно-покровительственный тон, который тот избрал, Паутову совсем не нравился. В нынешней ситуации он даже премьеру или президенту не позволил бы так с собой разговаривать. А это кто такой?! Что это вообще за птица?

— «Я тот, кто вечно хочет зла и вечно делает добро» — так, кажется, у Гете? — мужчина окончательно перестал смеяться и тоже в упор посмотрел на Паутова.

Паутов похолодел. У него словно пелена с глаз упала.

Какие «люки»?! — с нарастающим ужасом подумал он. — Что я несу? Камера три на три! Как я мог появления его не заметить? Он просто из ниоткуда появился! Так это?.. Это?..

— Это тот, кто Вам помогал все это время. Решка! Решка! Решка! — мужчина небрежно выхватил прямо из воздуха три монетки и швырнул их под ноги Паутову. Тот машинально

опустил глаза. Решка, решка, решка. Три решки! Паутов долго, долго смотрел на них, потом медленно, медленно поднял взгляд. Мгновенно промелькнувший было в душе ужас бесследно исчез, и на его месте снова пришла прежняя мрачная и холодная решимость. Решимость во что бы то ни стало довести до конца задуманное. Любой ценой!

И никто мне в этом не помешает!! — яростно подумал он. — Ни Бог, ни Дьявол! Никто!!! Или пусть мне тогда вернут мою дочь.

— Браво, браво, Сергей Кондратьевич! — мужчина опять расхохотался и даже слегка похлопал в ладоши. — Правильно! Так и надо.

— Вы можете мне вернуть мою дочь? — Паутов почувствовал, что в душе у него шевельнулась какая-то безумная надежда.

— Нет, — мужчина покачал головой. Паутов обмяк. — Нет, Сергей Кондратьевич, — мужчина опять покачал головой и, чуть помедлив, добавил, пристально глядя на Паутова. — Дело в том, что Ваша дочь и без того жива-здорова. Именно поэтому-то я и здесь.

Паутова словно обухом по голове ударили. На ватных, негнущихся ногах он как во сне подошел к ближайшей кровати и сразу же без сил на нее опустился.

— Как «жива»? — словно про себя пробормотал он. Он все еще боялся до конца поверить услышанному. — Сашенька жива?! Откуда Вы это знаете?

Паутов с мольбой посмотрел на своего визави. Тот, не отвечая, лишь слегка усмехнулся и чуть пожал плечами.

— И где она?!! — закричал опомнившийся Паутов. Он больше не сомневался. — Где?!!

— Дома, — спокойно ответил мужчина. Он по-прежнему не отводил глаз от Паутова.

— Как «дома»?.. — не понял тот.

— Так!.. — мужчина опять еле заметно усмехнулся. — Ее только что вернули.

— Вернули?.. — Паутов все никак не мог осмыслить услышанное. — Почему вернули?

— Ну, Сергей Кондратьевич, после того шума, который Вы на весь мир подняли!.. — мужчина последний раз затаился и небрежно отшвырнул в сторону недокурную сигарету.

Паутов автоматически проследил за ней взглядом и вдруг увидел, как она бесследно исчезла прямо в воздухе. Была — и нет! Это его почему-то настолько поразило, что он жадно и совершенно по-новому впился глазами в сидящего напротив... человека. Как будто заново, только что, впервые его увидел.

Так это и есть... Дьявол!? Сатана! Вельзевул! Он даже про дочь свою на мгновение забыл. Но только на мгновение. Уже в следующую секунду мысли о Сашеньке снова вытеснили все у него из головы, и он опять принялся слушать своего страшного собеседника с напряженным вниманием.

— Да и после Вашего ареста особенно, — продолжал говорить тот. — Ваших похитителей все это настолько напугало, что они решили как можно быстрее избавиться от Вашей дочери. В смысле, вернуть ее, — успокаивающе пояснил он, видя, как Паутов непроизвольно дернулся. — Ну, понять их можно. Все-таки воевать со всем миром... Вы же теперь суперзвезда. И ради чего? Денег-то теперь все равно не получишь. Раз Вы в тюрьме.

Это же не террористы какие-нибудь. Не шахиды. Не фанатики из Аль Каиды. Обычные люди!.. Хотя и не очень хорошие...

— Кто они? — глухо спросил Паутов.

— Какая разница, Сергей Кондратьевич? — примирительно заметил мужчина. — Не все ли равно?

— Кто они? — так же глухо повторил Паутов.

— Ну, хорошо, Сергей Кондратьевич!.. — мужчина картинно развел руками. — Если Вы так настаиваете... Один из них — Ваш начальник охраны.

— Кто-о? — не поверил Паутов. Он даже с кровати своей слегка привстал. — Зотик!?

— Ну, а чего Вы так удивляетесь? — мужчина опять слабо шевельнул плечом и укоризненно посмотрел на Паутова. — Естественно, все это мог организовать только человек, хорошо знавший ситуацию изнутри. Могли бы и сами догадаться. Да и удобно же! Сам похищаешь, и сам же потом ищешь. Поисками руководишь. Контролируешь ситуацию! — мужчина снова весело расхохотался, слово в слово повторив любимое выражение паутовского начальника охраны.

— Зотик!.. — тупо повторил Паутов. — Зотик... — все это просто не укладывалось у него в голове.

— Знаете, Сергей Кондратьевич, — мужчина с сожалением посмотрел на Паутова. — На стене венецианской тюрьмы есть такая ста-арая-престарая, древняя запись: «Спаси меня Бог от тех, кому я верю, а от тех, кому я не верю, я спасусь и сам». Вам не мешало бы ее запомнить.

— Вы так легко произносите слово... Бог?.. — с невольным удивлением взглянул на мужчину Паутов.

— Не отвлекайтесь, Сергей Кондратьевич! — небрежно отмахнулся тот. — Не обращайтесь на пустяки, — мужчина вздохнул. — Подумайте лучше о деле.

— О каком деле? — непонимающе переспросил Паутов.

От всех этих новостей у него просто голова шла кругом. Зотик,.. Сашенька... Да, Сашенька!!

— Так что сейчас с Сашенькой!? — с волнением подался он вперед. — Она здорова? С ней все нормально?

— Нормально, нормально! — чуть повысил голос мужчина. — Не волнуйтесь о ней, Сергей Кондратьевич. Легкий шок, но это все пройдет. Без всяких последствий. Она у Вас девочка крепкая. Так что о ней не переживайте, — мужчина сделал паузу и рассеянно обвел глазами камеру. — Вы лучше подумайте, о том, что Вы собираетесь делать дальше?

— А что? — не понял Паутов. — Что собирался, то и дальше буду. В чем, собственно, проблема-то?

— Проблема в том, уважаемый Сергей Кондратьевич, — мужчина лениво покосился на Паутова, — что Вы не все правильно учли. С Вами никто не собирается играть по правилам. Е7 — Е5!.. Как же!.. Пешки у противника ходят, как им заблагорассудится! У него на доске сейчас девять ферзей! Вы, Сергей Кондратьевич, слегка переусердствовали. Слишком уж Вы их всех напугали. Слышите?.. — мужчина поднял вверх указательный палец.

Паутов прислушался. За стенами тюрьмы что-то происходило. Раздавался какой-то неясный шум, гул, какой бывает обычно на стадионах или площадях, когда скапливаются огромные массы народа. Потом этот шум вдруг начал обретать какие-то смутные очертания, пока не превратился наконец в слова. Точнее, всего в одно слово.

— Се-ре-жа!.. Се-ре-жа!.. — явственно услышал Паутов. Это слово скандировали, судя по всему тысячи людей. Рев стоял такой, что казалось, что стены тюрьмы тряслись.

— Что это? — в недоумении посмотрел на своего гостя Паутов.

— Ваши сторонники, — усмехнулся тот. — Пришли поддержать Вас. Как видите, Вы пользуетесь успехом, — мужчина помолчал немного, прислушиваясь. — Да, впечатляет, не правда ли? Представляете, какой эффект это произведет на Ваших противников? На российские власти? Когда они об этом узнают?

— И что?.. — охваченный неясным предчувствием, медленно переспросил Паутов.

— Да, Сергей Кондратьевич! Именно! — мужчина смотрел Паутову в глаза и, казалось, читал его мысли. — Завтрашнюю ночь Вы не переживете. Вас просто-напросто убьют. Ликвидируют.

— Как это «убьют»?! — Паутов просто не верил собственным ушам.

Сейчас, в наше время?.. Убить в тюрьме человека?.. Просто вот так, взять и убить!?!.. У нас же не 37-ой год, в конце-то концов!.. Да и тогда такого не было! Убивали, но официально, в рамках генеральной линии. Но вот так, тайком!..

Но взглянув на сидящего перед ним... э-э... мужчину, Паутов отчетливо понял, что это правда. Именно так все и будет.

— И как же меня убьют? — криво усмехнулся он. — Уголовники? Во время драки в камере?

— Ну что-о Вы, Сергей Кондратьевич! — с сожалением посмотрел на Паутова его собеседник и даже руками развел. — Какие «уголовники»!.. Кто этому поверит? Что Вы так кстати умерли. Нет, конечно, — мужчина чуть помедлил.

Паутов напряженно ждал.

— Тогда как же? — наконец не выдержал он.

— Да очень просто! — ласково посмотрел в глаза Паутову мужчина. — Официально Вы скроетесь от следствия. Сбежите при перевозке. Толпа, увидев Вас, нападет на конвой, и Вы в суматохе скроетесь. Такова будет официальная версия Вашего исчезновения. Вы будете объявлены в розыск, естественно. Вас будут искать. Периодически где-то видеть... Ну, и прочее. Это уже неинтересно.

— И что, это сработает? — с удивлением посмотрел на мужчину Паутов. — В это поверят?

— Конечно, поверят! — в свою очередь удивился тот. — А почему нет? Вы бы поверили?

— Да, пожалуй... — пробормотал Паутов. — По крайней мере, про то, чтобы власти кого-то в тюрьме убили, я уж точно никогда не слышал. Так что, наверное, поверил бы.

— Ну, вот видите! — жизнерадостно улыбнулся Паутову его кошмарный ночной гость. — Так что, все работает.

— И что же мне теперь делать? — ошеломленно произнес Паутов.

Он не то, чтобы испугался, — скорее, просто растерялся. Этот страшный вариант застал его врасплох. К такому развитию событий он оказался совершенно не готов. Ну, арестовать по беспределу — это понятно. Но чтобы вот так!.. в тюрьме!.. убить... Он все-таки собирался играть цивилизованно. Дать себя арестовать и на волне народного гнева и возмущения провести потом референдум. Всех смести! Всех и вся!

Таков был его план. Именно такое воззвание он Коту и отдал. С тем, чтобы потом через Зотика...

Теперь же все это рушилось. Весь этот план. И власти оказались хитрее, решительнее и жестче, чем он думал... Точнее, прагматичнее. Беспринципнее. Он их недооценил. Что же касается Зотика...

При мысли о Зотике Паутов почувствовал самую настоящую ненависть. Минутные слабость и растерянность мгновенно исчезли, уступив место ненависти. Ровной, холодной и беспощадной. Ко всем... ИМ!..

Гутов... Зотик... Эти упыри... правительство все это, премьеры-президенты... Оборотни! У каждого есть своя волшебная комната. У низших — деньги, у высших — власть. В которой они только и выглядят по-настоящему. Где слетают все маски. И они предстают наконец в своем подлинном обличьи, в своем истинном виде. Гиены или волка. Со злобно оскаленной пастью. Твари!! — Паутов сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. — Вы все будете гореть в аду!! В геенне огненной! Туда вам и дорога! И я вас туда отправлю!!

— Неплохо! — одобрительно заметил Паутову его чудовищный визави, внимательно за ним наблюдавший. — Очень неплохо, Сергей Кондратьевич! — «Что я должен делать? — тяжело посмотрел на него Паутов. — Вы же не просто так сюда явились? Чтобы мне все это рассказать. Значит, выход есть?»

Мужчина, не отвечая, некоторое время молча смотрел на Паутова, потом медленно сказал:

— Разумеется, есть...

— И какой же? — быстро переспросил Паутов.

Его охватило лихорадочное нетерпение. Желание немедленно действовать!

Я вам отомщу!.. — прикрыв глаза, сладострастно подумал он. — О-о-о!.. За все!.. И за это тоже!

— Выход есть... — еще более медленно повторил мужчина. Он как будто специально тянул, испытывал терпение Паутова и еще больше его заводил и взвинчивал.

Новая пауза. Паутов сидел как на иголках.

— Какой же????!!.. Какой!!!!??.. — хотелось изо всех сил закричать ему.

— Се-ре-жа!.. Се-ре-жа!.. — уже непрерывно грозно ревели за стеной. Окно в камере тоненько в унисон дребезжало.

— Вам следует организовать массовые беспорядки. Народные, волнения. Бросить толпы на Кремль, — мужчина испытующе смотрел на Паутова.

— Как это «на Кремль»? — с широко раскрытыми глазами замер тот. — И что это даст?

— Как «что»? — мягко улыбнулся мужчина. — Власти наверняка испугаются. И Вы сможете с ними начать торговаться. «Выпустите меня — и я все улажу!» Они обязательно на это пойдут.

— Но подождите! — тихо проговорил Паутов. — Чтобы они на это пошли, чтобы выпустили меня, их архиврага, основания должны быть очень веские. Должна... пролиться кровь. Много крови! Должны быть жертвы. Тысячи и тысячи жертв. Это... гражданская война! Как в Албании чуть не началось.

— Ну и что, Сергей Кондратьевич!? — беззаботно усмехнулся собеседник Паутова. — Вы же все равно хотели весь мир уничтожить. Вообще весь! Какая Вам разница? Ну, тысячи, ну, миллионы!.. Не все ли равно?!

— Да, но тогда я собирался мстить. Всем! — еще тише проговорил Паутов. — Тогда я думал, что Сашенька... А сейчас зачем? Кому я таким образом отомщу? Своей стране? Простым людям? Они же прежде всего пострадают. В первую очередь. А власти, как обычно, выкрутятся. За кремлевскими стенами отсилятся.

— Но Вы же хотите принести пользу своей стране? Раз Вы ее так любите? Помочь своему народу, простым людям, если Вы о них так печетесь? — ободряюще улыбнулся Паутову мужчина. — Ну, и помогите! Возьмите власть в свои руки! Вы достойны ее. Это я Вам совершенно искренно говорю! — улыбка исчезла с лица мужчины, и он смотрел на Паутова внимательно и серьезно. — Вы единственный, кто может сейчас спасти страну. Повернуть ход истории. У Вас достаточно для этого сил. Ну, так сделайте это! Возьмите на себя ответственность.

— Я... я должен подумать... — неуверенно пробормотал Паутов и в замешательстве потер лоб. — Я не могу Вам так сразу ответить...

— Думайте, Сергей Кондратьевич! — мужчина встал. — Но помните, что времени у Вас не так уж и много. Всего только эта ночь. Завтра утром к Вам придут адвокаты, и Вы должны дать им соответствующие инструкции.

— Какие «инструкции»? — устало проговорил Паутов. — «Поднимайте народ!»? Почему Вы так уверены, что из этого вообще что-нибудь получится? Покричат-покричат, и разойдутся.

— О! На этот счет можете не беспокоиться, Сергей Кондратьевич! — мужчина послал Паутову самую обворожительную свою улыбку. — Вы, главное, распорядитесь! — заговорщически подмигнул он. — А там уж!.. Все в наших силах. Толпы, знаете ли, легко возбудимы. И потому легко управляемы. Главное, в нужный момент чуть-чуть подтолкнуть!..

— А почему обязательно завтра? — поднял глаза Паутов.

— Потому что в противном случае завтрашнюю ночь Вы не переживете, — спокойно ответил мужчина. — Время Ваше истекает. Я же Вам с самого начала это сказал.

Ладно, Сергей Кондратьевич. Пора прощаться. Я спешу.

И подумайте еще вот о чем, — мужчина покрутил невесть откуда взявшейся в его руках тросточкой. — Вы вот сейчас умрете неизвестно ради чего, преданный анафеме и всеми презираемый и проклинаемый; дочь Ваша останется без средств и без родителей, круглой сиротой; жену Вашу довели до самоубийства — а все эти Ваши воры-сотруднички, укравшие у Вас миллионы, все эти предатели, иуды: гутовы, зотики — все они так и останутся безнаказанными. Все они будут жить-поживать и наслаждаться жизнью! На Ваши деньги.

Станут уважаемыми людьми, будут жить в роскошных особняках, ездить на дорогих машинах; дети их будут учиться в лучших школах и колледжах; жены щеголять в мехах и бриллиантах.

А Вы будете гнить в земле. Просто брошенный в яму и зарытый второпях как собака. У Вас даже гроба и могилы-то настоящей не будет!

Разве это справедливо? Подумайте об этом, Сергей Кондратьевич!

— Хорошо, я все понял, — Паутов тоже встал. — Скажите, — чуть помедлил он. — А почему меня прямо сегодня же не... устранили? Скажем, по дороге сюда? Очень же удобно было бы?..

— Случай Сергей Кондратьевич, слепой случай! — улыбка мужчины стала еще шире и лучезарнее. — Считайте, что Вам опять повезло. Ах! — небрежно вздохнул он. — В который уже раз! Вам опять выпала решка. А теперь прощайте!

— Прощайте, — сказал Паутов в пустоту, поскольку в камере в этот момент уже никого не было.

Его таинственный гость исчез. Так же внезапно, как и появился.

* * *

Паутов тяжело опустился на кровать. В голове у него царил полный сумбур.

Водки бы, — тоскливо подумал он. — Или хотя бы кофе. Ну, или крепкого чая на худой конец.

Ладно, надо прежде всего успокоиться.

Почему я так боюсь? — Паутов обхватил голову руками. — Ведь все, что... ОН говорил — правильно. И про бездарные власти, и про пользу... стране, народу... все правильно. Я действительно, наверное, сейчас самый достойный. Действительно смогу железной рукой удержать Россию на краю пропасти. Куда она стремительно катится.

А что касается жертв... Они неизбежны. Добровольно власть никто не отдаст. Это я, дурачок наивный, решил, что такое возможно.

Страну надо спасти! О ней думать! Процесс гниения уже начался! В зависимости от температуры он может идти быстрее или медленнее, но он не остановится. Все! Всякие профилактические меры тут уже бесполезны. Нужно каленое железо!! Прижигание. Кровь и смерть.

Все это совершенно очевидно. Все это абсолютно правильно. Я ведь и сам так думаю и не раз это говорил. Так почему же!?! — Паутов сторбился и закрыл лицо руками.

Потому что я лгу! — отнял он руки, выпрямился и, запрокинув голову, безнадежно уставился в потолок. — Лгу!! Не верю я ни во что это! В страну,.. в народ,.. в пользу там какую-то!.. Все это для меня пустые слова. Красивости. Фразы. Риторика. Фасад, за которым я прячу свои истинные цели. А цели эти — деньги, власть, бабы, собственная безопасность и благополучие. В общем, все, как у всех.

А в данный момент — просто самому спастись! Свою собственную шкуру. Даже ценой гибели миллионов! Вот

что я сейчас спасаю! Вот о чем думаю! А вовсе никакую не «страну»! Страна для меня — просто удобная ширма, — Паутов до боли вцепился побелевшими пальцами в холодный металл кровати.

Я такой же, как они! — с ужасом сообразил он. — Да, умнее, талантливее, но такой же. Плоть от плоти. А значит, ничего не принесу никому, кроме горя. Моя битва с властями — это просто битва двух драконов. Это не битва добра и зла. Хорошего с плохим. Это страшное сражается с ужасным.

Как соблазнительно! Убей дракона! Но для этого сам сначала стань драконом. Еще более сильным. Точнее, всего лишь прикинься им, превратись в него чисто внешне, прими его обличье. Примерь его шкуру. Иначе как же ты сможешь его победить, сражаться с ним на равных?

Чего ты боишься? Это же все равно останешься ты. Только в теле дракона. Хочешь быть добрым драконом — да пожалуйста! Только сначала убей злого....

(Рев снаружи достиг, кажется, предела! Там словно ворочалось и ревело в ярости какое-то доисторическое чудовище. Дракон! Паутов прислушался и горько усмехнулся. Он уже принял для себя решение.)

Но нельзя быть добрым драконом! Драконы не бывают добрыми. И процесс перерождения затрагивает неизбежно не только тело, ни и душу. У нее тоже вырастают когти и хвост.

Я не рыцарь. Не Ланселот. Я всего лишь еще один дракон. Такой же точно. Только более крупный. Более сильный. А значит — и еще более жестокий. Еще более безжалостный! Ибо жестокость у драконов — это и есть их сила. И если я перестану быть жестоким — на мое место придет другой. Который сожрет меня.

Нет! — Паутов медленно покачал головой. — Есть черта, которой я не переступлю! Я не буду покупать победу *такой* ценой.

Не стану превращаться в дракона. Я останусь человеком. Я подыму свой меч, и я стану сражаться со злом. Но — в образе человека!

Референдум — да, но гражданская война — нет. Я не буду биться с драконом его методами. Не стану призывать на помощь дьявола.

И если я действительно погибну — что ж, значит, я просто слишком слаб. Не Георгий-победоносец. А всего лишь его предтеча. Всего лишь один из многих.

Но я умру человеком! Спасу свою душу. Я один раз уже чуть не потерял ее и не хочу терять во второй. Теперь я знаю, что это такое. «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Ни-ка-кой! Решительно никакой. Это уже вообще будет не человек. Это будет — дракон.

* * *

Через день все российские газеты вышли с огромными заголовками.

«Паутов бежал из-под стражи!.. Где сейчас Сергей Паутов?.. Как погода на Карибах?.. Хорошо быть мультимиллиардером!..»

* * *

— Новость дня! По всем каналам передают! — негромко сказал сидевший за рулем неприметного вида мужчина в штатском, сделал радио потише и мельком взглянул на своего спутника. Тот промолчал, все так же безучастно глядя на дорогу.

— Не нравится мне что-то все это!.. — помявшись, снова нерешительно начал первый мужчина. — Как бы нас самих теперь... Как нежелательных свидетелей. Такое дело громкое!.. Шуму-то сколько!

Его сосед молчал по-прежнему. Но сидевший за рулем не успокаивался.

— Слушай, а у тебя у самого-то паутовки есть? — после паузы вновь спросил он.

— Есть... — процедил наконец сквозь зубы его неразговорчивый собеседник и зло сплюнул в окно. — И у тещи еще целый мешок. Звонила вчера...

— Вот жизнь! — сокрушенно покачал головой водитель. — И у меня есть... Сволочи!! — неизвестно к чему ожесточенно добавил он и резко прибавил газа.

* * *

Через три месяца после исчезновения Паутова государство выпустило ГКО — государственные краткосрочные облигации. Фактически это была та же схема Паутова, только слегка лишь подретушированная и видоизмененная. Чтобы сходство не слишком уж бросалось в глаза.

Идеи Паутова оказались очень живучими. Государство приступило к строительству своей собственной пирамиды.

И спросил у Люцифера Его Сын:

— Разве тот человек поступил неправильно? Написано же: «Возлюби ближнего своего».

И ответил, усмехнувшись, Люцифер Своему Сыну:

— «Ближнего»! Только ближнего! Семью, друзей... Но не всех же подряд!

И опять спросил у Люцифера Его Сын, весьма удивленный:

- А разве под «ближними» не подразумеваются именно все?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Тогда почему же в остальных заповедях говорится просто: не убий! не укради! Там, где речь идет именно о всех?

И ничего не ответил тогда на это и задумался Сын Люцифера.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 66-й

И настал шестьдесят шестой день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Можно ли построить рай на земле?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Можно. Только он будет очень хрупок, этот рай.
Ведь строить его придется из стекла.

РАЙ

«И не войдет в него ничто нечистое».

*Откровение Иоанна Богослова
(Апокалипсис)*

«Nihil supra Deos lacesso».

(«Ни о чем больше я не прошу богов» — лат.)

Гораций. Оды

— Спасибо, все было очень вкусно! — Русин встал из-за стола и направился к себе в кабинет, бросив на ходу повару: Как у нас сегодня? Без изменений?

— А какие изменения, Вадим Евгеньевич? — пожал плечами тот, вытирая полотенцем руки и подобострастно глядя в глаза Русину. — Они уже звонили утром, все нормально.

— Ну, и хорошо! Сколько привезут? Двух?

— Да, конечно! Вы же двух сказали, — сразу же засуетился повар, испугавшись, по всей видимости, что он что-то там перепутал или недопонял.

— Да нет, нет, все правильно! Я просто так спросил, — успокоил его Русин, выходя с кухни. — Ладно, я пошел. Вернусь где-то часов в 9, как обычно. Спиртное им только не давай, ни капли. Видео пусть сидят смотрят. Или телевизор. И ванную проследи, чтоб приняли. Сам, в общем, знаешь.

— Да-да, Вадим Евгеньевич, я все сделаю, не беспокойтесь! — повар стоял чуть ли не навытяжку и ел глазами начальство.

— Ну, и слава богу! — похвалил его напоследок Русин, кивнул и вышел.

* * *

Войдя в кабинет, Русин неторопливо подошел к своему необъятному письменному столу и уселся в великолепное кожаное кресло. Слегка крутанулся в нем и посмотрел в окно.

Погода сегодня была прекрасная. Солнышко, ни облачка, птички поют, небо синее-синее!.. Замечательно!

Соответственно, таким же прекрасным было и настроение у Русина. На душе у него тоже светило солнышко, пели птички и небо было синим-пресиним. Все было отлично! Погода, настроение — все! Обед был вкусный. Стол удобный, кресло покойное. Телок сегодня вечером привезут! Класс! Лучше просто не бывает.

Если есть рай на земле — то вот он! — в который уже раз пришло в голову Русину, и он чуть не засмеялся от удовольствия. — Да! — произнес про себя он. — Я счастлив! Я действительно, по-настоящему счастлив!

Вся его прошлая жизнь, особенно последние ее годы, вспоминались теперь Русиним как кошмарный, дурной сон. Скука, серая, мертвящая, давящая, безжалостная. Ежедневная, ежеминутная. Тусовки какие-то бессмысленные и унылые, кабаки, казино... Неинтересные собеседники, неинтересные разговоры. Люди, хорошо одетые, но плохо воспитанные и образованные. После пары минут общения с которыми наваливалась бесконечная и беспросветная, вселенская тоска и хотелось бросить все и бежать, бежать куда глаза глядят!.. Хоть на край света! В пустыню, в тундру, на Северный полюс. Куда угодно!! Лишь бы подальше.

И однажды я все-таки убежал! — с удовольствием подумал он и самодовольно похлопал себя ладонью по животу. — Да! Господи, какие же люди, в сущности, глупые! Существа. На что только они тратят свою жизнь!.. А как все, оказывается, легко и просто!

Русин придвинул к себе огромную коробку с рыболовными снастями и стал с наслаждением в ней копать. Это был

его ежедневный обязательный ритуал. Своего рода священнодействие. Он долго и тщательно рассматривал блестящие металлические блесны; яркие, разноцветные, неестественно-красивые воблеры; гибкие и эластичные, податливые, влажно-маслянистые, словно дрожащие, змейки твистеров и виброхвостов. Осторожно, чтобы не уколоться о неммыслимо-остро заточенные, тускло отсвечивающие на солнце хищные жала крючков, неторопливо и не спеша брал их в руки, разглядывал со всех сторон и так же неторопливо и осторожно клал на место.

Эта ежедневно повторяющаяся игра неизменно доставляла ему каждый раз неизъяснимое наслаждение и никогда не надоедала. И кончалась всегда одинаково. Налюбовавшись и назабавлявшись вдоволь со своими игрушками, как взбалмошная и ветренная женщина с бесценными драгоценностями, он со вздохом отодвигал их в сторону и доставлял из пакета маленькую пластмассовую коробочку с несколькими своими старыми, проверенными блеснами. С ними-то он и отправлялся обычно на свою ежедневную рыбалку.

Вообще рыболовом Русин был весьма посредственным. Ловил он исключительно на спиннинг, и успехи его в этой области были, сказать по правде, более чем скромными. Да, увы, несмотря на всю его великолепную экипировку и фантастически дорогие снасти. Лучшие лески, катушки, удилица, лодки с электромотором, эхолоты, навигаторы и пр. и пр. Денег на рыбалку Русин не жалел. И тем не менее, ежедневные уловы его обычно не превышали нескольких небольших рыбин. Две-три щучки максимум. Ну, и еще пяток окунишек иногда. Если повезет. И это в озере, которое буквально кишело рыбой!

Все рыбалки Русина протекали, в сущности, совершенно одинаково и были похожи одна на другую, как две капли воды.

Он отъезжал на лодке куда-нибудь подальше, затем, невзирая ни на какие эхолоты и прочие чудеса техники, просто

на глазок выбирал себе любое, почему-то понравившееся ему место и начинал там бездумно и неумолимо швырять какую-нибудь одну блесну. Не пытаясь ничего менять. Ни темп, ни манеру проводки блесны, ни глубину ее погружения — ничего! Естественно, что при таком удивительно бесхитростном и простодушном способе ловли, и результаты оказывались соответствующими.

Самое забавное, что и сам Русин все это прекрасно понимал. Что он совершенно неправильно ловит, что по уму надо бы вообще-то так-то и так-то все делать, и т. д., и т. п. Есть же кассеты, журналы в конце-то концов, где все подробно расписано. Что и как. Как бросать, как вести, что необходимо предпринять, если не клюет, и пр. Все-е премудрости!.. Вот и следовало бы,.. в точном соответствии с рекомендациями...

А еще лучше, просто выписать себе на время тренера, профессионального рыбака-спиннингиста, который бы его в два счета всему научил. На практике. Всем тонкостям ловли спиннингом. Тем более, что ловля щуки и окуня — одна из самых простых и легких. И через неделю-другую Русин наверняка и сам бы чуть ли не профессионалом стал и ловил бы себе несчастных щук и окуней центнерами и тоннами.

Все это Русин преотлично понимал. Но тем не менее абсолютно ничего в этом направлении не делал. Ему не хотелось уничтожать очарование рыбалки, убивать ее тайну. Сейчас для него каждое новое место являлось каким-то сказочным и волшебным омутом, загадочным и непостижимым, где в бездонной, мрачной глубине таятся чудовищных размеров щуки и окуни — надо только подкрасться потихоньку, забросить аккуратненько в самую середину свою верную, проверенную блесенку, и!..

А так что? Посмотрел на эхолоте: ага!.. глубина 2 метра, пара коряг на дне, вон щука стоит и несколько небольших окуней, и больше здесь ничего нет.

Ну, что это за рыбалка!? Это просто промысел какой-то, по сути. Как в магазин ходил.

Короче говоря, существующее положение для Русина полностью устраивало, кайф он получал и менять ничего не собирался.

А то, блядь, чего доброго, и последней радости в жизни лишишься! От большого-то ума.

* * *

Было около девяти часов, когда Русин вернулся с рыбалки. Он, как обычно, предоставил возиться с лодкой ждавшему его на берегу охраннику, а сам прошел в дом. Не спеша переоделся, принял душ и чистый и благоуханный вышел наконец в зал. Так у них называлась самая большая и просторная комната на втором этаже.

Девочки уже ждали. Две штуки, как он и просил. Поначалу он выписывал и по 4, и по 5, и по 6, но в последнее время все реже. Все-таки слишком уж это хлопотно. Полный дом баб, все эти их визги-писки... Да и в постели вторая, а уж тем более третья партнерша — явно лишние. Русин успел уже в этом убедиться. Можно, конечно, но это только так, под настроение. Исключительно ради экзотики.

Обычно же одной телки на ночь вполне достаточно. Поэтому — две. Одна — на субботу, одна — на воскресенье. Ну, и хватит! Сверх — уже перебор. Как второе подряд мороженое. Приторная липкая сладость. И еще и ангина в перспективе.

Девочки были классные. Особенно одна. У Русина аж дыхание захватило, когда он ее увидел. Она была именно в его вкусе. Девушка его мечты.

У каждого мужчины есть тот тип женщин, который ему нравится особенно. Не обязательно это должна быть какая-то сногшибательная суперкрасавица, в обычном понимании этого

слова, просто это его женщина. Вот эта девушка была для Русина его. Вторая телочка тоже была ничего — смазливенькая, стройненькая, гибкая, длинноногая. Очень даже ничего! Тоже из тех, которые нравились Русину. Но вот первая была, как говорится, в самую точку. Именно то, что надо. Именно его. Его типа.

При виде Русина обе девушки встали и вежливо поздоровались, с интересом его разглядывая. Ну, еще бы! Что это за таинственный мультимиллионер, владелец этого роскошного огромного особняка на берегу безымянного озера в самой карельской глубинке, где за сто верст вокруг, почитай, ни одной живой души нет и куда добраться можно только вертолетом. Особняке, оборудованном, тем не менее, по последнему слову техники и всеми, самыми суперсовременными средствами связи: спутниковое телевидение, телефон, Интернет и т. п.

Профессионалки, конечно? — подумал Русин, тоже с любопытством поглядывая на девушек.

Забавно, но девочек ему поставляли отовсюду, чуть ли не со всех городов и весей нашей необъятной матушки-России везли. Этим занимался у него специальный человек, и Русин никогда не вникал особо в эту кухню и не пытался выяснить, зачем это надо и почему бы просто не ограничиться в этом смысле лишь несколькими близлежащими населенными пунктами. Благо, этого добра сейчас везде навалом. Только свистни.

Иногда он прикидывал.

Две телки в неделю... Ну, пусть даже три, с учетом того, что иногда я больше заказываю. Хорошо, пусть три... В году пятьдесят две недели, пятьдесят два на три, это сколько ж получается-то?.. Сто пятьдесят шесть штук в год?.. Господи! За целый год всего-то полторы сотни девок! Да столько и в ближайших деревнях найти можно! Стоит их тогда за тридевять земель чуть ли не через всю страну на самолетах возить! Бред какой-то! Тем более, что в отношении качества «товара» он был довольно

неприхотлив. Ну, девка и девка. Молодая, симпатичная более-менее — ну, и слава Богу!

Может, анализы у них тут трудно брать? На СПИД и пр.? Негде просто?

(Всех привозимых Русину девушек на предмет здоровья тщательно проверяли. Ну, по крайней мере, его так в этом уверяли. Он и верил, и не верил. «Тщательно»!.. Знаем мы это «тщательно»! При нашем-то бардаке!

Да и как ее проверишь? Ну, сдала она анализы, скажем, за неделю до выезда. Раньше-то все равно, наверное, не получится, их же еще обработать надо, эти анализы. Сделать.

А со сколькими она за эту неделю еще потом трахнулась? Вот то-то и оно! Вот и все эти «проверения».

Но, с другой стороны, он действительно за все это время ни разу еще ничего не подхватил. Хотя презервативами вообще не пользовался. Пока Бог миловал. Тьфу-тьфу-тьфу! Да и!.. Зубов бояться — в рот не давать! Ну, чего тут еще сделаешь? Приходится рисковать. Куда деваться!?)

Как бы то ни было, но все обстояло именно так, как обстояло. Девочек везли отовсюду.

В принципе, Русину было на все это глубоко наплевать, главное, что привозили бесперебойно, по первому его требованию и в любых количествах, а все остальное его особо не волновало. Так просто, любопытство иногда разбирало. Праздное.

Зачем?.. Когда можно?!.. А-а!.. Не важно! Пусть делают, что хотят! Хоть с Луны пусть их доставляют. На космических челноках. Главное, чтобы вовремя и без сбоя.

Сейчас он смотрел на приехавших сегодня новеньких и пытался угадать, откуда они?.. Местные или?.. Для местных, вроде, слишком уж хорошо одеты... «Да впрочем, какая разница!? Попозже выясним, если желание будет», — решил наконец он, скомандовав повару накрывать на стол.

Он вообще последнее время пришел к выводу, что чем меньше спрашиваешь, тем лучше. Да и вообще лучше поменьше общаться! А то начинаешь разговаривать, интересоваться, что и как,.. отношения какие-то неизбежно завязываются,.. мысли всякие дурацкие в голову лезут... «А что, пусть еще на денек другой останется!.. Жалко расставаться!.. Такая девушка хорошая...» Нет уж! На фиг-на фиг! Знаем мы все эти их штучки! Всех этих «девушек хороших»!

Понедельник? Goodbye, my love, goodbye! Сеанс окончен. Время вышло. Через неделю мне уже новую love привезут. Даже две. Одну на субботу, другую на воскресенье.

Вот так-то! Так-то оно надежнее будет. Спокойнее.

Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие! Вот что самое главное. Никаких потрясений. На фиг они нужны, эти потрясения! Толку от них никакого. «Влюбишься и женишься» еще, чего доброго. На бляди! Да и не в этом дело. Баб вообще нельзя в рай пускать. Им там делать нечего. Кончается все это всегда одинаково. Именно так, как в Библии написано. Да-с.

Только по субботам-воскресеньям, на экскурсии. Для удовлетворения своих естественных, чисто физиологических надобностей. И не более того. Отдавать дань природе. Приходится-таки. Иногда. Никуда тут не денешься. Увы!

* * *

Да чего я веду себя как мальчишка?! Что со мной?! — Русин, злясь на себя, налил себе большую рюмку водки, залпом ее выпил и поискал глазами, чем бы закусить. — Ладно, хватит дурака валять! — он встал и, дожевывая на ходу кусочек тончайшего и нежнейшего розоватого балыка («че за рыбка-то, интересно? вкусная... надо повару не забыть сказать, чтоб еще

заказал»), подошел к дивану. Сел посередине, посмотрел на девушек и приглашающе похлопал руками рядом с собой.

Девушки тотчас встали со стульев и послушно уселись по бокам. Алла слева. Русин властно привлек ее к себе, наклонился и принялся целовать, жадно стискивая свободной правой рукой ее грудь. Грудь у Аллы была замечательная. Упругая и в меру большая. Сидящая справа Тома тем времени низко наклонилась и принялась расстегивать Русину пуговицы на брюках. Почувствовав, что девушка начала делать ему минет, Русин отстранил Аллочку и указал ей глазами на подружку.

— Давай, помоги ей! — улыбаясь, предложил он девушке.

Та, как показалось Русину, чуть помедлила, но потом все же тоже улыбнулась ему в ответ, наклонилась и присоединилась к Томе.

Русин сидел, раскинув руки в стороны, положив их на спинку дивана, и наблюдал, как обе девушки облизывали с двух сторон его член, поочередно брали его в рот, передавали друг другу и т. п. Вообще-то с некоторых пор он не был особым любителем всех этих групповых развлечений, предпочитая им старый добрый традиционный секс с одной партнершей, но данный случай был особый.

Он чувствовал, что между ним и Аллой словно устанавливается какая-то внутренняя связь, возникают чуть ли не чувства; и это ему не нравилось. Очень не нравилось!

Поэтому-то он и заставил ее сейчас присоединиться к Томке, надеясь, что зрелище того, как она сосет у него наперегонки с другой такой же точно блядью, отрезвит его, поможет избавиться от наваждения и спуститься наконец с небес на землю!

Это же обычная шлюха! — убеждал он сам себя, небрежно поглаживая девушек по волосам. — Проститутка. Других у меня здесь просто не бывает. Обычная соска. Минетчица. Дрянь. Дешевка. Дай ей сейчас еще штуку баксов — и она и у всех моих охранников заодно отсосет! В легкую! Без проблем!

С тем же загадочным выражением лица. Как будто она какую-то великую тайну знает. Одну только ей известную. А еще за двести баксов с Томкой сейчас у меня на глазах лизаться начнет. Пока я ее в жопу трахать буду. Кстати, это мысль!

— Ладно, девочки, хватит! — лениво хлопнул он пару раз в ладоши. — Давайте раздевайтесь и поласкайте друг друга у меня на глазах. Меня это возбуждает.

И опять эта легкая заминка! Тамара начала раздеваться сразу, с веселой, понимающей улыбкой, воспринимая, судя по всему, требования Русина как нечто, само собой разумеющееся. Все правильно! Ей хорошо заплатили, купили ее на эти двое суток, — естественно, клиент вправе за свои деньги требовать от нее то, чего он хочет. Для этого-то она сюда и приехала. Чтобы эти его требования выполнять. Это просто работа! Обычная работа, хорошо ей знакомая и привычная.

Алла тоже начала раздеваться, но после маленькой, еле заметной паузы. Как будто сама она не знала, что делать и как себя вести и просто слепо копировала все действия своей подруги и во всем ей подражала.

Русин ощутил растущее раздражение. Ему показалось, что девушка почувствовала его особое к ней отношение и теперь попросту играет, кокетничает и пытается это отношение закрепить и извлечь из него максимальную для себя выгоду. В общем, она играла с ним в ту вечную любовную игру, в которую сразу же интуитивно начинает играть с мужчиной любящая женщина, как только почувствует его особое к себе внимание и отношение. Правда, условия, в которых ей приходилось играть, были более чем специфическими, но она делала, что могла, и делала это весьма талантливо. Она вроде и выполняла все требования Русина, но выполняла их как-то неохотно, словно вынужденно. Будто жертву какую-то приносила. Погорялась обстоятельствам.

Что ты ломаешься, тварь! — со злостью подумал, глядя на нее, Русин. — Великомученицу из себя строишь. Ассоль, блядь! Чего ты вообще тогда ко мне приехала? Цветочки нюхать? Алыми парусами любоваться? Будут тебе сейчас алые паруса! По самые помидоры.

Собственно, злился он даже не столько на нее, сколько на самого себя. На то, что он ведется на все это, как последний лох. На все эти ее нехитрые женские уловки. Она-то чего! Она все правильно делает. Видит, что мужик на нее западает, ну, и действует соответственно. Глядишь, и получится чего. Но он-то! Он-то хорош!.. Сколько баб за это время через его руки прошло, казалось, наизусть уж всех их можно было бы изучить со всеми этими их штучками и подходцами — и вот, пожалуйста! Вот, понимаешь вроде все, каждое ее движение, каждый жест, взгляд, каждую ужимку! — а что толку? Разум тут бессилён. Уже бессилён...

Ей каким-то волшебным образом удалось сломать защитный психологический механизм и проникнуть внутрь системы. В душу!

Все!! Враг изнутри. Разум говорит одно, а сердце — другое.

Логика подсказывает:

— Да это же профессионалка, у нее мужиков было в сто раз больше, чем у тебя баб; она же просто на лавэ тебя раскручивает; она за этим сюда и приехала, как и все они приезжают! А иначе зачем? Она тебя до этого и не видела ни разу! Ты что, дурак!??

А душа шепчет в ответ:

— То «все», а то ОНА! Она — другая, особая!..

ТЬфу ты!.. «Особая»!.. Сейчас мы поглядим, какая она «особая»...

Девушки тем временем разделись. Вид обнаженной Алочки подействовал на Русина оглушающе. Дыхание участилось, во рту

пересохло. Он почувствовал себя каким-то мальчишкой, школьником, перед которым впервые разделась его одноклассница.

Да что с тобой!!!??? — заорал он сам на себя. — Очнись!! Идиот!!! Это же всего лишь шлюха!

Томка между тем уверенно приблизилась к по-прежнему словно бы робеющей и смущенной Аллочке, слегка наклонилась и стала целовать ей грудь, в то время как правая рука ее скользнула Аллочке между ног. Аллочка вздрогнула, но не отстранилась.

Русин, стиснув зубы, все это наблюдал, медленно поглаживая свой торчащий из брюк член.

Томка, видимо заметив нетерпение Русина, быстро увлекла послушно следовавшую за ней во всем Аллочку прямо на ковер. Теперь девушки находились в классической для лесбиянок позе: одна над другой, обе с широко раздвинутыми ногами, каждая лижет у своей подруги... там. Верхняя — у нижней, нижняя — у верхней. Верхней оказалось Аллочка.

Русин тоже не торопясь разделся, бросил одежду на диван и медленно приблизился к лежащим на полу девушкам.

Ну-с, с кого начнем? — подумал он. — Пожалуй, с Аллы. Со скромницы нашей. Ей первой и засадим.

Девушки лежали на полу, и ему пришлось встать на колени. Он сначала, практически не глядя, привычным движением сунул член в рот Томке, чтобы она облизала его и смочила слюной головку, и только затем, отстранив небрежно Томку и вынув член у нее изо рта («Хватит!»), перехватил его поудобнее задрожавшей отчего-то правой рукой, задержал от волнения дыхание и...

До сих пор Русин действовал чисто механически, просто на автомате, как действовал до этого десятки, если не сотни раз с десятками и сотнями других, таких же точно шлюшек, аллочек и томок, но с этого мгновенья все вдруг изменилось. Все исчезло! Исчезла словно по волшебству эта проститутка Томка, исчезла вся эта атмосфера бесстыдства и разврата. Исчезло все!

Остались только ОН и ОНА. Русин и Аллочка. Мужчина и его женщина. Женщина, данная ему от Бога, предназначенная самой судьбой. Одна-единственная. На всю жизнь.

Русин почувствовал, что тонет. Гибнет! Весь его мир, с таким трудом им построенный, выстраданный, рушится на глазах. Его Эдем, его рай. Еще мгновенье, и все это вспыхнет и сгорит бесследно в пламени охватившего его безумия, и от всего этого ничего не останется, одна только груда дымящихся обломков, углей и пепла.

И ему стало страшно. Он ничего и никогда не боялся в жизни. Ничего и никого. Но тут ему стало страшно. Сейчас, через мгновенье, он все потеряет, все! всего лишится — а что взамен? С чем он останется? С этой блядью-Аллочкой, которую он первый раз в жизни видит? С этой продажной шлюхой, которая приехала сюда просто денег подзаработать, как и все они? И которой просто чисто случайно, каким-то невероятным образом удалось его чем-то зацепить.

Черт бы ее побрал!! У него прекрасная, отлаженная жизнь, все его в ней устраивает, и он не намерен ничего менять! Он счастлив! Он в раю! И он не позволит какой-то суке...

Да и какие тут могут быть перспективы? Какое будущее? Ну, сам подумай!.. Ну ладно, с ним-то, положим, все ясно, он просто рехнулся, крыша поехала, но она-то, она?!.. Она что, тоже так вот прямо на него запала и рехнулась? Влюбилась с первого взгляда?

Черта с два!! Она же профессионалка! Почуяла просто, что деньгами большими пахнет, вот и... Ясно же все, как белый день!

Все эти мысли промелькнули в голове у Русина за один короткий миг, как вспышка молнии.

Ну нет, милочка, — скрипнул зубами он, — так дело не пойдет! Слишком дорого мне все это досталось, чтобы так вот просто, ради какой-то там шалавы под откос все пускать. В игры

со мной играть вздумала? Сейчас поиграем! Извини, конечно, но сама напросилась.

Совершенно неожиданно Русин почувствовал, что не может больше сдерживаться. Так хорошо ему не было уже очень давно. Да, наверное, вообще никогда! Ни с одной женщиной. Он попытался продлить хоть немного свое наслаждение и почти остановился, но это не помогло. Через секунду он, тяжело дыша, упал на спину громко застонавшей и судорожно дернувшейся несколько раз Аллочки.

Что за черт!?! — мимолетно удивился еще не пришедший в себя до конца Русин. — Похоже, она и вправду кончила!

Эти вещи он давно уже различал у женщин четко. В данном случае никаких сомнений не было.

Тем лучше! — тут же зло усмехнулся он. — Что тебе, сучка, это дело еще и нравится к тому же. Сейчас я тебе доставлю удовольствие!

Он встал, накинул халат, подошел к двери и окликнул повара. Тот торопливо подскочил.

— Костю позови, — распорядился Русин. (Костя был начальником охраны.)

— Ванная там! — кивнул он, оглянувшись, Аллочке на малозаметную дверь в углу. Та молча встала и проследовала в указанном направлении. Через мгновение Русин услышал шум открываемой воды.

Она биде-то хоть пользоваться умеет? — ухмыльнулся он про себя. — Пойти, разве, показать?..

— Да, Вадим Евгеньевич? — начальник охраны озабоченно подбежал к Русину.

— Вот что, Костя! — заплетающимся языком произнес Русин, стараясь казаться пьяным. На самом деле он был абсолютно трезв. — Давай, подтягивай сюда всех своих бойцов. Трахните

сейчас у меня на глазах одну из этих девок. Ну, вот ту, например, что в ванную сейчас пошла. А то у меня просто так сегодня чего-то не стоит на них! — он пьяно захохотал.

— Э-э... То есть как это, Вадим Евгеньевич?.. — залепетал совершенно пораженный начальник охраны. Такого его шеф еще никогда от него не требовал.

— Проблемы? — холодно осведомился Русин. Глаза его угрожающе сузились.

— Нет-нет, Вадим Евгеньевич! — опомнился наконец Костя. — Я все понял. Сейчас!

— Давай! — коротко бросил ему Русин и вернулся в зал.

Он опять уселся на диван и поманил валявшуюся на пушистом ковре Томку. Та радостно вскочила и с веселым визгом плюхнулась рядом с Русиным, сразу же прильнув к нему всем телом и сунув руку ему под халат.

— Ну-у?.. — капризно протянула она, нащупав безжизненно опавший пенис Русина.

— Тише, тише! — успокоил ее тот. — Всему свое время. Все будет! Еще не вечер!

В это время из ванной вышла Аллочка.

— Слушай, Алла! — ласково улыбнулся ей Русин. — Сейчас с мальчиками моими потрахнешься прямо здесь, на ковре. Я, знаешь ли, люблю на такие вещи смотреть! А я тебе за это денежек в два раза больше заплачу. Так что не переживай!

— Ничего себе! — тут же вскричала с шутливым возмущением обиженная Томка. — А мне?! Я тоже в два раза больше хочу!

— Тоже хочешь? — игриво подмигнул ей Русин. — С охранниками моими?.. На ковре?..

— Хм!.. — пренебрежительно фыркнула девушка и презрительно дернула плечиком. — Подумаешь! Да без проблем! Хоть с целой ротой! Деньги только — плати!

— Ладно, ладно! — лениво отмахнулся от нее Русин. — Уймись! Будут тебе деньги. Будешь хорошо работать — и тебе накину. Давай, старайся!

Тома замолчала и, прижавшись сбоку, принялась медленными, волнообразными движениями тереться об него всем телом, одновременно лаская рукой пенис.

Русин не обращая больше на нее никакого внимания взглянул наконец на Аллочку.

Та стояла неподвижно и смотрела на него с таким беспомощным и беззащитным выражением лица, что у него защемило сердце. Он не выдержал и отвел глаза.

Вошли охранники...

* * *

Аллочка не улетела в понедельник. Русин не смог с ней расстаться. («Ты можешь остаться еще на несколько дней?» — спросил он ее в воскресенье вечером. — «Как ты скажешь, так и будет», — ответила она просто.) Он лежал на кровати ночью, смотрел на ее тихое, спящее лицо, слушал ее ровное дыхание и чувствовал, как к горлу подкатывается ком, и слезы закипают на глазах. А душу переполняет нежность. Заливает, как вешняя вода луга весной в половодье.

Охранников он теперь ненавидел. Те это чувствовали и прятались от него, стараясь не попадаться лишний раз на глаза. Вообще в доме царил мертвая тишина. Все ощущали, что происходит нечто необычное.

Прошла неделя. Впервые за все эти годы Русин на выходные никого не выписал.

— Скажи, не надо пока, — смущенно сообщил он повару, бегая глазами. Ему отчего-то было стыдно.

Повар лишь коротко глянул на него, помялся, но ничего не сказал.

— Это временно, — хрипло добавил Русин и сразу же вышел.

Но эта сцена подействовала на него отрезвляюще. Он вдруг совершенно ясно осознал, что все, конец! Никакое это не «временно». Это окончательно. Превенная жизнь кончается. Начинается что-то новое. Хорошее ли, плохое — это пока неясно, это покажет только будущее, но — новое! Он тонет. Тонет, тонет, тонет... Погружается в какую-то сладкую, манящую бездну... И погружается с радостью, и спастись ему из нее вовсе не хочется.

Он любит Аллочку! Любит — и все тут. Несмотря ни на что. И душа его, воля, разум, здравый смысл — все растворяется, как железо в кислоте, в этой всепоглощающей любви. В любви и нежности.

Все рушится! Весь его мир. Весь его с таким трудом созданный рай. Ева уже протянула, смеясь, руку к яблоку, а он стоит рядом и ничего не может сделать. Не может ей помешать. Яд любви уже проник в его вены и лишил воли. Яд любви и нежности. Нежности и любви... Нежность и любовь... Любовь и нежность...

«Нежность», «нежность»!.. — криво усмехнулся Русин и тряхнул головой. — Рифмуется, как известно, в русском языке со словом «промежность». И это, похоже, неспроста... Ладно!! Посмотрим!

* * *

— Ну что? — нарочито-небрежным тоном первым делом спросил Русин у выбежавшего ему навстречу повара, заходя в дом. — Улетела?

— Да, все в порядке, Вадим Евгеньевич, улетела! — спеша, затараторил тот.

— Спросила что-нибудь? — дрогнувшим голосом глухо поинтересовался Русин, опуская глаза. — Почему, мол, да как?

— Нет, ничего не спросила, Вадим Евгеньевич, — испуганно пробормотал повар. — Только побледнела очень, — после паузы тихо добавил он.

— Я тебя не спрашиваю, блядь, побледнела она или нет!! — в бешенстве заорал Русин и швырнул снасти на пол. — Я тебя спрашиваю просто, что она сказала!! — он грохнул изо всех сил дверью своего кабинета и повернул ключ на два оборота.

Постоял немного, переводя дыхание и успокаиваясь, и лишь потом медленно подошел к столу. На столе, на самом видном месте, лежало ее колечко. Дешевенькое, тоненькое, с каким-то маленьким невзрачным камешком. Больше ничего. Ни записки, ничего.

* * *

Русин принялся пить. Не так, как раньше, а по-настоящему. Он пил, напивался, засыпал прямо за столом, просыпался и снова пил. День,.. другой,.. третий...

Надо выдержать, надо выдержать! — твердил он про себя. — Хотя бы две недели. А потом уже посмотрим. Если ничего не изменится, не спадет это наваждение — ну, можно и жениться в конце концов. Все же в моих руках! Как я захочу, так и будет. Где она живет известно, чего там!.. Прикажу — завтра же опять привезут.

Но надо же мне было хотя бы срок испытательный себе назначить, хотя бы две недели! Нельзя же так вот, сразу, с бухты-баракты, за три дня все решать! «Любовь с первого взгляда», блин! В моем-то возрасте! Две недели — не такой уж большой срок, если уж на то пошло...

А что поступил с ней так, по-скотски!.. Ну, извинюсь, она поймет. Объясню, что не мог я иначе!! Не хватило бы у меня сил так ее отослать! По-людски. По-человечески. Вот и пришлось, блядь... На рыбалку уехать...

Но почему мне так плохо?! Почему!?! Я же прав!! Почему!!!!???

* * *

— Вадим Евгеньевич! Вадим Евгеньевич!

— А?.. Чего там еще?.. — Русин с трудом разлепил заплывшие глаза и мутно уставился на стоявшего рядом у стола встревоженного охранника. — Ну?!..

— У нас ЧП!

— Какое еще «ЧП»!.. — с отвращением пробормотал Русин, ища глазами водку. Смотреть на охранника он не мог. Ему было даже противно рядом с ним находиться. Сразу же лезли воспоминания. Картинки перед глазами вставали... Как тогда, в этом самом зале... Твою мать!!! Что все они будут уволены, он уже решил твердо. Вот только протрезвею, и...

— Эта девушка, Алла...

Рука Русина, тянущаяся к бутылке, замерла.

— Ну? — тяжело поднял он глаза на охранника. — Что «эта девушка»?

— С ней несчастный случай произошел, — охранник сглотнул. — Муж в нее из охотничьего ружья выстрелил. И она в бреду Вас все время звала. У Вас, Вадим Евгеньевич, теперь неприятности могут быть с органами. На допрос могут дернуть. Наш человек предупреждает, чтобы Вы никуда пока отсюда...

— Вызывай вертолет, — мертвым голосом перебил его Русин.

— Что? — не понял охранник. — Я говорю...

— Вызывай вертолет, — монотонно повторил Русин и посмотрел охраннику прямо в глаза. Охранник попятился. — Немедленно! И телефон мне принеси. Живо!

* * *

— Не смотри на меня, любимый, — прошептала Аллочка, пытаясь отвернуться. — Я сейчас некрасивая.

Лицо ее было все в синяках. У Русина сердце сжалось от жалости.

— Ты самая красивая девушка на свете, — срывающимся голосом произнес он, изо всех сил пытаясь справиться с душившими его рыданиями. По лицу его катились слезы. — Я люблю тебя! Прости меня.

— Ты плачешь, милый? — удивленно сказала Аллочка. — Не плачь, не надо! И не вини себя ни в чем. Это я во всем виновата. Не надо мне было к тебе приезжать. Просто мне деньги очень нужны были. Деньги! Развестись чтобы... Жить было негде... Деньги... Вот меня бог и наказал... — она заметалась на кровати. У нее начался бред. — Я тебя люблю!.. Люблю... Ты же видишь. Не прогоняй меня!.. Почему?..

Русин, не в силах больше сдерживаться, припал к ее руке и, рыдая, стал покрывать ее поцелуями.

— Прости меня!.. — задыхаясь, твердил и твердил он. — Прости!.. Прости!..

* * *

— Она выживет? — спросил Русин у врача, выходя из палаты.

— Ранение очень тяжелое... — неопределенно пожал плечами тот.

— Делайте, что угодно! — со все еще мокрыми от слез глазами сказал Русин. — Любые деньги! Любые!!

* * *

Аллочка умерла этой же ночью не приходя в сознание.

— Она что-нибудь говорила перед смертью? — поинтересовался Русин у врача. Лицо его словно окаменело.

— Да нет, ничего особенного, — смущенно пробормотал тот, не решаясь взглянуть на Русина. — Обычный бред...

* * *

- Все сжечь!
- Как это «сжечь»?! — в изумлении открыл рот и ошарашенно уставился на Русина охранник.
- **Так** это! Облить бензином и сжечь. Со всем, что внутри. Со всеми вещами. Немедленно!! Начинайте!

* * *

Русин постоял немного, глядя на огромную дымящуюся грудку углей и обломков, оставшуюся на месте его некогда роскошного дома, и уже повернулся было, чтобы пойти к ждавшему его вертолету, как что-то вдруг привлекло его внимание. Он подошел и, не обращая внимания на предостерегающие крики охранников, нагнулся и, обжигаясь, поднял с черной и обгоревшей земли какую-то тускло блеснувшую вещицу.

Это было тоненькое дешевенькое колечко. Темное, закопченное, с оплавившимся, непрозрачным камешком.

- И спросил у Люцифера Его Сын:**
- Почему мир так печален?**
- И ответил Люцифер Своему Сыну:**
- Что ж. Попробуй сделать его лучше.**